ПОСЛАННИК

Жизнь Мухаммеда

Р. В. К. Бодли

Эта биография Мухаммеда воссоздаёт драматическую историю становления ислама на фоне своей эпохи и представляет один из первых близких, человеческих портретов человека, основавшего одну из великих мировых религий.

Сын состоятельного торговца, Мухаммед родился ближе к концу VI века н. э. и провёл детские годы среди кочевников, чьи обычаи впоследствии отразились на положениях ислама. В юности он сам стал торговцем, а к двадцати шести годам сумел жениться на богатой мекканке, несмотря на возражения её семьи.

Ему было почти сорок, когда он впервые пережил то, что счёл божественным откровением, — послание Аллаха, переданное через ангела Джибрила и призывавшее его объединить арабские народы в истинной вере. В течение десяти лет он держался в стороне от мирских дел, собирал вокруг себя обращённых и готовился ко дню, когда ему предстояло выйти на историческую сцену как новой и значительной силе.

История возникновения ислама захватывающа и порой кровава. В ней были политические интриги и военные столкновения, призванные избавить Мухаммеда от преследований курайшитов и от притязаний членов его собственной семьи. Полковник Бодли впервые показывает Мухаммеда в неразрывной связи с пустынной средой, в которой он сформировался, и тем самым разъясняет во всех существенных деталях природу ислама.

Посвящается ФЛОРЕ УИТНИ МИЛЛЕР,
чья дружеская помощь на протяжении многих лет
сделала возможным написание этой книги.

Бисмилляхир-рахманир-рахим.
Куль хува-ллаху ахад.
Аллаху-с-самад.
Лам ялид ва лам юлад.
Ва лам якун ляху куфуван ахад.

Во имя Бога, Милостивого, Милосердного!
Скажи: Он — Бог единый,
Бог вечный,
Он не родил и не был рождён,
И нет никого, равного Ему.
Коран, сура 112.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Те, кому доводилось слышать призыв муэдзина к молитве с минаретов мусульманских мечетей, возможно, помнят одну из его строк:

«Ля иляха илля-Ллах! Мухаммад расул Аллах!

[Нет Бога, кроме Аллаха! Мухаммед — Его Посланник!]»

Поэтому я и назвал свою книгу «Посланник: жизнь Мухаммеда».

Чтобы облегчить чтение этой длинной биографии, я включил в неё несколько практических приложений.

История Мухаммеда изобилует именами, большинство из которых непривычны для многих западных читателей. Поэтому, помимо общего указателя, я составил дополнительный список мужчин и женщин, игравших заметную роль в жизни Посланника Аллаха и бывших его современниками.

С той же целью я подготовил перечень жён Мухаммеда с указанием их полных имён и имён их родителей.

В конце книги помещён словарь арабских выражений, встречающихся в тексте. Я старался сделать написание слов и имён собственных как можно более простым. Арабские звуки трудно передать какими-либо буквами, кроме арабских. Арабская рукопись состоит главным образом из согласных, причём их начертание меняется в зависимости от того, стоят ли они в начале, середине или конце слова. Западные авторы, пытающиеся буквально воспроизводить эту систему письма, обычно добиваются лишь того, что запутывают и раздражают читателя. Поэтому я использовал формы «Koran» и «Koreish», а не более правильные «Qur’an» и «Quraish». Я также пишу слово «caliph» через с, как это принято в авторитетных словарях. Словарь Вебстера, например, пишет «Kaaba» с двумя а, а не в арабской передаче с особым гласным знаком.

Исходя из того же принципа, я старался переводить арабские диалоги буквально и просто. Передача их поэтичности и ритма выходит за рамки моей задачи. Цитаты из Корана основаны на переводах Мармадьюка Пиктолла и Дж. М. Родвелла.

Тем читателям, которые склонны спорить о том, что в жизнеописании Мухаммеда является историческим фактом, а что преданием, я хочу сказать следующее. В историях всех великих людей всегда имеется много преданий, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Более того, порой трудно понять, каким образом уверенность стала «достоверностью», а предание — именно преданием. Во всех религиях, кроме того, есть немало не только преданий, но и легенд. Теологи, однако, не отбрасывают непроверенное лишь потому, что для него не хватает доказательств. Поэтому, хотя в принципе я придерживался фактов, я не считал нужным нарушать строй каждой фразы вставкой «как говорят» всякий раз, когда не был уверен, не перехожу ли я от истории к преданию.

Я хочу поблагодарить следующих добрых людей, помогавших мне в создании этой книги: доктора Филипа К. Хитти и доктора Дж. И. Хейраллаха, вместе со мной пересматривавших рукопись; мистера Дональда Б. Элдера, миссис Мортон Пеннипакер, миссис Наду Патцевич, миссис Эллен Сибрук и мисс Энн Уоткинс, которые различными способами внесли вклад в работу над книгой; а также мисс Эмили Дэви, прочитавшую и исправившую гранки «Посланника».

Р. В. К. Бодли
Вашингтон, Коннектикут
Декабрь 1945 года

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 6
I. МЕККА 15
II. ДЕТСТВО МУХАММЕДА 26
III. ЮНОСТЬ МУХАММЕДА 39
IV. ПРИЗВАНИЕ 51
V. ГОНЕНИЯ 64
VI. ВЕРА 82
VII. СЕМЬ НЕБЕС 91
VIII. АЛЬ-ХИДЖРА — БЕГСТВО 102
IX. МЕДИНА 114
X. ПЕРВАЯ БИТВА 129
XI. ИУДЕИ 141
XII. ВТОРАЯ БИТВА 152
XIII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ В МЕДИНЕ 162
XIV. ОСАДА МЕДИНЫ 174
XV. ИСТОРИЯ С ОЖЕРЕЛЬЕМ АИШИ 187
XVI. КОРАН 201
XVII. ДОГОВОР 214
XVIII. ПОСОЛЬСТВА 229
XIX. ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА 243
XX. ОТРЕЧЕНИЕ АБУ СОФЬЯНА 254
XXI. СОЗДАНИЕ АРМИИ 265
XXII. ПОСЛЕДНЕЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО 278
XXIII. СМЕРТЬ МУХАММЕДА 288
XXIV. МУХАММЕД ДОМА 300
Эпилог 307
Основные действующие лица драмы Мухаммеда в пустыне 316
Жены и наложницы Мухаммеда 317
Словарь 318
Библиография 320

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга написана скорее для людей, желающих узнать что-то о Мухаммеде и исламе, чем для востоковедов или студентов-богословов. Это не означает, что я позволял себе вольности с материалом или опускал какие-либо подробности жизни и учения Мухаммеда. Напротив, эти страницы, вероятно, богаче подробностями, чем многие другие биографии Мухаммеда. Я старался придерживаться фактов настолько точно, насколько это возможно, когда пишешь о человеке, которого не мог знать лично. Я также приложил все усилия, чтобы избежать как пристрастности мусульманского фанатика, так и искажений христианского фанатика. Легендам и спорным вопросам отведено подобающее место. Странно, что без сколько-нибудь веских причин о Мухаммеде распространено больше популярных заблуждений, чем о любом другом основателе великой религии.

У нас нет записей, современных Моисею, Конфуцию или Будде; о жизни Христа мы знаем лишь отдельные фрагменты и почти ничего — о тридцати годах, предшествовавших последним трём годам его жизни. История же Мухаммеда, напротив, чрезвычайно ясна.

Здесь вместо туманного и таинственного перед нами история. Мы знаем о Мухаммеде столько же, сколько знаем о людях, живших гораздо ближе к нашей эпохе. Сведения о его внешней жизни — юности, родственниках, привычках — не являются ни легендами, ни слухами. Сведения о его внутренней жизни после провозглашения миссии — также не смутная традиция о каком-то неизвестном или растерянном проповеднике. У нас есть современная ему книга, совершенно уникальная по происхождению и сохранности, подлинность которой никому так и не удалось поставить под серьёзное сомнение.

Эта книга, известная как Коран, существует сегодня в том виде, в каком была впервые записана под наблюдением Мухаммеда. Хотя отдельные мысли в разные моменты набрасывались на кусках пергамента, пальмовых листьях, костях и обрывках кожи, первоначальные главы и стихи были сохранены. И произошло это не через столетия или даже десятилетия после смерти автора, как в случае Ветхого и Нового Заветов. Абу Бакр, непосредственный

преемник Мухаммеда, распорядился собрать, переписать и связать воедино все фрагменты коранической «рукописи». Этот экземпляр был передан на хранение Хафсе, одной из вдов Мухаммеда.

В 646 году после Рождества Христова, через четырнадцать лет после смерти Мухаммеда, Усман, третий халиф, друг и современник Мухаммеда, приказал уничтожить все несанкционированные варианты Корана, которые ревностные ученики составляли по памяти. Сохранился только основной экземпляр Хафсы. С него были сделаны все последующие издания. С тех пор, ничего не было добавлено и ничего не было изъято.

Это также не сборник преданий или сообщений о том, что Мухаммед якобы говорил. Это текст, который, как я утверждаю, был продиктован им самим — день за днём и месяц за месяцем — при его жизни. В нём отражён этот выдающийся ум: временами текст лишён художественности и противоречив, гораздо чаще он вдохновляющ и лиричен и всегда наполнен крупными идеями, складывающимися в единое целое.

Но даже если бы у нас не было Корана, у нас оставались бы другие связи с эпохой Мухаммеда, свойственные именно арабскому народу.

За десятки тысяч лет, предшествовавших нашей эпохе, человеческий род физически почти не изменился, а интеллектуально изменился очень мало. Страсти, удовольствия, сердечные страдания, политические и семейные проблемы людей далёких времён, по всей вероятности, были очень похожи на наши.

Западные люди склонны представлять цивилизацию как непрерывно наступающий поток, который с начала времён постоянно движется вперёд. Вероятно, это неверно. Она скорее похожа на прилив: вода прибывает и убывает, достигает высшей отметки, а затем снова отступает.

Воскресшему вавилонянину или древнему греку было бы трудно приспособиться к современному образу жизни. В мышлении и обычаях столетия, отделяющие те эпохи от нашей, создают почти непреодолимую пропасть. То же самое можно сказать о большинстве эпох, даже гораздо менее удалённых от нас, чем Древняя Греция и Вавилон, — эпохах, которые разделяют всего несколько сотен лет. Но существует один своеобразный мост через время. Тринадцать веков между нашими днями и эпохой Мухаммеда изменили потомков

людей, впервые решивших, что ислам — путь к спасению, меньше, чем период между генералом Вашингтоном и генералом Эйзенхауэром изменил американцев.

Мусульманин VII века, вернувшийся в ту часть Аравии между Меккой и Мединой, где жил Мухаммед, нашёл бы там немного того, что могло бы его удивить. Кочевые арабы в чёрных шатрах, путники на верблюдах, паломники, идущие через пустыню от Красного моря, — всё это было бы на месте, как прежде. Почти не изменилась бы и одежда людей, и их внешний облик. Лица и телосложение араба сегодняшнего дня, араба тринадцативековой давности или даже жившего три тысячи лет назад, по моему мнению, не испытали тех изменений, которые преобразили англосаксонские и латинские народы. Манера одеваться почти не изменилась. Мусульманин VII века смог бы даже узнать племена, пасущие скот вокруг Мекки, по тем же именам, что и во времена Мухаммеда. Среди соплеменников он нашёл бы прямых потомков людей своей эпохи. Если бы мимо, подняв облако пыли, прогрохотал грузовик или над головой пронёсся самолёт, воскресший араб без труда приписал бы эти странности джиннам.

Хотя письменных трудов непосредственных современников Посланника Божьего не сохранилось, существуют произведения людей, имевших сведения из первых рук — почти личное знание своего предмета. Некоторые из этих сочинений можно читать и сегодня. Для нас, привыкших к тому, что писатели составляют биографии ещё живущих людей, это не кажется удивительным. Однако такой обычай сравнительно современен. До недавнего времени биографии были в буквальном смысле посмертными жизнеописаниями.

Многие родственники пережили Мухаммеда и передали воспоминания о нём своим потомкам. Его ближайшие сподвижники без перерыва продолжили его политические и военные традиции. Арабы, завоевавшие Испанию и дошедшие походами почти до середины Франции, лично знали людей, слышавших проповеди Посланника.

Кочевники, среди которых я жил в пустыне, не говорили о Мухаммеде как о далёком и мистическом существе — так, как христиане говорят об Иисусе. Не возникало ощущения неосязаемости,

отчуждения от человека, который носил совсем другую одежду и жил в незнакомой стране среди людей, которых средний человек едва способен представить. Не было того душевного состояния, которое выражено в словах старой дамы из Балтимора о распятии:

«Это было так давно. Будем надеяться, что это неправда».

Мои арабы говорили об основателе своей веры так, будто знали его. Он был пастухом, носил такие же одежды, как они, ездил на таких же верблюдах, питался примерно тем же. Всё, что они делали, они могли сопоставить с его жизнью. Для этих кочевников Мухаммед был так же жив, как любой из них самих.

Поэтому мне легче восстановить сцену тринадцативековой давности, чем оксфордскому профессору — точно описать интимную сторону жизни елизаветинской эпохи. Это проще, чем американскому историку писать о Соединённых Штатах до Войны за независимость. И, по моему мнению, мне сделать это легче, чем большинству биографов Мухаммеда.

Большинство этих писателей имеет куда больше оснований, чем я, претендовать на изящество стиля, учёность и владение техникой биографии. Но им не хватает того, что есть у меня. Независимо от того, были ли они людьми Востока или Запада, никто из них не вёл того образа жизни, который вели Мухаммед и его последователи в Аравии начала VII века и который я сам вёл в первой половине XX века.

Ни азиаты, ни европейцы, ни американцы, писавшие о Мухаммеде, не отправлялись в те безлюдные районы Аравийской пустыни, где Посланник дал начало исламу.

Западные авторы не решались на такой опыт, потому что не были людьми, способными приспособиться к арабской жизни. Они понимали: если не отдать кочевому существованию годы, тяжёлый опыт не даст им почти ничего.

Восточным авторам это было бы ещё труднее. Люди Востока, которые пишут книги, обычно ведут оседлый образ жизни. Они живут в оазисах или городах. Они ничего не знают о пустыне и мало соприкасаются с кочевниками. Провести месяцы под шатром из верблюжьей шерсти для них столь же немыслимо, как переплыть Средиземное море.

Поэтому всем этим биографиям, я считаю, чего-то недостаёт. Они неполны. Они не рассматривают своего героя со всех сторон. Мухаммед обычно появляется как своего рода одномерная фигура на пустой стене. Это измерение может быть духовным, материальным или обманчивым — каким бы оно ни было, оно существует изолированно. Фона почти нет. Картина похожа на силуэт, наклеенный на тусклый лист картона. Но Мухаммед не был плоской фигурой: он был многогранен, и его окружение вовсе не было бесцветным.

Один автор, чью биографию Мухаммеда я прочитал, очевидно, никогда не выезжал из Новой Англии, где служил протестантским пастором. Азия и Африка были для него дальше, чем рай или ад. И всё же он исписал триста страниц подробным рассказом о жизни Посланника Аллаха, который, несмотря на просвещённый стиль, прекрасное знание Писания и некоторое знакомство с арабским языком, обнаруживал удивительное непонимание того, как жил Мухаммед и что он собой представлял.

На протяжении всей книги этот автор называл своего героя только «самозванцем», не объясняя, каким образом этот самый самозванец заставил ближайших потомков завоевать территорию, втрое превышавшую площадь Соединённых Штатов, и передать человечеству культуру, которая жива до сих пор.

Джордж Сейл, создавший в начале XVIII века прекрасный перевод Корана и, казалось бы, обязанный знать предмет лучше, предпослал своему изданию следующие слова:

«Историки сообщают нам, что знаменитые города, превосходившие все остальные в литературе и торговле, спорили между собой о том, кому должна принадлежать честь быть родиной Гомера... Такой спор заслуживал похвалы, поскольку показывал высокое мнение людей той эпохи о выдающихся заслугах. Но когда внимательно рассматриваешь характер Мухаммеда, картина оказывается столь поразительной, что удивительно, почему место его рождения не было предано забвению. Любая страна могла бы покраснеть от стыда, породив подобное чудовище. Однако арабы всегда так сильно почитали этого великого обманщика, что не оставили никаких сомнений относительно того, где он впервые увидел свет».

И так далее. В ответ на это остаётся лишь воспользоваться словами из книги о Мухаммеде того самого новоанглийского проповедника, упомянутого выше:

«Каким образом подобное чудовище, подобный великий обманщик мог создать религию, которая сегодня насчитывает триста миллионов верующих и, вместо того чтобы приходить в упадок, как многие другие мировые религии, сильна как никогда и ежедневно приобретает новых последователей?»

Обличители «лжепророка», по-видимому, упускали также и то, что в самом начале различия между мусульманами и христианами были невелики. В первые годы своей проповеди Мухаммед, по моему мнению, не обиделся бы, если бы его приняли за христианина. Когда его преследовали, он искал и нашёл защиту для своих людей у негуса Абиссинии, правившего христианским царством. Более того, как будет показано далее в этой книге, лишь стечение обстоятельств помешало исламу превратиться в малоизвестную христианскую секту наподобие маронитов или иных ранних течений. Недоразумения с христианами начались лишь ближе к концу жизни Мухаммеда и приобрели по-настоящему острый характер значительно позднее, в связи с войнами эпохи крестовых походов. С этого времени они усиливались, пока имя «Мухаммед» в европейском сознании почти не стало синонимом богохульства. В эпоху Шекспира слово «mammetry» стало обозначать любую ложную религию, особенно идолопоклонство; «maumets» называли идолов. От того же источника я вывожу слова «mahomerie» и позднейшее «mummery».

Некоторые общепринятые представления той эпохи были поистине фантастичны. Например, в одной поэме XII века Мухаммед изображался феодальным сеньором, принявшим христианский духовный сан. Его будто бы сделали кардиналом, но, не избрав папой, он якобы отомстил тем, что основал новую религию.

Вера в то, что гроб Мухаммеда висит в воздухе между небом и землёй, сохранялась до сравнительно недавнего времени. Историки без тени смущения утверждали, что Мухаммед был похоронен в Мекке. Другие писали, будто он умер от пьянства, а его тело съели свиньи. В действительности же Мухаммед объявил свинину нечистой и запретил своим последователям алкоголь; его тело покоится там, где оно было погребено в Медине.

Пословица о Мухаммеде и горе не имеет отношения к Аравии VII века. Самое раннее известное мне упоминание этой истории, вероятно, содержится в эссе Фрэнсиса Бэкона «О смелости», опубликованном около 1597 года.

Иногда среди авторов тех времён встречались люди вроде Джона Селдена, которые действительно пытались разобраться в арабской вере.

«Они называли изображения mammets, а поклонение изображениям — mammetry, — писал этот учёный XVII века, — то есть Mahomets и Mahometry: ненавистные названия, хотя всему миру известно, что туркам [тогда это слово часто употреблялось как синоним мусульман] изображения в религии запрещены».

Однако подобные констатации фактов были редки, и сохранялось общее убеждение, будто всякая религия, возникшая после смерти Христа, должна быть обманом.

Были и биографы, впадавшие в противоположную крайность и изображавшие Мухаммеда святым, если не богом, приписывая ему чудеса, сверхъестественные действия и божественные силы, столь же недостоверные, по моему мнению, как обвинения Джорджа Сейла и его единомышленников. Одной из последних просьб Мухаммеда перед смертью, были слова:

«О Господи, не допусти, чтобы моя могила когда-либо стала предметом поклонения».

Он был бы потрясён, если бы мог предвидеть массу суеверий, которые писатели создадут вокруг его имени.

Именно в этом, на мой взгляд, заключается беда большинства биографов Мухаммеда. Они либо верили в него, либо не верили, причём с различной степенью фанатизма. Очень немногие рассказывали историю этого человека беспристрастно, не выпячивая ни его пороки, ни его достоинства. Практически никто не показывал в полной мере влияние страны, климата и обычаев — а ведь именно они в огромной степени определяют образ жизни любого человека.

Поэтому моя задача состояла в том, чтобы показать Мухаммеда таким, каким он, по моему убеждению, был в действительности: арабом, похожим на многих людей, которых я знал в пустыне; человеком простых вкусов, но огромной личной силы, искренне заботившимся о благе своего народа; человеком вдохновенным, но

логически обдумывавшим свои поступки; снисходительным к слабостям мужчин и женщин, потому что и сам он нередко проявлял слабость. Но ни в коем случае не богом.

Слова «магометанин» и «магометанство» никогда не употреблялись самим Мухаммедом и его учениками. Несмотря на почитание учителя, верующие всегда отвергали эти названия. «Мусульманин» — то есть человек, предавший себя воле Бога, — единственный правильный термин для обозначения последователя религии, основанной Мухаммедом.

В своих вкусах Мухаммед был прост почти до аскетизма, но вместе с тем оставался человеком мира. И этот мир не был каким-то безнадёжно далёким прошлым. По моему мнению, Мухаммед не чувствовал бы себя неловко ни в западном, ни в восточном обществе. Он любил, как любим мы; у него были дети; он был отличным наездником; умел сам чинить обувь и одежду. У него было хорошее чувство юмора. Он знал, что является вождём, но никогда не любил внешнего блеска и не пытался создать нечто похожее на двор. Он не внушал людям, будто обладает сверхъестественными или божественными дарами.

Возвращаясь к сказанному ранее: люди мало изменились за столетия письменной истории. Они сделали жизнь сложнее, но сохранили те же тела и те же первобытные инстинкты. Поэтому, хотя эта книга посвящена Посланнику Аллаха, основателю ислама, её не следует считать произведением, лежащим вне интересов обычного читателя. Биография Мухаммеда могла бы быть биографией любой знаменитой фигуры истории или художественной литературы. В ней есть все элементы драмы, конфликта и романтики, необходимые для увлекательного повествования.

Так пусть читатель на время забудет об исламе и мусульманах, о VII веке и Аравии. Пусть он увидит человека, который решил добиться успеха и добился его вопреки всем возможным препятствиям. Единственное отличие захватывающей истории успеха Мухаммеда от любой другой — место действия, а оно лишь усиливает её напряжение и очарование.

В этой биографии нет ничего сенсационно нового о Мухаммеде. Единственное, что, возможно, внесено свежего, — попытка показать, каким образом обстоятельства побуждали Мухаммеда делать то, что

долго оставалось непонятным западным читателям. Это стало возможным благодаря моему долгому общению с арабами и дружбе с ними.

Я близко знаю арабов и люблю их. Я жил в их шатрах и мне нравилась эта жизнь. В своё время я практически интересовался мусульманской верой. Мне кажется, что я способен мыслить и чувствовать так, как мыслил и чувствовал Мухаммед. Во всяком случае, я понимаю его проблемы. Поэтому я старался одинаково беспристрастно рассказывать и о хорошем, и о плохом. Я считаю Мухаммеда достаточно великой фигурой, чтобы его недостатки могли соседствовать с достоинствами, не уменьшая его величия. Сомневаюсь, что найдётся другой человек, чьи внешние обстоятельства менялись столь резко, а сам он так мало менялся, приспосабливаясь к ним.

ГЛАВА I

МЕККА

(VI век после Рождества Христова)

Среди пустынных пространств Аравийской пустыни, на полпути между Йеменом и Сирией, в земле, иссушенной ветрами и редкими дождями, лежит Мекка — священный город ислама. Суровая долина, зажатая между двумя острыми и бесплодными цепями скалистых гор, настолько укрыта от внешнего мира, что паломник понимает, что прибыл, лишь когда уже смотрит вниз на её улицы. Будто сама природа вступила в союз с мусульманской верой, чтобы оградить тайны этого священного места от непосвящённых.

Это неприветливое, даже враждебное место среди множества маленьких, чёрных и каменистых холмов почти одинаковой высоты. На многие мили вокруг, кажется, нет конца этим голым возвышенностям, нет конца сверкающей, ослепительной пустыне и нет спасения от палящего жара. Под пылающим небом галька и кремень блестят и дрожат в зное, словно тлеющие угли.

За исключением редких колючих акаций, кажется, что всё живое выжжено из этой пустыни. Запустение здесь полное. Единственный звук — шипение бездыханного ветра. Единственное разнообразие в монотонном пейзаже — песчаные столбы, крутящиеся над пустыней подобно разгневанным джиннам. Здесь нет даже миражей, которые могли бы заманить путника отражением пальм и прохладных садов: отражать нечего — ни пальм, ни прохладных садов здесь нет. В этом святом городе Посланника Аллаха ничего не растёт. Только ночь приносит передышку от обжигающего солнца.

Сам город того же цвета, что и окружающая его земля. Каменные дома всевозможных форм и размеров взбираются по крутым склонам долины, тесно прижавшись друг к другу, словно ячейки пчелиных сот. Кое-где одинокое строение на вершине отполированной ветром скалы выглядит так, будто его вытеснили из тесноты внизу и оно ждёт возможности снова втиснуться туда.

В самом сердце города находится Великая мечеть — Бейт-Аллах, огромный двор с колоннами, внутри которого расположено

множество священных мест. Бейт-Аллах означает «Дом Божий» и, по арабскому преданию, находится в центре мира, прямо под престолом Всевышнего. Почти посередине двора, в небольшом углублении, стоит Кааба. Это лишённое окон кубическое здание с плоской крышей, сложенное из серого камня и высотой около сорока футов. Его окутывает огромное чёрное покрывало из парчи, похожее на чехол, на котором золотом вышиты стихи из Корана. Каждый год это покрывало, называемое *кисвой*, заменяют новым. Кааба — средоточие ислама, и мусульмане во всём мире пять раз в день обращаются к ней во время молитвы.

Кааба была объектом почитания с глубокой древности, но её происхождение забыто и теряется в тумане легенд. Связь её названия с Бейт-Аллах позволяет предположить, что в своей самой ранней и грубой форме она могла быть возведена каким-то древним патриархом в память о видении ангелов. Иаков назвал свой каменный столб Вефилем, то есть Бейт-Аллах — Домом Божьим.

Арабские легенды относят первую Каабу ко времени Адама. Она была уничтожена Потопом, а затем другую Каабу построили Авраам и Исмаил. Позднее она оказалась в руках идолопоклонников, которые возводили новые её варианты, пока не пришёл Мухаммед и не восстановил древнее посвящение единому Богу.

В один из острых углов внешней стены Каабы вделан Чёрный камень. На самом деле он состоит из нескольких фрагментов — если быть точным, двенадцати, — соединённых тёмным цементом и скреплённых серебряным ободом. В целом он имеет овальную форму и около семи дюймов в диаметре. Из какого именно вещества состоят эти фрагменты, по-видимому, так никогда окончательно и не установили.

Предание утверждает, что первоначальный камень был принесён из Рая и передан ангелом Гавриилом Аврааму и Исмаилу, когда они строили Каабу. Тогда он был белоснежным. Нынешний цвет, согласно легенде, появился потому, что его целовали миллионы грешников, ежегодно совершавших паломничество в Мекку. Однако это, разумеется, не проясняет вопрос о его составе.

Подавляющее большинство людей, приезжающих в Мекку, принимает Чёрный камень как священный символ и вовсе не интересуется его геологической историей. Путешественники же,

исследовавшие его не только с благоговением, но и с любопытством, расходятся во мнениях. Одни считают его обломком породы с холмов Абу-Кубейс к востоку от Мекки. Другие называют его метеоритом. Третьи настаивают на вулканическом происхождении.

В сущности, это не имеет большого значения, несмотря на споры, которые время от времени возникали вокруг этой темы. Из чего бы он ни состоял, камень находится там уже очень давно. Максим Тирский, писавший во II веке после Рождества Христова, упоминает «арабов, молящихся богу, которого они представляют прямоугольным сооружением, внутри которого находится чёрный камень».

Сегодня Чёрный камень почитается во многом в силу традиции. До принятия учения Мухаммеда у арабов существовал страстный культ камней. Внутри Каабы находилось множество грубо вытесанных гранитных глыб; среди них были изображения, считавшиеся образами Иисуса, Марии, Авраама и Исмаила. Говорили, что триста шестьдесят грубых каменных идолов загромождали безоконное святилище. Поэтому камень сохранился, но мусульмане не связывают его происхождение с идолопоклонством — точно так же, как христиане не связывают церковные шпили и готические арки с фаллическими символами.

Вокруг Каабы расположены семь меньших сооружений. Самое важное из них связано с колодцем Земзем. Именно здесь Агарь, изгнанная из шатров Авраама по наущению Сарры, решила умереть. Блуждая по пустыне, она дошла до каменистой долины Мекки. Запасы пищи закончились, сосуд с водой опустел. В отчаянии она металась туда и обратно в поисках воды. Наконец, почти умирая от жажды, она бросилась на выжженную землю и положила младенца под колючую акацию.

«Пусть я не увижу смерти моего ребёнка!» — воскликнула она, закрывая голову покрывалом.

Но прежде чем неизбежное успело совершиться, явился ангел и показал Агари, что неподалёку есть колодец. Идти она уже не могла, но доползла до воды, которая спасла жизнь ей и Исмаилу. По преданию, Земзем — тот самый колодец, и название его связано с журчанием воды, которое услышала Агарь. Если доверять Книге Бытия, это, вероятно, один из древнейших существующих колодцев в мире. Арабы в этом не сомневаются. Для них совершенно очевидно,

что Мекка стоит именно на месте этого события. И нет особых причин считать иначе.

Авраам был кочевником и жил в шатре. Человеку, изгнанному одному в пустыню без верблюда, было почти невозможно выжить, если он не находил воду. И тогда, как и сейчас, существовали водопои и колодцы, однако человек, не знавший местности и не бывший пастухом, легко мог пройти мимо них — особенно будучи измученным и напуганным. Эта история правдоподобнее многих других эпизодов Ветхого Завета. Возможно, именно эта вода и дала начало Мекке. В столь пустынной местности колодец неизбежно привлекал бы и караваны, и пастухов. Со временем место стало бы ночной стоянкой, а затем постепенно превратилось бы в торговый центр.

Если принять легендарное предание, можно сказать, что история арабов начинается именно здесь. Вскоре после драматического изгнания Агари произошло не менее драматическое лишение Исава наследства Иаковом. Косвенным следствием этих двух трагедий стал брак Исава с Махалатой, дочерью Исмаила. От этого союза, как повествует традиция, произошли идумеи, амаликитяне и исмаилиты — предки народов Аравии.

В другом сооружении неподалёку от Земзема находятся могилы Агари и Исмаила. Ещё в одном хранится камень, на котором стоял Авраам, наблюдая за восстановлением Каабы.

О Мекке здесь говорится в настоящем времени потому, что, хотя от города VII века сохранились лишь отдельные части, его общий облик со времён Мухаммеда изменился удивительно мало.

Дома по-прежнему сложены из местного серого камня и выше, чем в большинстве восточных городов. Крыши плоские, балконы закрытые и выступающие. Улицы извилисты и узки; некоторые круто поднимаются по склонам окружающих город холмов. Как и прежде, они почти никогда не пустуют. Люди всё время куда-то идут — по делам, к друзьям или возвращаются из путешествий. Верблюды с невозмутимым видом ступают по грубой мостовой, оттесняя тяжело нагруженных ослов и мулов. Повсюду разговоры, смех и неизменная пыль.

Многие старые здания были уничтожены ливнями: вода превращает низины узкой долины, где лежит Мекка, в яростные

потоки. На месте разрушенных построек возникали другие, подобные им. Те же, что стояли выше уровня наводнений, сохранились. Паломникам и сегодня показывают место рождения Мухаммеда и дом, где он жил после женитьбы, как подлинные здания. Это не обязательно плод благочестивого воображения. В таком сухом климате каменная кладка сопротивляется разрушению намного дольше, чем в странах тумана и моросящих дождей. Поэтому идолопоклонник доисламской эпохи или современник Мухаммеда, вернувшись в Святой город, без труда узнал бы ориентиры улиц, оставленных им десять или даже двадцать столетий назад.

И образ жизни показался бы ему знакомым. Лавки, постоялые дворы и места, где можно поесть, во многом остаются такими же, какими были тринадцать веков назад и ещё раньше. Уже в VI веке Мекка была важным центром. Её арабская речь считалась наиболее культурной, а жители — самыми утончёнными. Купцы и паломники съезжались сюда со всей Аравии. Во многом так остаётся и теперь. Мекканский говор по-прежнему считается образцовым, и хотя другие города стали центрами моды, караваны, пересекающие Аравию, и паломники всё ещё являются главными источниками дохода мекканцев. Как и прежде, цены на жильё и услуги меняются в зависимости от числа людей в городе. Спекуляции на обменных курсах, монополизация товаров и азартная игра на будущих урожаях продолжаются с незапамятных времён.

Именно из среды этих идолопоклонников, одержимых деньгами и гордившихся своей аристократичностью горожан, живших посреди беспощадной пустыни, вышел Мухаммед. Он не был кочевником; его духовный кругозор сильно отличался от бедуинского. И всё же именно кочевые племена стали его самыми стойкими сторонниками. Именно люди пустыни разнесли ислам по миру.

Тому, кто никогда не жил среди арабов, это может не показаться чем-то особенным. На самом деле это одно из достижений Мухаммеда, почти граничащее с чудом.

Всех арабов можно было разделить на две большие группы: оседлых и кочевых. Одни жили в оазисах и городах, другие — бедуины — постоянно перемещались.

Жители оазисов и городов традиционно были учёными, торговцами и администраторами. Несмотря на меньшинство, именно они во многом определяли политическую судьбу арабов.

Кочевник — воин, странник и первопроходец. Он донёс ислам до краёв земли скорее из любви к приключению, чем из желания навязать кому-либо арабскую культуру. Кочевники и оседлые арабы максимально непохожи друг на друга, но вместе составляют единое целое — словно отец и мать.

Городской, или оазисный, образ жизни совершенно не похож на жизнь в пустыне. Оазис может быть огромным садом финиковых пальм и цветов посреди пустыни, как Медина, или всего лишь городом, выросшим вокруг колодца, как Мекка. Но в любом случае жить там — значит жить не так, как где-либо ещё. Это похоже на жизнь на острове среди людей, чьи мысли сосредоточены на этом острове. Горожане оазисов домоседнее жителей любого американского провинциального городка. С кочевниками у них почти ничего общего.

Для кочевого воина огромные пространства пустыни, их опасности и лишения жизненно необходимы. Они выявляют лучшие черты его характера — честность и чувство юмора. Странствующий образ жизни оставляет ему мало времени на что-либо, кроме непосредственного действия. Если он теряет верблюда или лошадь, оказывается прикованным к одному месту и вынужден становиться оседлым, он чувствует себя униженным и быстро теряет прежнюю силу духа. Он не презирает жителя оазиса и не обязательно враждует с ним, но считает его человеком второго порядка и вовсе не хочет быть на него похожим.

Вот почему власть Мухаммеда над кочевниками была столь необычайной.

Хотя все арабы подчинялись почти одинаковым обычаям, говорили на близком языке и обладали чем-то вроде общеарабского патриотизма, они были разделены на независимые племена. Каждое имело собственные обычаи, диалект и всегда было готово защищать именно свою группу шатров. Подобное сохранялось и в моё время и, по моему мнению, объясняло отсутствие единого арабского государства.

Даже если бы вождём этих племён стал человек пустыни и сумел объединить их настолько, что они готовы были умереть за его дело, это уже поражало бы. Но то, что таким человеком оказался выходец из презираемой кочевниками городской среды, казалось почти невероятным. До появления Мухаммеда бедуины настолько ревниво оберегали свободу, что изгоняли любого — кочевника или горожанина, — в ком замечали стремление к монархической власти.

Араб вообще, и кочевник в особенности, по инстинкту и традиции склонен к равенству. Вождь и пастух встречаются как равные. В племенном союзе возможности открыты для всех. Никто не лучше другого, если только не доказал превосходство выдающимися заслугами. Я даже утверждаю, что арабские пустыни — едва ли не единственное место, где демократия действительно осуществляется на практике. При этом внутри собственного круга арабы придерживались равенства, но себя как народ всегда считали благороднейшими из людей и верили, что являются изначальной расой мира.

По арабскому преданию, после изгнания из Эдемского сада Адам и Ева много лет странствовали по земле порознь. Когда Бог вновь соединил их, это произошло на горе Арафат близ современной Мекки. Одной из первых обязанностей Адама стало строительство Каабы. Поэтому древнейшее население Аравии возводили непосредственно к потомкам Адама, к Ною и особенно к его сыну Симу. Считалось, что правнук Сима основал царства Йемена и Хиджаза, где находится Мекка, а Авраам, отец Исмаила, был одним из отдалённых потомков Сима.

Такова, во всяком случае, арабская традиция. История об Исмаиле содержится и в Ветхом Завете.

«И сказал Бог [Аврааму]: об Исмаиле Я услышал тебя; вот, Я благословлю его, и возращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него, и Я произведу от него великий народ».

И ангел в пустыне подтвердил то же самое Агари, когда она изнемогала от жажды: «Встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ».

Двенадцать сыновей Исмаила упоминаются в Книге Бытия как жившие «от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идёшь к

Ассирии»; эти места отождествляли с частью Хиджаза вблизи Мекки. С этой же областью связывали и Фаран — пустыню, где, по Библии, поселились Агарь и Исмаил.

Описание населения также напоминает арабов: «Одни жили в городах, другие обитали в шатрах». Шатры, о которых сетует Давид в псалмах, принадлежали, по традиции, Кидару, второму сыну Исмаила, от которого многие арабы выводят своё происхождение. Иеремия, говоря о том же народе, упоминает «народ богатый, живущий беспечно, у которого нет ни ворот, ни запоров и который живёт одиноко».

Если, следовательно, доверять Ветхому Завету и соотносить библейские места с городами и колодцами Аравии, многое из того, что рассказывает арабская традиция, может оказаться правдой.

На самом деле, если оставить в стороне легенду об Адаме, история арабов уходит гораздо дальше времён библейских патриархов. Уже их доисламские верования свидетельствуют об этом. Наряду со следами христианства и иудаизма и многочисленными идолами они практиковали фаллические культы, поклонялись солнцу, луне и звёздам. Геродот прямо не упоминает Каабу, но пишет об Алилат — точнее, аль-Илат, что означает «Богиня», — одном из главных арабских божеств, почитавшихся в безоконном святилище.

И всё же, несмотря на эти древние традиции, в сумеречном мире конца VI века арабы почти не играли роли. Впрочем, мало кто тогда играл значительную роль. Это была эпоха упадка: великие империи Восточной Европы и Западной Азии либо уже погибли, либо приближались к завершению своей истории.

Мир всё ещё находился под впечатлением красноречия Греции, великолепия Персии и величия Рима, но ничто пока не пришло им на смену — даже новая религия.

Евреи были рассеяны по миру без единого политического центра и центрального руководства; в одних местах их терпели, в других преследовали — в зависимости от обстоятельств. У них не было собственной страны, а будущее казалось неопределённым.

За пределами непосредственного влияния папы Григория Великого христиане создавали всё более сложные толкования некогда простой веры и одновременно ожесточённо враждовали между собой.

В Персии ещё вспыхивал последний огонь имперского расширения. Хосров II увеличивал свои владения. Бросив вызов Риму, он занял Каппадокию, Египет и Сирию, разграбил Иерусалим и увёз Святой Крест. К 620 году после Рождества Христова, когда Мухаммед уже готовился выступить как общественный деятель, Хосров почти восстановил могучую державу Дария I.

Казалось, великолепие Ближнего Востока получило новую жизнь. Но лишь на время. У византийских римлян ещё сохранялась часть прежней силы. Когда Хосров подвёл войска к стенам Константинополя, они совершили последнее усилие.

Император Юстиниан, супруг знаменитой Феодоры, умер в 565 году, незадолго до рождения Мухаммеда. После него последовала череда малоизвестных правителей, пока в 610 году императором не был провозглашён Ираклий. Он оказался человеком иного склада и сразу начал действовать против персов. В 627 году он окончательно разбил их, вернул большую часть захваченных Хосровом территорий и возвратил Святой Крест в Иерусалим. Но его торжество было недолгим: через несколько лет ему пришлось столкнуться с натиском ислама. Он был стремительным и жестоким. Под боевой клич «Аллаху акбар!» римский орёл, по моему выражению, в последний раз был повержен в пыль солдатами Аравийской пустыни.

Дальше на востоке события оставляли ещё меньше устойчивых ориентиров. Индия по-прежнему состояла из множества небольших государств, соперничавших между собой за политическую и военную власть. В Китае снова шли внутренние войны: династия Суй сменилась Тан, которой предстояло править три столетия. В Японии впервые на престол взошла императрица; буддизм начинал укореняться и влиять на японские представления и идеалы.

Европа постепенно собиралась вокруг Франкского государства, которое со временем охватило Францию, Северную Италию и значительную часть земель к востоку от Рейна вплоть до тогдашних рубежей Восточной Европы. Хлодвиг уже умер, а Дагоберту, последнему крупному правителю династии Меровингов, вскоре предстояло получить корону.

Испания и Англия в ту эпоху были сравнительно небольшими и политически раздробленными территориями. Испанией управляли вестготы, которых незадолго до этого вытеснили из большей части

Галлии. Они преследовали евреев, и, по моему мнению, именно это впоследствии помогло мусульманскому завоеванию, до которого оставалось меньше столетия.

Британские острова были поделены на независимые княжества. Прошло около полутора столетий после ухода римлян, место которых заняли переселенцы североевропейского происхождения. Сама Англия состояла из семи королевств. В Шотландии жили воинственные пикты, хотя недавняя проповедь Колумбы уже обратила их короля в христианство и дала народу новый контакт с цивилизованным миром.

В Уэльсе друиды всё ещё совершали древние обряды. Значительная часть ирландцев жила традиционной жизнью, тогда как другая часть принадлежала к блестящей монашеской культуре и посылала проповедников основывать великие кельтские монастыри на европейском континенте.

История Северной Африки была тесно связана с историей Византии. Велизарий изгнал вандалов, и над южными берегами Средиземного моря воцарился беспокойный мир. Это было затишье перед бурей мусульманских армий.

Хотя европейцы ещё не вступили на американские континенты, там уже существовали собственные цивилизации. Майя во времена Мухаммеда достигли значительных успехов в архитектуре, астрономии и математике. Дальше к северу продолжались переселения из Азии через Берингов пролив; новые группы сталкивались с теми, кто уже освоил эти земли, и оттесняли их дальше на восток.

Народы островов Южных морей спокойно жили на своих атоллах так, как и сегодня продолжают жить те, кого ещё не затронуло европейское влияние.

В сущности, по своему образу мыслей мир тогда мало отличался от нынешнего. Бич империй и имперская алчность заставляли людей убивать друг друга в VII веке с той же готовностью, что и в 1940-х годах. Резня, казни и варварство во имя той или иной имперской цивилизации выглядели одинаково во времена Мухаммеда и Ираклия и во времена Пия XII и Георга VI. Человечество ничему не научилось за две тысячи лет того, что было его повседневной пищей, и за

последующие полторы тысячи лет ему предстояло не научиться ничему новому.

И всё же это была своего рода пауза между потрясениями войн и религиозной вражды — обстановка одновременно плодородная и хрупкая для идеи, которая могла превратиться в неодолимый идеал. На подобный опыт мог решиться лишь человек с сильной личностью и мужеством, упорством и верой в себя. А завоевать на свою сторону людей, с древности воспитанных в племенной независимости, личной свободе и безразличии к догматической религии, мог только тот, кто сочетал доброту и понимание с почти фанатической страстностью.

Именно об этом человеке и будет наш рассказ.[1]

[1] Примечание автора: в этой биографии сокращение а.с. означает «после Рождества Христова», а не обычное латинское ante Christum («до Рождества Христова»).

ГЛАВА II

ДЕТСТВО МУХАММЕДА

(570 год после Рождества Христова)

Если не считать нескольких совершенно невероятных легенд, рождение Мухаммеда не окружено никакой тайной. Нет никаких свидетельств того, что при рождении он был отмечен как избранник Бога, никаких предчувствий у его матери, никаких явлений ангелов. Мухаммед был зачат и родился так же, как любой другой человек. Его отец и мать были зажиточными мекканцами и принадлежали к знаменитому роду курайшитов. Курайшиты в большинстве своём были торговцами; торговлей занимались и Мухаммед, и его предки.

Отца Мухаммеда звали Абдаллах. По преданию, это был самый красивый, обаятельный и достойный молодой человек в Мекке. Говорили, что, когда он обручился с Аминой бинт Вахб, сердца многих молодых мекканок были разбиты.

У Абдаллаха было несколько красивых сестёр и одиннадцать братьев. Четверым из них предстояло сыграть важную роль в той мировой перемене, которую вызовет сын Абдаллаха. Это были Абу Талиб и Абу Лахаб, ровесники Абдаллаха, а также значительно более молодые аль-Аббас и Хамза. Их отцом был знатный мекканец Абд аль-Мутталиб. Его отца звали Хашим.

Дальше углубляться в родословную Мухаммеда нет необходимости. Хашим важен для нашего рассказа лишь потому, что его положение в Мекке сказалось на судьбе его правнука.

Хашим был богат и влиятелен. Он пользовался уважением как купец и был официальным сборщиком налогов в Мекке. Как и все арабы, он отличался практичностью. Он прекрасно понимал, насколько унылым и непривлекательным местом была Мекка с её отвратительным климатом и нестерпимой жарой. Не будь у города священного значения, он сам и все остальные давно покинули бы его, оставив на погребение пескам. Но оставаться было необходимо, и Хашим постарался извлечь из положения всё возможное.

Понимая выгоду паломничества, Хашим одновременно искал и другие источники дохода для города. Именно он положил начало двум большим ежегодным караванам из Мекки: зимой — в Йемен и на юг, летом — в Сирию и на север. Он поощрял более мелкие караваны прерывать путешествие через пустыню в Священном городе. Он обеспечил безопасность торговли, заключив договоры с византийцами и с эмиром сирийских арабов, одновременно установив торговые отношения с персами и абиссинцами. Он следил за тем, чтобы паломников не обирали до нитки и чтобы за свои деньги они хоть что-то получали. Такая предусмотрительность оказалась полезна и Мекке, и курайшитской знати. Между прочим, она неплохо пополняла и собственную казну старого Хашима.

Поэтому, несмотря на пыль, жару и удалённость от других городов, Мекка не была захолустным или отсталым местом. Она жила бурно, в постоянном движении и резких контрастах. Огромное богатство соседствовало с голодной нищетой, роскошь — с аскетизмом. Купцы-банкиры, торговавшие маслами, полотнами, благовониями, драгоценными камнями и рабами, создали аристократию, в чём-то похожую на будущую венецианскую. Их занимали прежде всего торговля и самые приятные способы потратить заработанные деньги.

Да и само зарабатывание денег вовсе не было унылой конторской рутиной. Главным инстинктом мекканцев была азартная игра. Они спекулировали, продавали и перепродавали товары, которые существовали только в их воображении или ещё не были доставлены. Они играли на росте и падении цен, на том, что привезут караваны из Йемена и Сирии, на урожаях задолго до жатвы. Фирмы за одну ночь наживали состояния и разорялись, что лишь добавляло остроты деловой жизни.

Женщины тоже участвовали в делах Мекки. Многие активно включались в торговые спекуляции. Большинство же довольствовалось тем, что помогало купцам тратить прибыль. В любви они нередко проявляли ту же расчётливость, что и в торговле: их страсти поднимались и падали вместе с рынком.

Мелкие лавочники подражали своим богатым собратьям, спекулировали между собой и обманывали простодушных кочевников. Кочевники презирали торговцев. Они говорили, что слово «курайш» равнозначно «акуле», и в этом была игра слов: корень действительно связывали с понятием «крупная рыба». Но иметь дело с торговцами им всё равно приходилось, чтобы продавать овец, верблюдов и шерсть. Бедняки жили как могли и надеялись на лучшее. Их состояние духа было особенно восприимчиво к учению, обещавшему вознаграждение в иной жизни. Боги Каабы ничего подобного им не предлагали: их благосклонность тоже словно оставалась привилегией богатых, особенно курайшитов.

Помимо принадлежности к позолоченной аристократии этого богатого общества, Хашим исполнял и религиозные обязанности. Он был одним из хранителей Каабы и связанных с ней святынь. Эта должность веками оставалась семейной. Подобно левитам в Иерусалиме, только хашимиты могли занимать этот священный и одновременно прибыльный пост. Даже в более поздние времена в Мекке и Медине главных должностных лиц, которым полагалось принадлежать к семье Мухаммеда, называли князьями хашимитов.

Вот почему старый Хашим важен для понимания среды, из которой вышел Мухаммед. Вероятно, правнук ему не понравился бы. Он наверняка пришёл бы в ужас, узнав, что его потомок перевернёт весь уклад Аравии. Его унизило бы предвидение того, что Кааба подвергнется очищению, а идолы, которые он охранял, будут уничтожены. Скорее всего, Хашим оказался бы среди преследователей Мухаммеда. Но он умер задолго до этих событий, и его обязанности и состояние перешли к младшему брату аль-Мутталибу.

Аль-Мутталиб также не сыграл непосредственной роли в жизни Мухаммеда. Десять лет он шёл по стопам брата, после чего умер. Его преемником стал племянник Абд аль-Мутталиб, сын Хашима и дед Мухаммеда. Приставка «абд» в его имени — да, собственно, и всё сочетание имени — возникла по недоразумению. После смерти отца он жил с матерью в Медине и оставался там до взросления, пока дядя не привёз его в Мекку. Здесь распространился слух, будто юноша был

рабом аль-Мутталиба. Отсюда и «абд», то есть «слуга». Когда ошибка выяснилась, имя уже закрепилось. На самом деле его звали Шайба.

Абд аль-Мутталиб был прекрасным образцом араба своего времени. Как отец и дядя, он был купцом, но одновременно и воином. Незадолго до рождения Мухаммеда абиссинцы вторглись в Аравию с боевыми слонами и множеством приспособлений, которых арабы прежде не видели. Абд аль-Мутталиб возглавил войско против захватчиков и вытеснил их из страны.

Однако больше всего он прославился тем, что заново открыл колодец Замзам, занесённый постоянно движущимися песками пустыни. Как хранитель Каабы он обязан был снабжать паломников водой. Возить её из цистерн вокруг Мекки было непросто. Абд аль-Мутталиб рассуждал, что Замзам и Кааба должны находиться примерно на прежних местах, если рассказы об основании Мекки верны. И он начал копать. Однажды колодец был найден. Вместе с ним обнаружились две золотые газели, мечи и доспехи. Они, как оказалось, принадлежали последним царям джурхумитов, правившим Меккой до конца III века после Рождества Христова.

После споров и обращения за божественным советом к великому богу Хубалу, высеченному из цельного куска красного агата, сокровища передали Каабе, а колодец — Абд аль-Мутталибу. Это было именно то, чего он добивался. Контроль над удобным и к тому же историческим источником воды решал его практические задачи и повышал престиж. Его не смущало, что вода была горьковатой и обладала свойствами английской соли. Ведь она спасла жизнь Агари и Исмаилу; значит, по его мнению, должна была приносить пользу и паломникам.

Абдаллах был любимым сыном Абд аль-Мутталиба. Он, несомненно, унаследовал бы состояние и положение отца в Мекке, но вскоре после женитьбы на Амине умер во время торговой поездки в Медину. Сына он так и не увидел: Мухаммед родился через несколько месяцев, в августе 570 года после Рождества Христова.

По какой-то причине, вероятно потому, что дед ещё был жив, Мухаммед не получил того наследства, которого можно было бы ожидать. Всё, что оставил ему красивый Абдаллах, — небольшой дом,

пять верблюдов, несколько коз и эфиопская рабыня по имени Барака. Для начала жизни это было немного, особенно для потомка Хашима.

Абдаллах ушёл туда, куда милосердный Бог определяет тех, кто ещё не узнал ни ислама, ни христианства, ни иудаизма, и Амине с Мухаммедом оставалось рассчитывать только на щедрость семьи. Похоже, именно так всё и было задумано. Через семь дней после рождения ребёнка Абд аль-Мутталиб устроил в его честь пир. Были приглашены все родственники-курайшиты и все заметные люди Мекки. Многие из них, обладай они даром предвидения, с радостью задушили бы младенца прямо тогда. Но дара предвидения у них не было, и они благодушно улыбались, когда краснолицего малыша внесли в пиршественную комнату вместе с десертом.

При рождении ребёнку дали имя Котан, но, поблагодарив богов Каабы за внука, Абд аль-Мутталиб представил его гостям как Мухаммеда. Все удивились. Имя было известно арабам, но встречалось редко. Один из гостей спросил, почему отступили от обычая давать семейное имя. Абд аль-Мутталиб ответил:

— Да прославит Всевышний на небесах того, кого Он создал на земле!

Эти на первый взгляд туманные слова, вероятно, относились к значению имени Мухаммед — «Прославляемый». Возможно, старый Абд аль-Мутталиб действительно обладал чем-то вроде дара предвидения. Как бы то ни было, младенца отныне звали Мухаммедом — именем, которое впоследствии в разных формах получили миллионы мальчиков, родившихся в вере, которую сын Абдаллаха и Амины должен был основать и распространить по миру.

Тогда, конечно, никто об этом не думал. Абд аль-Мутталиб просто выбрал внуку необычное имя и был достаточно влиятелен, чтобы поступать по-своему. Сам Мухаммед был младенцем, у которого не было ничего, кроме матери, нескольких верблюдов и коз и преданной чернокожей рабыни. Даже мать в то время мало могла ему помочь. Смерть мужа так подорвала Амину, что молоко у неё пропало. Убийственный климат Мекки тоже сказывался на ребёнке. Казалось, громкое имя окажется единственным, чем ему когда-либо придётся хвастаться, — и даже это выглядело сомнительно: если срочно не

найти кормилицу, он мог последовать за отцом в могилу. Несколько дней его кормила грудью рабыня его дяди Абу Лахаба по имени Сувайба, но это могло быть лишь временным решением.

Из-за тяжёлого климата Священного города у состоятельных мекканцев существовал обычай отдавать детей на вскармливание в пустынные племена. Дважды в год бедуинки, крепкие и здоровые благодаря жизни на открытом воздухе, приходили в город и предлагали услуги богатым матерям. Но Амина богатой не была, а женщины пустыни давали молоко не из благотворительности и не ради чести кормить ребёнка знатного происхождения. Амина уже отчаялась, но наконец нашла жену пастуха из кочевников Бану Саад — Халиму, которая согласилась взять Мухаммеда. И однажды утром младенца, которому предстояло править Аравией, увезли на осле в пастбищные земли Бану Саад. Мухаммед стал странником пустыни.

Пять лет он прожил среди чёрных шатров. Саадиты принадлежали к одному из древнейших племён Аравии. Они были сильны, а их пастбища обширны. Первые слова Мухаммеда прозвучали, первые шаги были сделаны среди этих «джентльменов пустыни», которым однажды предстояло сражаться с ним, затем подчиниться ему и, в конце концов, понести его имя в земли, о существовании которых тогда никто из них не знал.

Мухаммед не был вундеркиндом, но отличался живостью ума и тела. Он раньше других детей начал ходить, легко заговорил, мыслил несколько яснее обычных детей пастухов. В этом не было ничего сверхъестественного: кочевники в среднем не отличались той быстротой, которую развивает городская жизнь. Как только ноги стали достаточно длинными, Мухаммед научился ездить на осле. Приёмные родители сделали ему маленький лук и стрелы, и он освоил их.

Вся его жизнь проходила под открытым небом. Кочевники постоянно перемещались в поисках новых пастбищ, и чёрный шатёр редко стоял на одном месте больше нескольких дней. Еда была простой: верблюжье молоко, рис, финики, иногда кусок баранины или мясо газели. Порой добывали пустынных птиц. После нашествия саранчи ели саранчу, жаренную в жире. Мухаммед привык вставать с

рассветом и ложиться с наступлением темноты. Он научился уважать солнце, благодарить за дождь, встречать песчаные бури и огненный самум, закрывая лицо. Он усвоил простую мудрость кочевников, закон «око за око, зуб за зуб». Он видел скорый племенной суд, видел изгнание из племени, почти равнозначное смертному приговору. Он помогал пастухам и погонщикам с овцами и верблюдами.

Годы, проведённые в суровой школе кочевников, глубоко повлияли на характер Мухаммеда. Пустыня оставила на нём свой след. Как бы оседло потом ни жил бывший кочевник, свобода открытой равнины, чёрный шатёр как единственный дом, борьба с капризами природы остаются в памяти. В дальнейшем Мухаммед снова и снова проявлял бедуинские черты.

Хотя саадиты утверждали, что удача сопутствовала им с тех пор, как Мухаммед стал их гостем, Халима решила вернуть приёмного сына матери. Когда ему исполнилось шесть лет, она привезла его в Мекку и отдала Амине. Та была счастлива снова видеть ребёнка и радовалась тому, каким крепким и здоровым он стал. Она решила, что настало подходящее время показать сына другой ветви семьи, жившей в Ясрибе. Ясриб был городом-оазисом примерно в двухстах милях от Мекки. Именно там семь лет назад умер её муж. В будущем город назовут в честь их сына — Мединат ан-Наби, Город Пророка.

Путь через жестокую пустыню был долгим и изнурительным: узкие ущелья с затвердевшим песком сменялись каменистыми безлюдными равнинами. Амина и Барака нагрузили верблюда припасами и устроили на нём что-то вроде плетёной колыбели под навесом от солнца, где могли сидеть вместе с мальчиком. Затем присоединились к одному из еженедельных караванов, шедших на север из Мекки.

Ясриб оказался утешительным контрастом и пустыне, и Мекке. Вместо ослепительных равнин, зубчатых холмов и серых домов, раскалённых солнцем, здесь всё было прохладным и зелёным. В низине огромной равнины, покрытой плодородными полями и финиковыми садами, белел приветливый город. В пейзаже не было ничего сурового, не было ощущения постоянной беспомощности перед палящим светом, не было мучительной жажды. Деревья и

кустарники зеленели и давали тень, по оросительным каналам журчала вода. Для трёх путешественников это было словно видение Эдемского сада.

Перемена пошла Амине на пользу. Она с гордостью показывала сына родственникам и водила его к дому, где умер отец. Месяц Мухаммед наслаждался прохладой, играл с двоюродными братьями и сёстрами и, что было необычно для мальчика пустыни, научился плавать. Если бы семья не была прежде всего мекканской, Амина, возможно, осталась бы в оазисе и тем самым изменила бы значительную часть истории Аравии. Но родным городом была Мекка, и возвращение казалось обязательным.

Они снова уселись в качавшуюся корзину на спине верблюда. Путешествие задерживали песчаные бури и раскалённые ветры. Для никогда не отличавшейся крепким здоровьем Амины это оказалось слишком тяжело. Однажды ночью она умерла у дороги. Барака отвезла тело в ближайшее селение Абва, где Амину похоронили. После этого она, охваченная скорбью, продолжила путь с Мухаммедом в Мекку и передала мальчика деду.

Абд аль-Мутталиб был уже очень стар, но радовался внуку. Два года старый патриарх и мальчик жили вместе.

Почувствовав приближение смерти, дед позвал сына Абу Талиба и поручил ему Мухаммеда. Вскоре он умер, и Мухаммед снова сменил дом. Его жизнь уже превращалась в череду резких контрастов.

Чёрные шатры пустыни, скромное жилище матери, сады Ясриба, удобный дом деда быстро сменяли друг друга. Теперь, у дяди, Мухаммед оказался в торговом доме, тесно связанном одновременно со священными обязанностями при Каабе.

Абд аль-Мутталиб распределил религиозные обязанности между двумя сыновьями. Сикая — хранение Замзама и раздача его горьковатой воды паломникам — досталась аль-Аббасу. Рифада — управление сбором на бедных и обеспечение пищей неимущих паломников, которых город принимал как гостей Бога, — перешла к Абу Талибу.

В пустыне Мухаммед жил в атмосфере поклонения природе. Звёзды, солнце, луна, буря — всё это кочевники почитали и уважали.

С Аминой его, вероятно, мало тревожили религиозными вопросами. В доме деда обряды были для него слишком сложны и скорее пугали. Теперь он увидел догмы и религиозную политику совсем близко. Он наблюдал церемонии, слушал суеверные рассказы и, возможно, сравнивал их с более простыми представлениями людей пустыни, однако особого интереса пока не проявлял. Ему едва исполнилось десять, и у него были дела поважнее спора о том, что лучше — идолы или солнце и луна. Он играл с мальчишками, как дети играли во все времена. Вероятно, учил их тому, что узнал в пустыне, а сам перенимал вещи, известные только городским детям.

Но в нём уже появилась беспокойная тяга к дальнему. Для мекканского ребёнка он видел немало мира. В улицах и высоких домах ему становилось тесно. Бесплодные холмы вокруг Мекки закрывали широкие горизонты Аравийской пустыни. Единственной связью с внешним миром были караваны. Когда они приходили, Мухаммед обязательно встречал их. Он с восхищением смотрел на загорелых людей, переживших опасности долгих пустынных путей. Когда караван готовился уходить, он снова был рядом и завидовал кажущейся беззаботности, с которой эти арабы отправлялись в великое неизвестное. Иногда он расспрашивал погонщиков и купцов и узнавал, что происходит за пределами сверкающей пустыни. Чем больше узнавал, тем сильнее хотел увидеть всё собственными глазами. Ему хотелось стать погонщиком, купцом, разъездным торговцем — кем угодно, лишь бы выбраться наружу. И однажды желание исполнилось.

Абу Талиб, помимо обязанностей при мекканских святынях, имел и другие занятия. Он держал современную по тем временам лавку одежды и торговал духами. Доисламские арабы любили красиво одеваться и охотно носили наряды, привозимые из чужих земель. Они любили также ароматические эссенции — и для себя, и для женщин. Поэтому Абу Талиб имел клиентов и за пределами, и внутри гаремов. Но торговля в лавке не удерживала его в городе. По натуре он был купцом и живо интересовался караванами, начало которым положил его дед Хашим. Нередко он сам их возглавлял.

Именно вид уходящего дяди особенно усиливал желание Мухаммеда покинуть пыльные улицы и узнать, что происходит там, на севере и на юге.

Прибытие и отправление караванов были важнейшими событиями в жизни мекканцев. Помимо волнения при встрече и прощании с мужьями, возлюбленными, сыновьями и племянниками, существовала и финансовая сторона. Почти каждый в Мекке вкладывал деньги в судьбу тысяч верблюдов, сотен людей, лошадей и ослов, уходивших с кожами, изюмом и серебряными слитками и возвращавшихся с маслами, благовониями и ремесленными изделиями из Сирии, Египта и Персии, а с юга — со специями и золотом. У Мухаммеда своих вложений не было, но интерес к караванам от этого не становился меньше.

Однажды утром он сопровождал Абу Талиба к месту сбора с особым волнением. Рыночная площадь кипела: урчали и ревели верблюды, терпеливо стояли ослы, беспокойно фыркали лошади. Арабы, сирийцы, персы, чернокожие и евреи толкались в гуле разных языков. Рассвет ещё не наступил, и пылающие факелы усиливали ощущение праздника и суматохи. Появление Абу Талиба стало сигналом закончить укладку тюков и затянуть подпруги в ожидании команды трогаться. Когда он уже садился на верблюда, Мухаммед внезапно схватил его за руку и стал умолять взять его с собой. Просьба была столь искренней, что добродушный Абу Талиб улыбнулся и посадил племянника к себе на верблюда. Затем дал знак выступать. В третий раз в своей юной жизни Мухаммед, сын Абдаллаха, покидал убежище Мекки.

Через несколько минут над пустыней пополз лиловый рассвет. Животные глубоко вдыхали прохладный утренний воздух, медленно поднимаясь из каменной чаши, в которой лежала Мекка. Мухаммед тоже глубоко вдохнул, глядя на новый день, который вёл его к новому миру.

Эта первая дальняя поездка сильно повлияла на него. Во время кочёвок с пастухами он никогда не уходил очень далеко и всегда оставался в местах, где встречались колодцы и скудные пастбища. Теперь перед ним лежала огромная безводная пустыня, где ошибка в

выборе пути могла означать смерть от жажды. Пейзаж напоминал открытое море. Ни скала, ни куст, ни дерево не нарушали ровную линию горизонта. Ничто не защищало от ветра и солнца. Это была земля кремня и голой каменистой поверхности, почерневшей от доисторических огней. Каждый камешек был отполирован вечным движением песка. Погонщики рассказывали, что здесь бродят джинны и странные существа, единственные способные жить на этих равнинах вечной тишины.

Путешествие было унылым и медленным. Величавый шаг верблюдов нельзя было ускорить, и к концу дня однообразный пейзаж создавал впечатление, будто с прошлого вечера они почти не продвинулись. Поэтому облегчение было особенно сильным, когда однажды вечером мерцающая пустыня осталась позади. Вскоре караван перешёл в область, которую сегодня называют Трансиорданией. В местечке Босра сделали первую долгую остановку.

Босра была торговым пунктом, куда греческие купцы приезжали меняться с арабами. За сырые шкуры из пустыни, изюм из оазиса ат-Таиф и серебро из рудников Бану Сулейм они давали парчу, полотно, пряности, духи и украшения. Повсюду царили шум и смех. После изнурительного пути через страну жажды это было словно пробуждение от дурного сна.

Мухаммед был взволнован сильнее всех. Всё было новым и неожиданным. Он встречал людей, не похожих ни на кого, кого знал раньше, и слышал идеи, совершенно чуждые всему, с чем до сих пор соприкасался.

Недалеко от рынка Босры находился монастырь несторианских монахов — христиан. Они знали Абу Талиба и предложили гостеприимство ему и племяннику. Один из монахов, по имени Бахира, особенно заинтересовался Мухаммедом. Его пытливость, жажда знаний и ясность рассуждений произвели впечатление. Бахира говорил с арабским мальчиком почти как со взрослым. Он рассказал ему о вере последователей Христа и осуждал идолопоклонство. Мухаммед слушал. Всё услышанное было настолько странным и отличным от того, чему его учили, что не могло не запомниться.

Единственным человеком, прежде говорившим с ним о чём-то подобном, была эфиопская няня Барака, но её христианство было спутанным, и мальчик мало что понял. Теперь всё звучало гораздо яснее. Поклонение идолам и стихиям уже не казалось столь убедительным. Перед ним открывалось нечто живое и реальное, обещавшее продолжение за пределами нынешней жизни.

Вряд ли в те годы Мухаммед размышлял о религии и о том, какое отношение она может иметь лично к нему. Более того, вплоть до среднего возраста ничто не показывает, что поклонение идолам Каабы вызывало у него серьёзные сомнения. Но слова несторианского монаха он не забыл. Они остались в памяти, и, когда пришло время, этот ранний слой знакомства с христианством оказался важным.

Монах был не единственным новым влиянием. Одна из главных ярмарок в окрестностях Мекки проходила в Указе. Здесь в огромной, обычно враждебной толпе сходились иудеи и христиане-единобожники, арабы-язычники и персы-огнепоклонники. Но с открытием ярмарки соперничество и вражда прекращались. Требовалась религиозная терпимость, личные ссоры улаживались, пленников обменивали, разногласия забывали в атмосфере, напоминавшей Олимпийские игры. Торговые сделки заключались, но главными приманками были развлечения: скачки, поэтические состязания, выпивка, танцы и даже проповеди.

Среди проповедников был Кусс ибн Саида, христианский епископ Наджрана. Каждый день с высоты своего высокого верблюда он говорил о вере. Часами рассуждал о тщете земной жизни и славе мира грядущего. Мухаммед слышал лишь отдельные части этих речей, однако много лет спустя сам нередко проповедовал с верблюда, и в его наставлениях я вижу отголоски речей этого христианского прелата.

Абу Талиб слышал подобные разговоры не раз и впечатления они на него не производили. Он не особенно понимал их смысл и полагал, что племянник обращает на них не больше внимания. До известной степени он был прав. Мухаммед оставался обычным мальчиком, а если увиденное и услышанное действовало на него сильнее, то прежде всего потому, что всё это было новым.

Впервые он увидел иной мир — мир, где солнце не было врагом, а дождь не казался чудом, о котором все молятся, но которого почти никто не ждёт иначе как в виде разрушительного ливня. Он увидел траву и деревья, людей, которые могли вести более спокойную жизнь и заниматься чем-то иным, кроме непрерывной борьбы с природой. Он услышал разговоры о вещах, не связанных с паломничеством, деньгами и политикой вокруг Каабы.

Формального образования Мухаммед получит немного, но узнает больше, чем многие учёные, проводившие жизнь в классах. Да и учиться в школе ему не хотелось. Он уже попробовал приключение на вкус и хотел ещё. Если когда-либо человеку суждено было получить всё, чего он страстно желал, то таким человеком был он — наследник хашимитских хранителей идолов Мекки.

ГЛАВА III

ЮНОСТЬ МУХАММЕДА

(586-597 годы после Рождества Христова)

Мухаммед очень быстро вышел из детства. К шестнадцати годам он путешествовал больше, чем большинство мекканцев за всю жизнь. Он успел даже побывать на войне. Его старший дядя аз-Зубайр был военачальником курайшитов и во время затяжной кампании против племени хавазинитов часто брал племянника с собой. Особых обязанностей у Мухаммеда не было, и возможности отличиться ему не представилось. Главным его занятием было подбирать стрелы, выпущенные противником, и подавать их дяде. Тем не менее это стало ещё одним опытом, который взрослит сильнее многих школьных лет.

Караваны тоже давали ему здоровую радость жизни. Каждая пройденная миля — а до двадцати лет их набралось очень много — усиливала его увлечение путешествиями и желание идти дальше. Аравия от Йемена до Сирии и Палестины, а к северо-востоку в сторону Персии стала для него почти столь же привычной, как для его ровесников посещение Каабы. Эти дороги и сегодня трудны даже с грузовиками и автомобилями; во времена Мухаммеда они занимали недели и месяцы. Люди, отправлявшиеся в такие поездки, должны были переносить изнурительный климат, отбиваться от грабителей и доводить животных вместе с драгоценным грузом до пункта назначения в пригодном состоянии. Быть торговым представителем в VI веке было мужской работой в самом прямом смысле.

Вскоре Мухаммед стал представлять не только дядю, но и других купцов. Его репутация трудолюбивого и честного человека распространялась всё шире. Ещё до двадцати пяти лет он стал одним из самых деятельных разъездных торговцев западной Аравии.

От обычного делового человека его отличало то, что он интересовался не только заказами на полотно, шёлк, сахар и рис. Когда дневные дела заканчивались, он сидел на рыночных площадях или в домах друзей и слушал. Там были музыканты, сказители, поэты.

Были философы, споривше между собой, и святые люди, говорившие о своей вере. С каждой поездкой Мухаммед накапливал знания о традициях, религиях и истории этой части Азии. Он приобрёл и ту житейскую мудрость, которая свойственна людям, постоянно живущим «в дороге» — всё равно, едут ли они на верблюдах, в повозках или, как я когда-то писал, в «Шевроле».

Если внимательно следить за его жизнью, этот здравый смысл бросается в глаза. Иногда Мухаммед производит впечатление человека другой эпохи. Его законы, решения и подходы к текущим проблемам временами поражают современностью. Во многих отношениях его отношение к жизни заметно опережало среду, в которой он жил.

Дело было в том, что контакты с чужими странами и людьми заставляли Мухаммеда думать. В отличие от многих пророков, его мысли не ограничивались только небесными горизонтами. Он видел мир и его проблемы такими, каковы они есть. Когда позднее стал придавать своим идеям духовную форму, практическое, земное начало не исчезло. Он избегал ловушек прежних проповедников, пытавшихся вести паству к спасению по дорогам, которых сами слушатели не знали. Дороги Мухаммеда были дорогами торгового человека. По ним он и поведёт последователей, добавив к каравану Бога, а конечным рынком сделав Рай.

Но хотя ум и тело Мухаммеда развивались, богатства он, по-видимому, не накопил. Вероятно, получал жалованье и комиссионные, но состоятельным не был. Деньги его особенно не интересовали. Бывали периоды, когда он уставал от постоянного общества других людей и хотел одиночества. Поскольку позволить себе неоплачиваемый отдых не мог, он временно нанимался пастухом. Подобно Моисею и Давиду, надолго исчезал в пустыне. Неделями его заботило только одно — перегонять стада и следить за ними. Много лет спустя он скажет: «Воистину, не было пророка, который не пас бы овец».

Чем бы он ни занимался — торговал благовониями или коврами в Дамаске либо охранял стадо в тишине пустыни, — характер оставался прежним. Честность, правдивость и порядочность не портились. С

молодых лет друзья называли его аль-Амин — Надёжный, Достойный доверия. Женщины тогда почти не могли на него воздействовать. У него не было каких-то особых принципов строгого целомудрия — просто женщины его не занимали. Половой интерес, который позднее будет заметен в последние годы его жизни, пока дремал.

В обществе он чувствовал себя свободно. Обладал живым остроумием, говорил приятно и потому нравился людям. Всегда тщательно одевался. В дороге и в лагере приходилось приспосабливаться к обстоятельствам, но дома он заботился о внешности. Тюрбан завязывал аккуратно, а покрывавший его шарф — тайласан — опускал низко на лицо. Туника и плащ всегда были чистыми. В более поздние годы он полюбит зелёные, жёлтые и красные ткани, но основой одежды останется белый цвет.

Он особенно не выносил людей с грязными зубами. Собственные зубы у него были необычайно белыми и при этом своеобразными: ровными, но похожими на зубцы пилы и довольно широко расставленными. Природной белизны ему было мало — он почти одержимо следил за зубами. Всюду носил зубочистки, держал их возле постели и никогда не отправлялся в путь без запаса.

Крепкие белые зубы соответствовали остальной внешности. Мухаммед был среднего роста, хорошо сложен и крепок, с широкими плечами и узкими бёдрами. Лишнего жира не было; скорее он был худощав. Ходил быстро, как человек, который знает, куда идёт, и хочет поскорее туда попасть. Голова была крупная и хорошо сформированная, на тонкой шее. Чёрные блестящие волосы слегка вились; он носил их длинными, иногда до плеч, словно гриву. Большие чёрные беспокойные глаза выделялись под тяжёлыми ресницами. Борода, которой с возрастом позволили разрастись до внушительных размеров, была тёмной и вьющейся. Усы подстригались и не скрывали красивого, чувственного рта цвета свежеразрезанного граната. Нос был тонким, аристократическим, с семитским орлиным изгибом. Лицо — худое, румяное, с чистой кожей почти женской нежности. Как у многих арабов, кисти и ступни были небольшими и красивой формы.

Две физические особенности выделяли его среди окружающих. Между изящно изогнутыми бровями, которые сближались, но не сходились, проходил заметный кровеносный сосуд; когда Мухаммед сердился, он темнел и начинал пульсировать. Кроме того, посередине спины, немного выше лопаток, находилась большая родинка размером с голубиное яйцо. Верующие позднее считали её божественной печатью пророчества. Сам Мухаммед никогда не придавал этому родимому пятну значения и не связывал его со своим призванием.

Смеялся он от души. Если ему было смешно, он не пытался этого скрывать. Но главным обаянием была улыбка. Мышцы рта и щёк складывались так, что даже человек, готовый к ссоре, невольно задерживался.

Рукопожатие было таким же искренним, как смех. Он крепко пожимал протянутую руку и никогда первым её не отпускал. На протяжении всей жизни не менял отношения к другу. Искренне любил животных и детей. Мальчики и девочки всегда собирались вокруг него на улице. Он не позволял последователям жестоко обращаться с бессловесными существами.

При всей общительности Мухаммед не был болтуном. То есть обладал тем замечательным арабским качеством — говорить только тогда, когда считал, что есть о чём говорить.

«Красота ислама человека, — говорил он позднее, — в том, что он оставляет то, что его не касается».

При всех этих физических достоинствах и хорошем происхождении до двадцати пяти лет ничто не указывало на то, что Мухаммед станет кем-то большим, чем надёжный торговый агент или пастух, которому можно доверить стадо и не бояться, что он убежит вместе с ним. Для мекканцев он был добродушным, способным, чуть выше среднего молодым человеком с нравами лучше, чем у большинства. Один из друзей говорил о нём: «Он был скромнее девственницы за занавесью». Нет сведений, чтобы в эти годы он совершил что-то выдающееся — скорее всего потому, что ничего выдающегося и не совершал.

История, которую нередко приводят как доказательство особой мудрости Мухаммеда, показывает в первую очередь то, что здравого смысла у него было больше, чем у многих сограждан. Частые ливневые потоки с мекканских холмов подмыли Каабу. Основание стало ненадёжным, значительную часть строения пришлось восстанавливать. После тревожных споров специально выбранные курайшиты взяли кирки и лопаты и принялись за работу. Никакой божественной кары не последовало, и Чёрный камень удалось вынуть из ниши без происшествий.

Но когда пришло время вернуть святыню на место, возник спор. Кому достанется честь? Кто получит особое право прикоснуться к главному предмету поклонения и отнести его обратно? Удовлетворительного решения не нашли, и кто-то предложил обратиться к первому человеку, который войдёт во двор Бейт Аллах. Все согласились и стали смотреть на ворота.

Через некоторое время вошёл Мухаммед. Его сразу окликнули и изложили проблему. Подумав, он снял плащ и расстелил на земле.

— Положите Чёрный камень на мой плащ, — предложил он. — Пусть каждый возьмётся за край и поднимет. Тогда все вместе разделите честь перенесения Камня к его месту.

Так и сделали. Когда подошли к стене Каабы, Мухаммед сам вставил Чёрный камень в нишу, прежде чем успел вспыхнуть новый спор.

Каким бы простым ни было это решение, оно подняло Мухаммеда в глазах старших. Арабы быстро вспыхивали, и спор из-за Чёрного камня мог перейти в драку, а затем в кровную вражду. Мухаммед предотвратил её.

Но в целом его жизнь продолжала течь по неприметной колее, не обещая ничего кроме такой же неприметности. И вот, когда ему было двадцать пять, произошло событие, которое изменило не только всю его судьбу, но косвенно отозвалось во всём мире.

В Мекке жила тогда женщина средних лет по имени Хадиджа бинт Хувайлид. Точнее, ей было сорок. Она принадлежала к курайшитам и приходилась Мухаммеду дальней родственницей через общего прапрапрадеда. Но принадлежала к старшему поколению и лично его

почти не знала. Два мужа умерли раньше неё, и оба оставили ей торгово-банковские дела. Вдова объединила их, и новое предприятие под её управлением процветало.

Методы Хадиджи были по-своему современными. Она давала деньги в долг надёжным курайшитским купцам и в обмен становилась долевым участником сделок, которые финансировала. Она также вкладывала средства мелких вкладчиков в караваны. После возвращения караванов прибыль распределялась пропорционально вложениям. Своих служащих — и в городской конторе, и в дороге — Хадиджа тоже материально заинтересовывала в предприятиях фирмы. Таким образом, они одновременно оказывались её работниками, кредиторами и своего рода пайщиками. Успех любого начинания был выгоден всем: от хозяйки и управляющих до счетоводов и самых простых погонщиков.

Деловая карьера не лишила Хадиджу женского обаяния. По арабским меркам она считалась уже немолодой, но сама ощущала себя настолько молодой, насколько позволяли силы. И сдаваться возрасту не собиралась. Она действительно начала полнеть, но кожа оставалась свежей, волосы — блестящими и чёрными, глаза — большими и живыми. Тёмные одежды и богатый плащ она носила со вкусом. Серебряные украшения с бирюзой на руках, ушах и шее всегда были подобраны удачно. Она оставалась привлекательной женщиной и при этом была очень богатой. Не хватало только подходящего мужчины.

Ум Хадиджи был так же деятелен, как и она сама. Ей требовался опытный в торговле, надёжный и энергичный человек, который мог бы присматривать за делами, особенно за караванами. Но она была осторожна и не собиралась доверять состояние и вереницы верблюдов с мулами человеку, который мог исчезнуть в Сирии или Египте и больше не появиться. Поэтому некоторое время управляла фирмой сама.

У Хадиджи был племянник Хузайма, примерно ровесник Мухаммеда. Он сопровождал его в нескольких торговых поездках и, как многие близко знавшие Мухаммеда, высоко ценил способности и честность друга. Он рассказал о нём тётке.

Примерно в это же время Абу Талиб советовал племяннику расширять связи и стремиться представлять самые крупные фирмы города. Когда появилась возможность работать у Хадиджи, Мухаммед попросил о встрече.

Его хорошая внешность и обаятельная улыбка, несомненно, укрепили благоприятное впечатление, которое уже создал племянник Хадиджи, не меньше, чем деловые рекомендации. Хадиджу поразило и то, что молодой человек не схватился за предложение сразу. Мухаммед не любил поспешных решений. Будь то торговля, война или религия, он сначала всё обдумывал. Прежде чем ответить богатой вдове, он посоветовался с дядей. Абу Талиб решил, что это именно то, что нужно племяннику, а узнав, что Хадиджа готова платить ему вдвое больше прежнего, настоятельно посоветовал соглашаться.

Так Мухаммед поступил на службу к Хадидже и, сам того не зная, поставил ногу на первую ступень лестницы, которая однажды приведёт его к власти над всей Аравией.

Для начала Хадиджа отправляла вместе с ним своего племянника и личного раба — эфиопа по имени Майсара. Она была женщиной здравомыслящей и хотела убедиться, что личное расположение не заставило её пренебречь деловой осторожностью. Беспокоиться было не о чем. То, как Мухаммед выполнял обязанности, и прибыль, которую приносил новому работодателю, заставили Хадиджу снова повысить ему жалованье. Через несколько месяцев она назначила его начальником всех своих караванов.

Следующие два года Мухаммед от имени Хадиджи ездил почти во все места, куда тогда доходили торговые караваны: Дамаск, Алеппо, Антиохию, Иерусалим, Бейрут, Пальмиру, Баальбек. Вскоре к этому добавилась новая ответственность — управление всей фирмой. Когда он не был в дороге, работал в конторе и занимался административными делами. Хадиджа приходила туда слушать предложения своего красивого управляющего, которые снова и снова увеличивали доход предприятия.

Но не только деньги связывали их. Хадиджа была счастлива. Она ждала этих разговоров, считала дни до возвращения каравана, с нетерпением ожидала, когда Мухаммед, вымытый, в чистых белых

одеждах, с причёсанными и надушенными волосами и бородой, придёт с новостями. Постепенно дела стали интересовать её меньше, а обаятельный и мужественный управляющий — больше.

Ей уже было мало ждать известий в доме или конторе. Она поднималась на плоскую крышу-террасу и смотрела поверх бесплодных холмов, надеясь первой увидеть верблюдов, медленно спускавшихся по каменистой дороге. Впервые в жизни Хадиджа влюблялась.

Но как дать понять объекту своей привязанности, что с ней происходит? Ей было уже сорок два — достаточно, чтобы, как могла бы сказать она сама, «знать лучше». Как объяснить столь сильное чувство к мужчине на пятнадцать лет младше? И не просто к мужчине, а к собственному служащему — человеку, у которого не было ни одного дирхема, не заработанного у неё. Что скажет семья? Что скажет старый дядя и опекун Омар ибн Асад? Она прекрасно знала: он и остальные будут смеяться и говорить, чтобы она не глупила. Скажут, что ей и так повезло спокойно похоронить двух богатых мужей и не стоит в третий раз испытывать судьбу с человеком, достаточно молодым, чтобы быть её сыном.

Реакцию семьи Хадиджа представляла точно. Если кто-нибудь из родных догадается о её намерениях, и без того небольшие шансы выйти за Мухаммеда исчезнут. Нужно было найти другой путь. Оставалась ещё одна проблема: она понятия не имела, что Мухаммед чувствует к ней.

А Мухаммед ничего особенного не чувствовал. Он занимался любимой работой, хорошо зарабатывал и получал признание за предприимчивость. Хадиджа была прекрасным работодателем. Он восхищался ею и уважал её — и только. Женщины до сих пор вообще почти не играли роли в его жизни. Ему не хватило бы смелости ухаживать даже за обычной девушкой. Мысль о том, чтобы делать любовные намёки почитаемой хозяйке, была столь же далека от него, как мысль о том, что однажды он станет правителем Аравии. Между тем и хозяйка, и Аравия уже находились в пределах досягаемости.

Хадиджа уловила эту застенчивость и решила действовать сама. Для этого она поручила дело рабу Майсаре.

Майсара сопровождал Мухаммеда во многих поездках. Несмотря на разницу положения, близость и общие трудности путешествий по пустыне сделали их друзьями. Мухаммед тогда, как и позднее в годы величия, был прост в общении и никогда не считал себя лучше или выше других по положению. Поэтому Майсара без стеснения заговорил с ним о браке.

Как получилось, спросил он, что мужчина почти двадцати восьми лет, способный, красивый и из хорошей семьи, так и не женился? Мухаммед столь же прямо ответил, что просто мало об этом думал. Он был слишком занят. И, пожалуй, хорошо, что не женился: как человеку, который всю жизнь проводит в дороге и зависит от жалованья и комиссионных, устроить дом, какого ожидают от мужчины его происхождения?

Майсара заметил, что можно «жениться на деньгах». Мухаммед рассмеялся. Как разъездной торговец встретит богатую женщину, а если и встретит, как осмелится предложить ей брак?

Майсара тоже засмеялся:

— А если богатая женщина сама предложит тебе жениться на ней? Красивая женщина, из лучшей семьи?

Мухаммед развеселился ещё больше. Что это за сказочное создание имеет в виду Майсара?

Ответ прозвучал без колебаний:

— Хадиджа.

И, не давая Мухаммеду оправиться от удивления, Майсара добавил:

— Если позволишь, я всё устрою.

Понадобилось время, чтобы убедить Мухаммеда, что речь идёт всерьёз. Ещё больше — чтобы он увидел в идее здравый смысл. Когда это удалось, договорились о встрече Мухаммеда с Хадиджей.

Они и прежде много раз оставались вдвоём, но всегда в конторе. Теперь разговор проходил в личных покоях Хадиджи. Мухаммед стеснялся, и объяснять всё пришлось ей. Закончив, она фактически сама сделала предложение, и Мухаммед с благодарностью его принял. Казалось, свадьба может состояться немедленно. Но нет: Мухаммед был завоёван, семья — ещё нет.

Когда Омар ибн Асад, дядя и опекун будущей невесты, услышал о союзе, он пришёл в ярость и решительно сказал «нет». По его мнению, против брака говорило всё: возраст Мухаммеда, его положение служащего Хадиджи и, прежде всего, отсутствие денег. Омар видел в этом только способ растратить богатство Хадиджи, вместо того чтобы оставить его в семье. Это был тот самый старый спор родственников, который существует с тех времён, как люди придумали материальные ценности и условные знаки этих ценностей.

Хадиджа ожидала возражений и приготовила ответы, но на упрямого старика они не подействовали. Казалось, Мухаммеду и вправду суждено до конца жизни ездить по торговым дорогам.

Можно удивиться, почему сорокадвухлетняя вдова всё ещё находилась под опекой дяди. Объяснение в обычае: женщина без мужа — девушка или вдова — оставалась под опекой главы семьи. Без его согласия брак не мог состояться.*

Но Хадиджа, хотя и рассердилась, не пала духом. От дяди ей досталось упрямство, а от природы — женская находчивость. Она перестала спорить и дала буре улечься. Когда все успокоились, устроила ужин. Пригласила ближайших родственников, включая дядю; двух дядей Мухаммеда — Абу Талиба и Хамзу; нескольких других влиятельных курайшитов. Разумеется, пригласила Мухаммеда и своего племянника Хузайму, который их познакомил.

Ужин был специально заказан и тщательно приготовлен. Подавали много привозного вина и ликёров. Скоро все пришли в отличное настроение. Поднимались тосты, произносились речи, собрание согревалось вином. Полностью трезвыми оставались только Хадиджа и Мухаммед.

Выбрав момент, Хадиджа встала и произнесла речь. Она говорила о Мухаммеде как об уме, благодаря которому процветает её дело, как о человеке, чья предприимчивость значительно увеличила её состояние. Напомнила о его честности и благородном происхождении. И закончила тем, что любая женщина могла бы считать честью стать женой такого мужчины. Гости зааплодировали. Налили ещё вина.

Кузен Хадиджи Варака вскочил и поддержал её слова. Снова аплодисменты, снова вино. Затем с ней согласились Абу Талиб и Хамза. Прежде чем Омар ибн Асад успел понять, что происходит, он уже сам произнёс речь, одобряя помолвку.

Мухаммед тут же надел на старика одеяние, которое, по обычаю, зять дарил тестю на свадьбе. Одновременно Хадиджа надушила волосы дяди шафраном и амброй. Аплодисменты разнеслись по дворам её дома. С точки зрения обычая Мухаммед и Хадиджа уже были женаты.

Но Хадиджа не собиралась рисковать. Она хорошо понимала, какую роль в этой сердечности сыграло вино, и знала, что бывает наутро. Поэтому, пока все хлопали друг друга по спине, пили тосты и хвастались, она пригласила людей, способных оформить всё юридически. В той же дружеской атмосфере составили брачный договор, определили приданое и уладили прочие формальности. По законам Мекки Мухаммед и Хадиджа теперь были связаны как муж и жена. Когда пир закончился, Мухаммед попрощался с гостями и остался с невестой.

Говорят, на следующее утро Омар мучился головной болью и ворчал, что его подопечная вышла за никому не известного человека, хотя могла выбрать любого в Мекке. Но дяди Мухаммеда оборвали его: внук Абд аль-Мутталиба, по их словам, достаточно хорош для любой женщины Мекки — и не только Мекки. В любом случае мнение Омара уже ничего не меняло: брак был оформлен законно и отменить его было невозможно.

Общие свадебные празднества начались сразу после обряда. Мухаммед зарезал верблюда и раздал мясо бедным. Хадиджа объявила «открытый дом» для своих друзей и друзей мужа. Танцоры танцевали, музыканты играли от рассвета до заката и снова до рассвета. Дом главы знаменитой, как я шутливо выражаюсь, «фирмы Хадиджа и компания» ещё не видел такого веселья. Больше всех радовалась сама полноватая хозяйка.

На празднике был Майсара, была верная Барака. Из пустыни привезли Халиму, приёмную мать Мухаммеда. Хадиджа подарила ей сорок овец и отправила обратно в лагерь; Халима снова уверяла, что

её милосердный поступок — вскармливание болезненного младенца Амины — принёс удачу всему племени Бану Саад.

Наконец веселье стихло, и Мухаммед смог заняться более серьёзным делом — управлением предприятием жены, а Хадиджа погрузилась в счастливое восхищение обаятельным и красивым мужем.

Это было начало исключительно счастливого брака. Хадиджа страстно любила Мухаммеда. Его чувства к ней были спокойнее — привязанность, нежность, глубокая близость. Возможно, в иной форме он любил её даже сильнее, чем она его. Несомненно, Хадиджа значила для него больше любой другой женщины и, вероятно, больше почти любого человека в его жизни.

Все двадцать один год брака она получала его безраздельное внимание — в стране, где многожёнство было обычным и признанным. Каковы бы ни были причины позднейших любовных связей Мухаммеда, Хадиджа была его первой женщиной и, по существу, в его сердце осталась последней.[2]

[2] Многие биографы называют опекуном Хадиджи её отца Хувайлида, а не Омара ибн Асада. Для данного рассказа это несущественно, однако Хувайлид умер ещё до знакомства дочери с Мухаммедом.

ГЛАВА IV

ПРИЗВАНИЕ

(599-611 годы после Рождества Христова)

Брак с Хадиджей не сразу изменил образ жизни Мухаммеда. Он продолжал руководить фирмой и не отказался от поездок с караванами. Некоторые из самых дальних путешествий — на ярмарки и рынки Малой Азии — он совершил уже после женитьбы. Тем не менее дела торгового дома Хадиджи не улучшались. Скорее наоборот, они начали сдавать.

Серьёзных убытков не было, и Хадиджа по-прежнему оставалась одной из богатейших женщин Мекки, но прежняя острота её деловых методов исчезла. Иначе говоря, угас прежний деловой пыл Мухаммеда. Он терял интерес к тому, чем прежде занимался потому, что был вынужден зарабатывать на жизнь.

Освободившись от ежедневной необходимости добывать средства, Мухаммед получил время обдумывать всё, что годами накапливалось в его голове. Иногда, когда следовало подписывать договор или готовить караван, жена находила его погружённым в мечтательность. Это была не лень и не история человека, который внезапно разбогател и перестал следить за делами. Мухаммед ленивым не был. От детства до смерти праздность никогда не относилась к его слабостям. Скорее хороший ум, долгие годы вынужденный сосредоточиваться на не слишком близких ему предметах, неожиданно получил свободу.

Хадиджа, будучи мудрой женщиной, чувствовала, что в муже происходит какая-то перемена. Будучи тактичной женой, она не приставала с вопросами. Она оставила его в покое. И тем самым, сама того не сознавая, ещё раз помогала закладывать основы ислама. В этом у неё был горячий союзник — двоюродный брат Варака, тот самый, который поддержал её на свадебном пире.

Варака был человеком загадочным. Не имея от этого никакой выгоды, он оказался единственным членом семьи Хадиджи, вставшим

на её сторону, когда она решила выйти за Мухаммеда. Он первым поддержал и Мухаммеда, когда у того начали возникать мысли о религиозной миссии. Во что верил сам Варака, сказать трудно. Родился язычником, затем стал иудеем, а позднее христианином. Ему приписывали первый перевод Ветхого и Нового Заветов на арабский язык. Значительная часть сведений, которые Мухаммед знал о Торе, Талмуде и христианских Евангелиях, пришла от этого человека. Разговоры с Варакой, соединённые с тем, что Мухаммед слышал в путешествиях, и заставляли его мечтать в конторе и задумчиво покачиваться в седле верблюда.

До тех пор он никогда серьёзно не ставил под сомнение обряды Каабы. Он и жена были обычными идолопоклонниками: молились Аллаху Таала и его супруге Аллат, а также другим богам и богиням. То, что они были сделаны из камня, особенно Мухаммеда не тревожило. Его дед считал их достойными почитания — этого казалось достаточно. Вообще он лишь изредка размышлял о подобных вещах. Кроме времени, когда пас овец, возможности подумать у него почти не было.

Теперь же, имея досуг, он снова и снова прокручивал в голове слова Вараки, давние рассказы несторианского монаха в Босре, проповеди епископа Наджрана, услышанное в далёких городах Малой Азии. Кааба и весь связанный с ней культ стали казаться ему чем-то недостаточным.

Великая святыня пустыни напоминала после захода солнца переполненный курятник. В полутёмном помещении теснились триста шестьдесят грубых каменных фигур, привезённых со всех концов Аравии. Некоторые прибыли из Сирии и Египта. Статуи Авраама и Исмаила, которые когда-то служили лишь напоминанием об основателях арабского народа, превратились в часть языческого поклонения. Там же находились Мария и Иисус; в их холодные руки были вложены гадательные стрелы как знаки магии.

Нелепость происходящего вдруг предстала перед Мухаммедом с ясностью нового рассвета. Его всё больше беспокоило, как примирить зарождавшиеся в душе мистические мысли с поклонением уродливым и бесформенным каменным фигурам, некоторые из которых являлись

всего лишь фаллическими символами, а некоторые — просто необработанными глыбами. Но готового решения ещё не было. Чем больше он думал, тем сильнее запутывался.

Постепенно — и этот процесс занял годы — отрицательные сомнения начали превращаться в положительные идеи, в замысел религиозной реформы. Сначала смутно, затем всё яснее Мухаммед рассуждал примерно так.

Адаму должны были быть открыты основы, истоки всех религий. Эти основы наверняка были простыми и неиспорченными и относились к одному Богу. Этот Бог всё ещё существует? Конечно. Он — Бог, создавший вселенную. Сама вселенная — лучшее свидетельство Его существования. Значит, Его и следует почитать как источник всего сущего — и в этом мире, и в будущем.

И не требовалось особых размышлений, чтобы отождествить Его с тем Богом, которого знала сама Мекка. Это был Аллах, Владыка Каабы, Бог, почитаемый выше смутных многочисленных божеств арабов.

Выбирая это решение, Мухаммед не шёл по пути наименьшего сопротивления и не приспосабливал одного из идолов к своей теории. «Аллах» не было собственным именем вроде Ваала или Зевса; это сокращение от «аль-Илах» — «Бог», подобно тому как «Аллат» происходило от «аль-Илат» — «Богиня». «Аллах Таала» означало «Всевышний Бог». Положение в чём-то напоминало Афины, где апостол Павел обнаружил среди множества алтарей один с посвящением «Неведомому Богу».

Эти мысли медленно укладывались в сознании Мухаммеда, словно элементы сложной математической задачи, но окончательного ответа ещё не давали. Он не был учёным, и ум торгового человека не мог мгновенно изменить способ рассуждения, сформированный за двадцать лет. К тому же он не собирался провозглашать богословское учение, пока сам не будет уверен. Он ещё не был вдохновенным проповедником. Скорее это был отошедший от активной торговли деловой человек с трезвыми инстинктами профессии. И прежде всего — человек добросовестный.

Была ещё одна причина не распространяться о новых идеях. Друзей у Мухаммеда было много, но близких людей — мало. Кроме жены, по-настоящему близкими можно было назвать троих. По возрасту, происхождению и темпераменту они были совершенно различны и, если бы не Мухаммед, вероятно, никогда бы не сблизились.

Самым молодым был Али, сын Абу Талиба, то есть двоюродный брат Мухаммеда. Мухаммед взял его к себе в дом, чтобы облегчить финансовую нагрузку дяди с его многочисленной семьёй. Али был крепким, живым четырнадцатилетним подростком, с ранних лет боготворившим двоюродного брата и приёмного отца.

Самым близким другом Мухаммеда и единственным его ровесником был Абдаллах ибн Усман. Однако под этим именем его почти никто не знал. Его обычно называли ас-Сиддик — «Правдивый», а чаще Абу Бакр — «отец молодого верблюда». Неясно, когда закрепилось последнее прозвище, но именно под ним он вошёл в историю, и я использую его далее.

Абу Бакр был богатым купцом, который поднялся из скромной среды и сам создал своё состояние и положение. Умный, расчётливый, не столь эмоционально пылкий, как Мухаммед, в некоторых отношениях он был даже более сильной натурой. Невысокий и худощавый, с красивой головой орлиного склада, красноватым лицом и редкой бородой. Деньги открывали ему доступ ко всем удовольствиям Мекки, но образ мыслей и жизни оставался почти аскетическим. Он станет правой рукой Мухаммеда с начала миссии до его смерти и первым халифом ислама.

Третьим близким человеком был Зайд — обращённый христианин, захваченный племянником Хадиджи во время набега на Сирию. Мухаммед заинтересовался юношей, и Хадиджа отдала его мужу как личного раба. Зайду было около двадцати; он был невысок, смугл и не слишком красив, но трудолюбив и предан хозяину.

Однажды родственники Зайда разыскали его в Мекке и пришли с деньгами для выкупа. Но Зайд заявил, что счастлив там, где находится, и отказался возвращаться домой. Такая преданность тронула

Мухаммеда. Он немедленно повёл юношу к Каабе и там, в присутствии его отца, положил руку на Чёрный камень и поклялся:

— Свидетельствуйте все, кто здесь присутствует: Зайд — мой сын. Я буду его наследником, и он будет моим.

Так Мухаммед официально усыновил его и освободил от рабства. Правда, затем он связал его иным образом — женил на своей старой няне Бараке. Она была примерно на двадцать лет старше Зайда, но родила ему сына Усаму, которому предстояло стать известным военачальником мусульманских армий.

Хотя эти трое почти постоянно находились рядом с Мухаммедом, он ещё не делился с ними внутренними переживаниями. В течение двенадцати лет после свадьбы только Хадиджа знала, какие духовные перемены в нём происходят.

Жена среднего возраста всё ещё была по-настоящему счастлива. Нежность Мухаммеда к ней возрастала, а уважение оставалось таким же, как в первую брачную ночь. Ни разу он не предложил унизить её присутствием соперницы в доме. Хадиджа точно не знала, что происходит в сознании мужа, но не задавала лишних вопросов и не позволяла себе тревожиться. Да и времени было мало: кроме наблюдения за делами, она рожала детей. Вопреки ожиданиям, эта сравнительно немолодая женщина родила Мухаммеду двух сыновей и четырёх дочерей.

Старшего сына звали Касим. Некоторые восточные авторы и позже называли Мухаммеда Абу Касим — отец Касима. Но мальчик умер, и его смерть ещё сильнее заставила Мухаммеда уходить в себя и обдумывать сомнения относительно верований, в которых он вырос. Второй сын умер младенцем.

Все дочери достигли взрослого возраста, но трое умерли раньше отца. Лишь один ребёнок пережил Мухаммеда — Фатима, ставшая женой двоюродного брата Али. Шииты почитают её как прародительницу линии, с которой связывали Фатимидов и наследственную идею имамата и халифата.

Если бы сыновья Мухаммеда выжили, вполне возможно, его заботы и направление жизни были бы иными.

Но мальчиков, которых нужно было растить, не осталось, и он продолжал размышлять о религиозном обновлении Мекки. Снова и снова возвращался к тому, что слышал во времена караванных путешествий. Так он пришёл ко второму важному выводу.

Первоначальная, чистая вера Адама была испорчена людьми. Чтобы исправлять искажения, Бог последовательно посылал миру пророков. Одним из них был Ной, затем Авраам и Моисей, Иоанн Креститель и Иисус Христос. Особенно привлекал Мухаммеда Авраам. В его представлении Авраам, в отличие от позднейших посланников, не выражал какую-то жёсткую догматическую систему. Он не был ни иудеем, ни христианином; он был человеком чистой веры.

Эти рассуждения привели к новой мысли. Смерть Христа отделяли от его времени почти шесть столетий. Не пришла ли пора новому пророку явиться и исправить мир? Триста шестьдесят идолов, загромождавших Каабу, как будто сами подсказывали ответ.

Как только эта мысль прочно овладела Мухаммедом, интерес к торговле начал исчезать и вскоре почти полностью угас. Одиночество превратилось в потребность. В годы торговых поездок такое желание уже возникало, и тогда он нанимался пасти овец в пустыне. Но теперь, будучи одним из заметных граждан Мекки, он не мог просто исчезнуть в роли пастуха. Поэтому избегал общества, всё реже встречался с бывшими товарищами по дороге и начал уходить даже из дома.

Хадиджа не мешала. Она старалась помочь, насколько могла, но помочь тут было трудно: то, что кипело внутри Мухаммеда, требовало почти полного отрыва от людей.

Для уединения он выбрал гору Хира в нескольких милях от Мекки. Это была, по сути, огромная скала, отполированная песком и ветром и рассечённая большой трещиной. Она стояла одна в ослепительно-белом свете аравийского солнца, мерцая над бесплодной безводной местностью. В её склоне находилась небольшая тёмная пещера.

Здесь Мухаммед проводил дни, иногда дни и ночи, в молчаливом размышлении. Ел мало, спал мало, и постепенно в нём появилась

нервная напряжённость, совсем не похожая на беззаботность делового человека прежних лет.

Посты и ночные бдения естественно сказались на здоровье человека, привыкшего к хорошей пище, движению и жизни на воздухе. Редкий сон стал тревожным; снились странные сны, которые он ярко помнил после пробуждения и рассказывал Хадидже. Иногда терял сознание и лежал на земле как мёртвый. Иногда возникали судороги.

Именно из сообщений об этих приступах возникло предположение, что Мухаммед страдал эпилепсией. Этот вопрос остаётся спорным. Одни считали диагноз вероятным. Другие утверждали, что речь шла о настоящих трансах, вызванных переживанием чего-то бесконечно более высокого и значительного, чем культ Каабы. Нечто подобное описывают и йоги.

По преданию и рассказам Хадиджи, незадолго до первого откровения — то есть примерно в тридцать девять-сорок лет — и затем в течение жизни у Мухаммеда случались приступы сильной дрожи с последующим обморочным состоянием. Они сопровождались обильным потоотделением даже в холод. Иногда он довольно долго лежал с плотно закрытыми глазами и стонал.

Мухаммед знал о приступах и стеснялся их. Мало кто, кроме Хадиджи и позднейших жён, видел его в таком состоянии. Следует подчеркнуть, что во время самих приступов Мухаммед не произносил ничего значительного. Слова Корана диктовались им уже после того, как переживание откровения завершалось, когда сознание было ясным. Я также привожу медицинские рассуждения своего времени в пользу того, что симптомы могли быть связаны не с эпилепсией, а, например, с малярией, лихорадкой или сильным экстатическим возбуждением.

Но был ли это эпилептический приступ, малярия или духовный транс, для сути рассказа, по моему мнению, это не имеет большого значения. Эпилепсия сама по себе ещё никого не сделала пророком, законодателем или влиятельным вождём. В те времена подобное состояние скорее заставило бы людей считать человека одержимым

или безумным. Между тем, я утверждаю, если в Мухаммеде что-то и было очевидно, так это здравый рассудок.

Первое божественное откровение, согласно традиции, произошло в 610 году после Рождества Христова, в месяц Рамадан. Мухаммед ушёл в пещеру на горе Хира поститься, молиться и размышлять. Наступила Ночь аль-Кадр — ночь, которая, по Корану, «лучше тысячи месяцев» и несёт мир и благословение до рассвета. Арабы говорили, что в эту ночь ангелы сходят на землю, а Гавриил приносит с небес повеления Аллаха.

Завернувшись в плащ, Мухаммед лежал, полусонный, на каменном полу пещеры. Внезапно его разбудил голос — странный, ясный, не похожий ни на один слышанный прежде. Дважды голос звал его, с каждым разом настойчивее. Мухаммед, воспитанный на рассказах о джиннах, пытался закрыть уши, но голос не умолкал и становился громче. Потрясение было столь сильным, что он потерял сознание.

Придя в себя, он увидел перед собой ослепительного ангела в человеческом облике. Голос снова произнёс:

— Читай!

— Я не умею, — ответил Мухаммед.

— Читай! — повторил ангел. — Читай во имя Господа твоего, Который сотворил всё, Который сотворил человека из сгустка. Читай во имя Всевышнего, Который научил человека пользоваться пером и научил его тому, чего он прежде не знал.

Мухаммед, охваченный необычным подъёмом, повторял эти слова, пока не запомнил их. Тогда ангел сказал:

— О Мухаммед, воистину ты Посланник Аллаха, а я — Его ангел Гавриил.

И исчез.

Ответ Мухаммеда, что он не умеет читать, породил другой знаменитый спор. Одни считают его неграмотным, другие — грамотным. Доказательств, которые окончательно решали бы вопрос, нет.

Грамотность среди арабов того времени не была чем-то совершенно исключительным. Али, двоюродный брат Мухаммеда,

умел писать. Почему Абу Талиб учил собственного сына, но не племянника, жившего под одной крышей? Почему образование потомка торговой аристократии Хашима и Абд аль-Мутталиба должно было быть столь запущено? Можно предположить, что раннее начало торговой жизни не оставило времени на формальное обучение, однако путешествовать он начал только в подростковом возрасте, поэтому и это объяснение не вполне убедительно.

Тем не менее традиция утверждает, что он был неграмотным, и одним из сильнейших аргументов служили слова самого Мухаммеда: он постоянно настаивал, что не умеет читать и писать. Возможно, это было буквально верно; возможно, как язвительно я предполагаю, репутация неграмотного человека усиливала впечатление от Корана, поскольку откровение, исходящее от необразованного араба, казалось ещё более удивительным.

В некоторых переводах Корана приказ Гавриила передают не как «читай», а как «возгласи» или «читай вслух». Арабский корень q-r-ʾ, от которого происходит слово «Коран», может означать чтение или произнесение. Но, как и в споре об эпилепсии, я считаю вопрос грамотности второстепенным. Он не меняет ни историю, ни масштаб личности Мухаммеда. Каким бы образом ни возник Коран, на мой взгляд, это великое произведение. И несущественно, кто именно записывал диктовку — Хадиджа, Али или Зайд.

Когда Мухаммед оправился от видения, первой мыслью была Хадиджа. Он поднялся с пола пещеры и выбежал в пустыню. Рассвет крался над горизонтом, пока он пробирался среди кустарника и затем по узким улицам Мекки. Дрожа и будучи глубоко взволнован, он вошёл в комнату Хадиджи, разбудил её и рассказал о видении. Несколько мгновений стоял и смотрел на неё, а прежде чем она успела прийти в себя и ответить, вдруг вскрикнул от нового страха.

Мухаммед всегда презирал прорицателей. Торговлю «сверхъестественным» считал трюком и обманом. А теперь сам выглядел почти как медиум. Вернувшись в обычную комнату, где через ставни пробивался солнечный свет, он уже не был уверен, не приснилось ли всё это. Ещё страшнее была мысль: а что, если им овладел злой дух?

Хадиджа любила мужа. Двенадцать лет брака только усилили привязанность. Теперь он стоял перед ней измученный, растерянный, с непричёсанными волосами и бородой, в одежде, покрытой пылью пещеры, и в ней поднялось глубокое, почти материнское сострадание. Это был её человек, и он страдал.

Положив руку ему на плечо, она сказала:

— Бог мне защита, о Абу Касим! Радуйся, дорогой муж, и ободрись. Тот, в Чьих руках жизнь Хадиджи, свидетель мне: ты станешь Посланником Его народа! Разве ты не любишь родных, не добр к соседям, не милостив к бедным, не гостеприимен к страннику, не верен слову и не защищаешь истину?

Напряжение на лице Мухаммеда ослабло. Он улыбнулся. Хадиджа обняла его и некоторое время держала рядом. Затем посоветовала отдохнуть, а сама поспешила к Вараке рассказать о случившемся.

Варака был уже очень стар, слаб и слеп и почти не вставал с циновки. Но известие Хадиджи его оживило. Он без колебаний заверил её: всё, что сказал Мухаммед, должно быть правдой; её муж избран Богом. Хадиджа, переполненная возбуждением, поспешила обратно с этим известием. Для Мухаммеда трудно было придумать более убедительную поддержку. Он верил Вараке и всегда считал его человеком, говорящим со знанием дела.

Мухаммед снова уснул. Хадиджа укрыла его плащом и сидела рядом. Вскоре он начал стонать и дрожать. На лбу выступил пот. Она положила сверху ещё покрывала. Некоторое время он стонал и что-то бормотал, затем резко сел и напряжённо уставился перед собой, словно кого-то слушал. Через некоторое время заговорил, как будто повторяя заученный урок:

— О завернувшийся в плащ! Встань и предостерегай! Встань и возвеличь Господа твоего! Очисти одежды твои и удаляйся от всякой нечистоты!

Голос стих. Он продолжал смотреть вперёд, словно ждал продолжения. Ничего больше не последовало. Тогда он повернулся к жене:

— О Хадиджа, время отдыха и сна прошло. Гавриил велел мне предостеречь людей и призвать их к Богу и Его поклонению.

Он встал и поспешил к Вараке. Старик ждал с тревогой. Выслушав Мухаммеда, он подтвердил сказанное Хадидже и добавил:

— Клянусь Тем, в Чьих руках жизнь Вараки: Бог избрал тебя пророком твоего народа. К тебе пришёл великий Намус, доверенный Аллаха. Тебя будут называть лжецом, будут преследовать, изгонять и воевать с тобой. О, если бы я дожил до тех дней! Я сражался бы за тебя.

Затем он поцеловал Мухаммеда в лоб. Мухаммед поблагодарил родственника и задумчиво пошёл домой. Непосредственный энтузиазм Вараки укрепил его. То, что произошло в пещере, снова казалось столь же реальным, как в самый момент видения.

Это заверение было для Мухаммеда очень важно. Он считал себя честным человеком и хотел быть уверен, что провозглашаемые слова исходят не от него самого. Он стремился говорить только от имени Господа. Настолько боялся подозрения в человеческом происхождении откровения, что часто предварял изречения повелением Бога: «Скажи» или «Возгласи».

Например, в Коране сказано: «Скажи: ангел смерти, которому вы поручены, умертвит вас, а затем вы будете возвращены к вашему Господу». Точно так же почти каждая сура Корана начинается словами: «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного».

Возникает вопрос, почему Варака так уверенно объявил Мухаммеда Посланником Бога. Может быть, человек, уже несколько раз менявший веру, решил сделать это ещё раз? Или он действительно был вдохновлён и почувствовал будущий масштаб Мухаммеда? Какова бы ни была причина, Вараке принадлежит значительная доля заслуги в первых шагах новой веры.

Хотя Мухаммед был успокоен и ободрён, он всё ещё не понимал, что делать дальше. Постепенно возникло чувство пустоты после сильнейшего переживания. Через несколько дней он начал тревожиться. А что, если случившееся было небесной насмешкой? Что, если больше никаких откровений не будет?

Он ждал нового знака от ангела, но ангел не приходил. Мухаммед становился всё нервнее, затем испугался. Наконец в отчаянии вернулся на гору Хира. Всё выглядело как прежде: сухая белая скала

мерцала под солнцем пустыни. Ему показалось, что он выставил себя дураком. Сделал именно то, над чем прежде смеялся: объявил себя человеком, получающим сверхъестественные сообщения, позволил жене поверить, что он пророк с божественной миссией.

Его охватил стыд. Он быстро взобрался на вершину сияющей скалы. Казалось, оставался один выход. Но в тот момент, когда он уже приготовился сделать шаг в пропасть, перед ним появился Гавриил и остановил поднятой рукой. Ясным, безошибочным голосом ангел сказал:

— Я — Гавриил, а ты — Мухаммед, Посланник Аллаха!

Ангел исчез, оставив Мухаммеда неподвижным у самого края. Он попытался двинуться, но конечности словно парализовало. Голос пропал. Он стоял как мраморная статуя. Казалось, Гавриил спас его от падения только затем, чтобы обречь на голодную смерть. Возможно, так и случилось бы, если бы не Хадиджа.

Она знала, что муж находится в смятённом состоянии. Когда он ушёл в пустыню, догадалась, куда направился. Не дождавшись его возвращения, послала человека на поиски. Тот нашёл Мухаммеда в состоянии, похожем на транс, у края обрыва и привёл домой.

Так, на мой взгляд, Хадиджа снова неосознанно спасла будущий ислам. Оставшись один, Мухаммед, возможно, довёл бы себя тревогой до самоубийства. Этого не произошло частично благодаря его собственному характеру, но в огромной степени благодаря доброте и пониманию стареющей жены. Она ни разу не показала недоверия и всегда поддерживала его.

Возможно, именно эта преданность впоследствии отразилась в коранических словах: «Клянусь сиянием полудня и тихой ночью: Господь не отверг тебя и не оставил; будущее будет лучше прошлого. Разве Он не нашёл тебя сиротой и не дал тебе приют, не нашёл тебя заблудшим и не направил на прямой путь, не нашёл тебя бедным и не сделал богатым?»

В жизни Мухаммеда будут другие женщины, но ни к одной он не испытывал столь искреннего и возвышенного чувства, как к Хадидже. Её простая вера в человека, за которого она вышла замуж потому, что любила его, придаёт особую убедительность первым этапам веры,

которая теперь охватывает огромную часть человечества. Некоторые биографы не могли решить, начинал ли Мухаммед путь как вдохновенный энтузиаст или расчётливый самозванец. Для меня поведение Хадиджи фактически отвечает на этот вопрос.

Маловероятно, рассуждает он, чтобы женщина вроде Хадиджи выбрала руководителем караванов, затем управляющим крупным предприятием и, наконец, мужем человека, который был сознательным обманщиком. Столь же маловероятно, что человек с такими семейными связями, если бы стремился к личной выгоде, извлёк бы так мало из очевидно золотых возможностей. И ещё менее похоже на поведение мошенника то, что, женившись на богатой хозяйке, Мухаммед оставался ей верен до её смерти и позволил коммерческой стороне союза уйти на второй план ради неосязаемого духовного откровения.

Я подчёркиваю это здесь потому, что дальнейшие события, в свете истории, и составляют подлинное начало жизни Мухаммеда. Многие его биографы отводят этим сорока годам до «призвания» всего несколько страниц, а некоторые — один-два абзаца. На мой взгляд, однако, именно они объясняют Мухаммеда, раскрывают его личность и составляют самую сущность основателя ислама.

ГЛАВА V

ГОНЕНИЯ

(612-619 годы после Рождества Христова)

Те же авторы, которые изображают Мухаммеда расчётливым самозванцем, высмеивают его видения. На такую насмешку трудно ответить доказательством или опровержением. Можно лишь обратить внимание на следующее.

Почти в каждой главе Ветхого Завета и во многих главах Нового Завета описываются события ничуть не менее необычные, чем те, которые, согласно традиции, произошли на горе Хира. То, что одни рассказы относятся к эпохам, граничащим с легендарными, сути не меняет. Если вообще допускать чудеса и сверхъестественные откровения, они могут происходить с мудрецом и за две тысячи лет до Христа, и через две тысячи лет после.

Следовательно, тот, кто смеётся над Мухаммедом на горе Хира, должен смеяться и над Моисеем на Синае, и над Иисусом на холмах Галилеи; над Жанной д'Арк в Домреми и Бернадеттой Субиру в Пиренеях. Рассказы о Преображении, о голосе архангела Михаила, обращённом к Жанне, и о явлениях Девы Марии в Лурде излагались людьми искренне. То же самое относится к рассказам о Мухаммеде ибн Абдаллахе и ангеле Гаврииле.

Для самой истории ислама не столь существенно, действительно ли Мухаммед встретил Гавриила. Это не важнее споров об эпилепсии или грамотности. По традиции ангел направил Мухаммеда на его путь. По традиции Моисея призвал горящий куст. По традиции Иоанн Креститель и голубь, сошедший с небес, знаменовали начало проповеди Иисуса. Но даже без этих мистических деталей нет оснований думать, что трое стали бы менее ревностными в своих убеждениях.

Моисей, как нам известно, построил свою религию на том, чему научился у своей жены-арабки Сепфоры. В основе этой религии лежало поклонение суровому богу пустыни по имени Яху, жившему в

шатре. Обряды, которых требовал Яху, относились исключительно к кочевым народам аравийских пустынь. Моисей приспособил эти обряды к израильтянам, заменил имя Яху на Иегову и постепенно создал иудейскую веру. Когда он уверился, что исполнился духа Божьего, он, вероятно, уже не мог ясно вспомнить, как в его сознании складывались заповеди.

О начале жизни Иисуса мы знаем очень мало. По всей вероятности, оно во многом напоминало начало жизни Мухаммеда. Иисус был смышлёным мальчиком, быстро учился и, надо полагать, столь же легко находил работу. Как и Мухаммед, он обладал восприимчивым умом, или духом, в котором бессознательно укоренялись идеи. Как и у Мухаммеда, эти идеи долгие годы оставались скрытыми. Ни тот ни другой не осознавал их силы, пока они не явились в виде потрясающих душу откровений. Ни Иисус, ни Мухаммед не могли узнать собственные воспоминания и мысли в их новом обличье. Они искренне чувствовали божественное вдохновение. Вероятно, оно у них и было.

Поэтому спорить о Хире не полезнее, чем спорить о горящем кусте или голубе над Иорданом. Мухаммед рассказывает, во что он верил, и это следует принимать как часть традиции так же, как сорок дней в пустыне и каменные скрижали.

Вначале Мухаммед был крайне осторожен и не хотел, чтобы многие узнали о происшедшем в пещере. Кроме Хадиджи и Вараки, он прямо рассказал только Зайду — да и то, строго говоря, Зайд узнал сам. Будучи приёмным сыном и живя в доме, он слышал разговоры между супругами. Когда понял, что религиозные идеи Мухаммеда близки его собственному христианскому воспитанию, то объявил себя верующим и последователем человека, который когда-то освободил его.

Похожим образом Али однажды застал Мухаммеда и Хадиджу за новой молитвой. Хотя он вырос в политеистической традиции хашимитов, колебаться не стал и сразу встал на сторону двоюродного брата.

Вскоре в тайну посвятили ещё нескольких близких родственников; вместе с ними веру принимали и их рабы. Среди первых

последователей были Саад, племянник Амины, аз-Зубайр, племянник Хадиджи, Тальха, родственник Абу Бакра, Усман ибн Аффан — будущий халиф и внук Абд аль-Мутталиба по материнской линии, а также Абд ар-Рахман, Убайда, Абу Салама и ещё несколько людей, которым предстояло заметно проявить себя в истории ислама.

Осторожность Мухаммеда объяснялась прежде всего позицией людей Каабы — служителей святилища и фактических администраторов города. Если бы они официально выступили против него, продвинуться в Мекке было бы почти невозможно.

Среди самих служителей Каабы существовали соперничающие семейные группы. Одна происходила от предка Мухаммеда Хашима, другая — от другого патриарха того же поколения, Абд Шамса. Власть находилась у хашимитов; потомки Абд Шамса хотели её получить. Если через родственника-хашимита Мухаммеда удастся обвинить хранителей Каабы в ереси или нечестии, это может оказаться политически выгодным.

Главой партии Абд Шамса был Абу Суфьян. Он принадлежал к богатой семье купцов-банкиров, чьё состояние и влияние были давней мекканской традицией. Как хранитель национального знамени, под которым курайшиты выступали на войну, он занимал положение, примерно соответствовавшее главнокомандующему.

Внешность соответствовала роли военного лидера. Абу Суфьян был высоким, стройным, с тонкими, чётко очерченными чертами. Короткая борода была очень чёрной, такие же глаза ярко выделялись под широким светлым лбом. Он нравился женщинам и был женат на красивой, страстной мекканке по имени Хинд. Подобно Хадидже, Хинд была деловой женщиной: много спекулировала и ссужала деньги кочевникам под очень высокий процент.

Абу Суфьян имел весомое слово почти во всех городских делах, и обычно это слово решало спор. Частично по личным причинам, частично из семейного соперничества он испытывал к Мухаммеду сильную неприязнь.

Мухаммед понимал, откуда исходит опасность, поэтому действовал осторожно и медленно. За первые четыре года миссии он привлёк не более сорока обращённых. Помимо родственников и их

домочадцев, это были главным образом неудачливые торговцы и другие недовольные люди.

Новое учение вовсе не предлагало лёгкого решения жизненных проблем. Напротив, ислам требовал жертв и дисциплины. Но он давал людям пустыни нечто более определённое и реальное, чем всё, что они знали раньше. Позднее Мухаммед говорил о первых обращённых:

— Не было человека, которого я призвал бы к вере и который не проявил бы колебания и растерянность, кроме одного Абу Бакра.

Но Абу Бакр принадлежал к тем редким людям, которые твёрдо знают собственные убеждения. Хотя за пределами круга исследователей ислама его имя малоизвестно, почти исключительно благодаря ему дело Мухаммеда продолжилось после смерти его основателя. Абу Бакр был человеком подлинной веры: он буквально принимал мусульманское учение и исполнял всё, что оно предписывало. Мухаммед говорил о нём также, что, если взвесить веру всех людей и веру Абу Бакра, его вера перевесит.

В арабской общине тайны живут недолго. Мухаммед старался переносить собрания из дома одного друга в дом другого, иногда даже в пустыню, но сведения постепенно просачивались. Вскоре встречи верующих начали срывать хулиганы, и дело нередко доходило до кулачных драк.

Одним из самых яростных противников новой группы оказался родной дядя Мухаммеда Абу Лахаб. Его сын Утба был женат на дочери Мухаммеда и Хадиджи Рукайе. Но любое смягчающее влияние родства уравновешивала жена Абу Лахаба Умм Джамиль, сестра Абу Суфьяна. Она постоянно подогревала раздражение мужа против племянника, который, по его мнению, выставлял древнее мекканское имя на посмешище.

Для Мухаммеда эти семейные распри были особенно тяжёлыми. Он всегда ценил единство рода, а теперь из-за того, что считал не зависящим от него, внутри собственной семьи словно начиналась гражданская война. Нервное напряжение усиливалось. Он избегал старых знакомых и надолго уходил на гору Хира. Возможно, надеялся на новое откровение, которое решит мучительные проблемы или хотя бы укажет выход.

Но если он и надеялся на избавление, произошло обратное. Гавриил, по преданию, снова явился и лишь подтвердил приказ выйти к людям и проповедовать. Приказ был недвусмысленным. Мухаммеду оставалось вернуться в Мекку и начать открытое выступление. Это решение я датирую 612 годом, когда Мухаммеду было около сорока двух.

Первым шагом он убедил людей Каабы собраться на возвышенности за городом и выслушать его.

Пришло много народу. Каменистый склон заполнился людьми в белых одеждах, ожидавшими, что скажет их родственник. Разговоров было мало. Солнце, опускаясь в алом и золотом пламени, медленно вытягивало тени по пустыне. Мухаммед стоял чуть выше толпы, будто окружённый последними яркими лучами заката.

Он посмотрел на ожидавших мужчин и женщин и спросил:

— О люди курайшитов! Если бы я сказал вам, что из-за тех холмов на вас идёт войско, поверили бы вы мне?

— Да! — ответили ему. — Мы всегда знали тебя как человека правдивого.

Мухаммед наклонил голову, затем повысил голос:

— Я пришёл к вам как предостерегающий. Если вы не примете моего предупреждения, на вас падёт наказание.

Он оглядел толпу и стал по очереди называть ветви курайшитского рода. При каждом звучном арабском имени люди из названной семьи оживлялись. Затем Мухаммед продолжил:

— Бог повелел мне предупредить вас, мои родственники: ни сейчас, ни в будущем не будет для вас блага, пока вы не признаете, что никто не достоин поклонения, кроме Единого Бога.

Солнце почти исчезло. Вечерний ветер шевелил пустынный кустарник. В остальном стояла тишина. Заявление Мухаммеда ошеломило даже самых невпечатлительных. Арабы тревожно переглядывались, ожидая, кто первым ответит.

Мухаммед снова начал говорить, но уже через несколько слов его перебил Абу Лахаб. Мухаммед попытался продолжить. Перебивания превратились в оскорбления. Когда он всё равно не замолчал, Абу Лахаб стал бросать в него камни.

Лицо Мухаммеда застыло и побледнело. Он был прежде всего человеком — человеком, привыкшим командовать и не воспитанным в идеале «подставить другую щёку». От грубого и фанатичного дяди он вытерпел многое. Теперь терпение кончилось. Спокойствие оставило его, и он проклял дядю и тётку — громко и недвусмысленно. Он пожелал им ада и вечного пребывания в нём, а Умм Джамиль отвёл роль той, кто будет носить топливо для огня, в котором горит её муж.

Позднее эти проклятия получили кораническую форму в суре «Аль-Масад»:

«Да отсохнут руки Абу Лахаба, и сам он да погибнет!
Не поможет ему богатство его и то, что он приобрёл.
Он войдёт в пылающий огонь,
и жена его, носительница дров,
на шее у неё верёвка из пальмовых волокон».

Арабы были суеверны, и проклятия Мухаммеда прозвучали одновременно красочно и конкретно. Абу Лахаб ушёл вместе с Умм Джамиль. За ними последовали остальные курайшиты. Мухаммед остался в темнеющей пустыне с несколькими обращёнными. Поскольку слушателей больше не было, он тоже вернулся домой.

Там его ждала новая неприятность. Утба отверг жену Рукайю и отправил её обратно к Хадидже, плачущую. В итоге это оказалось для Рукайи удачным поворотом: вскоре после развода она вышла за нового мусульманина Усмана ибн Аффана, которому однажды предстояло стать третьим халифом.

Усман сыграет важную роль в становлении ислама, хотя, ему не хватало живописной стремительности других ближайших соратников Мухаммеда. Он был красив, высок, смугл, носил длинную чёрную бороду, но был сдержан и много времени отдавал изучению Корана.

Его принятие новой веры имело важное политическое значение. С одной стороны, он был связан родством с ветвью Абу Суфьяна — Омейядами, с другой — с родом Абд аль-Мутталиба. Позднее он породнился с Мухаммедом ещё теснее, женившись на другой его дочери, Умм Кульсум, которую до этого, подобно её сестре, отверг второй сын Абу Лахаба.

Но пока Усман был просто ещё одним смелым человеком, открыто вставшим на сторону непопулярного дела. Он не мог толком объяснить почему; знал лишь, что Мухаммед, не предъявив ничего кроме собственного слова, убедил его: это путь к спасению.

Сам Мухаммед был разочарован. Однако приказ, который он считал полученным свыше, оставался обязательным. Нужно было действовать. Он решил созвать новое собрание и попытаться удержать внимание упрямых старейшин. На этот раз встреча была частной: он пригласил в свой дом на ужин только влиятельных хашимитов.

Накормив гостей бараниной и напоив молоком, он произнёс короткую речь и конкретнее объяснил, о чём идёт речь. В конце пообещал благословение всем, кто поддержит его сейчас. Никто не заговорил и не зааплодировал. Молчание стало холодным и неловким.

Почти в отчаянии Мухаммед спросил:

— Кто разделит со мной бремя моей миссии? Кто станет моим братом, моим помощником, моим визирем?

Никто не отозвался. Молчание стало ещё тяжелее. Тогда вперёд вышел Али. С вызовом глядя на старших, он сказал, что будет для Мухаммеда всем, чем тот пожелает.

Мухаммед обнял двоюродного брата за плечи:

— Вот мой брат, мой визирь, мой наместник! Пусть все слушают его слова и повинуются ему!

Молчание действительно закончилось — но совсем не так, как ожидалось. Все рассмеялись. Кто-то спросил Абу Талиба, собирается ли он теперь выражать почтение собственному юному сыну. Абу Талиб пожал плечами и ушёл от ответа. Он не одобрял поведения Мухаммеда, но сохранял верность мальчику, которого когда-то растил.

Собрание разошлось мирно, не дав Мухаммеду желаемого результата. Однако один важный итог всё же был: теперь он вышел из тени. Все знали, что у него на уме.

Оставался только один путь, и он пошёл по нему. Без предисловий и оправданий Мухаммед открыто объявил, что он — Посланник, направленный Богом проповедовать Его единство и покончить с идолопоклонством. Тем самым, по моему выражению, курайшитам

была объявлена война — война, которая закончится безоговорочной капитуляцией одной из сторон.

После этого враждебность пришла ещё с одной стороны — от бывших друзей, и с ней было даже труднее. Для них казалось нелепостью, что человек, который всего несколько лет назад был весёлым торговым спутником, приятным деловым человеком и хорошим товарищем, теперь рассказывает им, что происходит на небесах. Они не могли принимать это всерьёз.

Встречи с ангелами, утверждение, что их бывший коллега назначен Богом представителем и должен реформировать религию, пережившую века, казались им чистым абсурдом. Они смеялись дома и на улицах, а при встрече с Мухаммедом — ещё громче. Называли его болтуном, звездочётом, сказочником.

Положение, на мой взгляд, было похожим на то, с чем сталкивался Иисус и вообще любой реформатор в консервативную эпоху, когда традиция воспринималась как закон. В наши дни человек вроде Мухаммеда мог бы найти множество каналов для проповеди: стать проповедником, миссионером-мирянином, основать собственную религиозную общину. Красивый и дружелюбный торговый агент, продающий бритвы или тоник для волос, при внезапном религиозном порыве нашёл бы возможность выговориться; над ним посмеялись бы немногие, многие послушали бы, остальные проявили бы сочувствие. Великой религии он, возможно, не создал бы, но и всерьёз преследовать его за убеждение в собственной миссии никто бы не стал.

Во времена Мухаммеда такой терпимости быть не могло: на карту было поставлено слишком многое.

Во-первых, мекканцы были снобами, особенно в вопросах денег. Мухаммед происходил из хорошего рода, но собственными усилиями не достиг высокого положения в мекканском обществе. Он женился на богатейшей вдове Мекки — что, кстати, популярности ему не прибавило, — но сам так и не поднялся выше профессии торгового представителя. Всю жизнь до брака он был человеком на жалованье и комиссионных. Почему же божество должно избрать именно столь

незначительную фигуру для изменения вековых традиций Священного города?

Если бы новый апостол принадлежал к богатейшей верхушке, был влиятельным членом «клуба», одним из Мутталибов, живших возле Каабы, или хотя бы участвовал в весёлой светской жизни города, к его словам, возможно, отнеслись бы иначе. Но Мухаммед был почти полной противоположностью.

Его отстранённость от пиршеств, вина и чувственных развлечений была одной из причин неприязни. Эти люди боялись, что нападение на их верования разрушит не только культ Каабы, от которого зависело процветание Мекки, но и лишит их приятной чувственной стороны жизни.

Во-вторых, ситуация напоминала конфликт первосвященников с Иисусом шестью веками ранее. Если новое учение начнёт распространяться, престиж Каабы уменьшится, а вместе с ним пострадают курайшиты и их доходы. Торговля будет расстроена, караваны могут прекратить движение, паломничество сократится. Для мекканской верхушки спор о вере был одновременно спором о власти и деньгах.[3]

Никто не считал, что идолопоклонство потерпело неудачу или приходит в упадок. Напротив: боги и богини, эти символы плодородия обоих полов, веками пребывавшие в душной тишине великого святилища, принесли Мекке процветание. Пренебрегать ими ради иного Бога, единственным проповедником которого был, по мнению противников, человек, не умеющий ценить собственное благополучие, казалось мекканцам чистым безумием. Поэтому старые знакомые насмехались; самые шумные срывали собрания непристойными песнями и выкриками, а наиболее злобные бросали камни и избивали участников мусульманских молитвенных собраний.

Иногда собирались более терпимые люди, готовые спорить с Мухаммедом. Обе стороны объясняли, в чем заблуждается другая. Когда доводы никого не убеждали, противники говорили, что,

[3] В оригинале я отмечаю игру слов: имя «Абу Лахаб» буквально связано с «отцом пламени».

возможно, поверили бы, если бы Мухаммед представил ощутимое доказательство своего избрания — например, совершил чудо. Они ссылались на Моисея и Иисуса, которым предание приписывало чудеса, когда обстоятельства того требовали. Но Мухаммед отказывался идти на подобное испытание.

Противники, напротив, требовали от Мухаммеда доказательств чудесного характера миссии. Они настаивали: если он действительно пророк, пусть покажет чудо, заставит мертвых подняться, немых заговорить, а воду — хлынуть из пустынной земли. Но Мухаммед отказывался.

Его неизменный ответ состоял в том, что Бог велел ему проповедовать, а не творить чудеса. Если людям нужно видимое доказательство того, что ему поручена миссия, пусть читают Коран. В нем, говорил он, ежедневно записываются откровения, которые могут исходить только от Бога. Само возникновение Корана — чудо.

Спорщики пожимали плечами. Им хотелось чудес в буквальном смысле. Тогда они предложили: если Коран — чудо, пусть им хотя бы покажут ангела, приносящего откровения.

Мухаммед по-прежнему отказывался от всякого сверхъестественного представления. Он вновь и вновь заявлял, что является только человеком, избранным, как и пророки прошлого, чтобы помочь людям прийти к спасению. Чудес совершать он не умеет.

Эту мысль он повторял всю жизнь и отрицал наличие у себя божественных свойств. Он был человеком и считал себя лишь устами Всевышнего.

Я вижу здесь проявление практичности и искренности, которые впоследствии далеко поведут Мухаммеда. Глупец или сознательный самозванец, вероятно, устроил бы какое-нибудь представление, чтобы поразить противников. Но Мухаммед знал, во что верит, и собирался жить или умереть с этой верой. Он прежде всего оставался честен с самим собой.

Конечно, противники этого не учитывали. Насмешки и физические нападения продолжались и усиливались. Некоторые из

самых ожесточенных врагов позднее станут наиболее фанатичными сторонниками.

Был среди них Амр ибн аль-Ас, сын красивой мекканской проститутки. Все знатные мекканцы были её друзьями, так что отцом Амра мог быть кто угодно, начиная с Абу Суфьяна. С таким же основанием он мог бы называться Амром ибн Аби Лахабом, ибн аль-Аббасом или сыном любого другого представителя курайшитской верхушки. По тогдашним мекканским понятиям происхождение не имело значения. Молодость, красота и остроумие возмещали недостаток родословной. Но особенно дорог курайшитам был его поэтический дар. Такой человек был настоящей находкой для хулителей Мухаммеда.

Мухаммед не был поэтом и не отличался искусством остроумной словесной перепалки; сатирические стихи и песни Амра задевали его. Но позднее именно Амр станет одним из самых выдающихся мусульманских полководцев, поведет войска против византийцев в Сирии и Египте. Я связываю с ним в 639 году идею прорыть канал в районе Суэца; он же захватит Александрию и разобьет лагерь на месте будущего Каира.

Позднее Мухаммед назовет его «одним из самых истинных мусульман, твердым в вере». Но пока Амр посвящал талант тому, чтобы превращать ислам в предмет насмешек.

Многим было мало насмешек — они хотели смерти Мухаммеда. Несмотря на преследования, обращенные не отступали, и почти каждую неделю появлялись новые сторонники. Пока это продолжалось, авторитет Каабы оставался под угрозой.

Некоторые умеренные противники предупредили Абу Талиба о том, что готовится. Дядя по-прежнему не одобрял идеи племянника и вызванные ими беспорядки, но любил его. Он пришел к Мухаммеду и умолял отступить, пока еще есть время.

Мухаммед поблагодарил дядю и почтительно ответил, что ничьи слова не заставят его свернуть с выбранного пути. Абу Талиб был впечатлен. Он взял племянника за руку и пообещал: сам никогда не примет новую религию, но будет защищать Мухаммеда настолько, насколько сможет, и не встанет на сторону врагов.

Эта поддержка придала Мухаммеду уверенности, но угроза со стороны руководителей Мекки не исчезла. Связь с Мухаммедом теперь означала риск быть убитым. Особенно это касалось Рукайи и ее мужа Усмана.

Поэтому в 615 году Мухаммед собрал примерно сто обращенных и отправил их во главе с Усманом в Абиссинию. Абиссинцы были христианами-несторианами и относились терпимо к другим вероисповеданиям. Так за пределами Мекки возникла небольшая группа мужчин и женщин, на которую можно было опереться и к которой можно было бежать, если положение станет безнадежным.

Отправив их в безопасное место, Мухаммед снова повернулся к буре лицом. Самым яростным противником теперь был фанатик по имени Абу Джахль — что означает «отец невежества».

Мать Абу Джахля, еще одна деятельная мекканская женщина, вела прибыльную торговлю благовониями. Поэтому она особенно резко реагировала на реформатора, который хотел изменить ту сторону городской жизни, от которой зависел ее бизнес.

Сам Абу Джахль был невысоким, квадратным, крепким и некрасивым человеком. В отличие от большинства мекканцев у него были ярко-рыжие волосы и рыжеватая борода. Арабам его внешность напоминала дьявола. Он хотел буквально головы Мухаммеда. Встречая его, он нередко нападал вместе с группой людей и избивал.

Однажды побои оказались особенно жестокими. Мухаммед мрачно повернулся к нападавшим и почти не повышая голоса сказал:

— Мужи курайшитов, я непременно отплачу вам за это с процентами.

После этого он ушел. Никто не последовал за ним. Спокойные слова прозвучали с такой уверенностью, словно он видел будущее. Если бы нападавшие действительно могли его увидеть тревога была бы еще сильнее. Ближайшее последствие нападения уже приближалось.

Хамза, еще один дядя Мухаммеда, до того времени не испытывал особых чувств по поводу религиозной деятельности племянника. Он был примерно его ровесником и приходился ему родственником сразу по нескольким линиям. Его отец Абд аль-Мутталиб в старости

женился на родственнице матери Мухаммеда. Оба брака состоялись почти одновременно. Мальчики в младенчестве даже имели одну кормилицу до того, как были отправлены к бедуинским приемным матерям. Несмотря на разницу характеров и внешности, они оставались друзьями.

Хамза был прежде всего воином огромной физической силы. Высокий, бородатый, с огненными глазами, он не был человеком, с которым разумно затевать ссору. Он не собирался становиться сторонником племянника, но уважал мужество, с которым тот переносил преследования.

Узнав о нападении Абу Джахля, Хамза пришел в ярость и отправился его искать. Он нашел его перед Каабой, где тот хвастался перед группой курайшитов тем, что сделал. Это окончательно вывело Хамзу из себя. В руке у него был незатянутый лук. Этим луком он ударил Абу Джахля по голове так, что тот упал на вымощенный двор.

Другие курайшиты двинулись защищать Абу Джахля, но Хамза остановил их жестом и, сверкая глазами, воскликнул:

— И я тоже не верю в ваших каменных богов!

Произнеся это, он на мгновение замер. Слова, сказанные в гневе, внезапно открыли ему собственное настоящее чувство. Он развернулся, оставил мрачных курайшитов и отправился к племяннику, чтобы объявить себя обращенным.

Для Мухаммеда это обращение имело огромное значение. Теперь рядом оказался дядя — человек несомненного характера и легендарной храбрости. Его переход придавал делу больше престижа, чем сотня обычных обращений, но одновременно усиливал враждебность руководителей Каабы.

Когда Хамза исчез из виду, Абу Джахль и его спутники поняли, что вышли из столкновения не лучшим образом. Избиение Мухаммеда было уравновешено избиением Абу Джахля, а обращение Хамзы серьезно ослабило попытки уничтожить движение. Нужно было срочно что-то предпринять, пока мусульмане не воспользовались успехом.

У Абу Джахля был племянник Омар ибн аль-Хаттаб. Он был огромного роста — говорили, что даже сидя выглядел выше стоящих

людей. Лицо было смуглым, часть его скрывала черная вьющаяся борода. Он одинаково хорошо владел обеими руками, а сила соответствовала росту. Характер был суровым, и мало кто решался ему перечить.

Омар был строг в нравах и не участвовал в ночных развлечениях Мекки, но выступал против любых попыток менять традицию. Абу Джахль использовал это и так настроил племянника против Мухаммеда, что тот поклялся его уничтожить. Пообещав принести голову возмутителя спокойствия, Омар отправился на поиски. Курайшиты стали ждать результата: когда Омар решал избавиться от человека, он обычно не терял времени.

По дороге к дому, где Мухаммед и последователи регулярно собирались, Омар встретил другого курайшита, который недавно тайно принял ислам. Омар об этом не знал и с удовлетворением рассказал, куда направляется. Собеседник, пытаясь задержать его, сообщил, что прежде чем убивать Мухаммеда, Омару стоило бы разобраться с собственной семьей: его сестра Амина и ее муж Саид уже приняли новую веру.

Омар немедленно изменил направление и ворвался в дом сестры. Там он услышал чтение священного текста. В ярости бросился на Саида и повалил его. Амина попыталась вмешаться, и брат ударил ее так, что она отлетела, разбив губу. Но она не испугалась. Холодно взглянув на Омара, сказала:

— Несмотря на тебя и твою жестокость, я останусь в истинной вере. Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — Его Посланник!

Омар удивленно посмотрел на сестру. В ее голосе было что-то мужественное и сильное. Он отпустил Саида и попросил показать текст, который читала Амина. Неохотно она передала ему свиток.

Омар начал читать:

«Во имя милостивейшего Бога! Мы ниспослали Коран не для того, чтобы причинить людям страдание, но как напоминание, чтобы научить их верить в истинного Бога, создателя земли и высоких небес».

Омар сел и продолжил чтение. Через некоторое время вложил меч в ножны и так же внезапно покинул дом сестры, как пришел. Быстро направился к первоначальной цели.

Мухаммеда уже предупредили о намерении родственника Абу Джахля. Он ждал вместе с несколькими обращенными, среди которых был Хамза. Все ожидали, что Омар ворвется внутрь, но тот постучал. Мухаммед велел впустить его и, когда огромная фигура заполнила дверной проем, спросил, чего он хочет.

Омар серьезно ответил:

— Я пришел присоединиться к верующим в Бога и Его Посланника.

Остальные едва сдержали возгласы изумления. Мухаммед внешне не проявил эмоций. После нескольких коротких вопросов он предложил Омару произнести исповедание веры.

Обращение Омара имело колоссальное и немедленное значение для мусульманского дела и глубоко повлияло на последующую историю ислама. После смерти Мухаммеда он станет вторым халифом, вслед за Абу Бакром. Он первым примет титул «Амир аль-Муминин» — «Повелитель верующих», сохранявшийся веками. При его правлении укрепятся основы огромной державы арабских завоеваний. В его честь связывали знаменитую мечеть Омара в Иерусалиме.

В летописях ислама Омар уступает по значению лишь самому Мухаммеду. Ему недоставало юмора Посланника и терпимости Абу Бакра, но он обладал фанатическим воодушевлением, которым заражал подчинённых, посылая их завоёвывать мир.

Когда Омар произнес: «И Мухаммед — Его Посланник», наступил момент напряженного восторга. Такой подарок судьбы не ожидали даже оптимисты. Им нужно было немедленно воспользоваться.

Сам Омар был первым, кто это предложил. Едва Мухаммед принял его исповедание, Омар заявил, что обращение следует сделать публичным у Каабы. Никто не возразил. Сформировалось шествие. Те самые ученики, которые только что собрались защищать Мухаммеда от Омара, теперь шли за человеком, намеревавшимся его убить.

Справа и слева от Омара шли Мухаммед и Абу Бакр, сразу за ними — Хамза.

Абу Джахль и его сторонники были ошеломлены. Они уверенно ждали, что Омар принесет им окровавленную голову Мухаммеда. Вместо этого увидели своего чемпиона почти под руку с врагом и вдобавок совершающим презираемый мусульманский обряд. Сделать ничего не могли: люди, дорожившие жизнью, не затевали ссор с Омаром, особенно когда за ним стоял Хамза.

На следующий день Омар один пришел к Каабе молиться по-новому, и снова никто не решился ни сказать слова, ни поднять руку.

С точки зрения курайшитов это было ошибкой. Убийство Омара вызвало бы кровную вражду, но лишило бы Мухаммеда силы, которая впоследствии помогла разрушить идолопоклоннический порядок Мекки. Позднее Мухаммед говорил:

— Если бы сам дьявол встретил Омара на улице, он свернул бы в боковой переулок.

Пока же именно курайшиты старались уходить в переулки, заметив приближающегося Омара.

Но молчание и не вынутые из ножен мечи не означали дружелюбия. Ненависть усиливалась, и к ней добавилось новое обвинение.

Произошло второе переселение обращенных в Абиссинию, и по Мекке пошел слух, что Мухаммед готовит абиссинское вторжение. К прежним обвинениям прибавили измену. Теперь его смерть требовали независимо от последствий.

Чтобы добиться этого, Абу Суфьян издал указ об изгнании и бойкоте хашимитов до тех пор, пока они не выдадут родственника на казнь. Положение становилось опасным, но Абу Талиб пришел на помощь. За пределами Мекки у него было нечто вроде семейной крепости. Туда он переселил Мухаммеда и его сторонников.

Некоторое время они жили там в тяжелых условиях. Курайшиты пытались уморить их голодом, и пищу с водой приносили лишь немногие верные друзья, оставшиеся в Мекке. Но, как часто бывает с преследуемыми, мужество и решимость доказать свою правоту только усиливались.

Со временем возник тупик. Затем бойкот начал вызывать раздоры среди самих мекканских группировок. Постепенно общественное мнение стало меняться против Абу Суфьяна. Абиссинского вторжения не произошло. Мухаммед и его сторонники не сдавались, а распря среди хранителей Каабы создавала все больше неудобств.

Абу Суфьян понял, что придется пойти на компромисс. Удобным предлогом стало то, что белые муравьи уничтожили текст указа против хашимитов. Раз документ исчез, Мухаммеду и его осажденной группе разрешили вернуться домой.

Возвращение стало сигналом для новых обращений, которые руководители Каабы сочли разумнее пока игнорировать. Это не был мир — лишь перемирие, пока противники решали, что делать дальше. Мухаммед также ждал и наблюдал. За восемь лет он пережил многое и был уверен в своем пути сильнее прежнего.

Но хотя теперь ему не приходилось красться по улицам Мекки, ожидая нападения за каждым углом, впереди были более личные удары. Казалось, все испытывает его дух.

Вскоре после возвращения Хадиджа заболела. Преследования и лишения, к которым она не была привычна, истощили ее. Через короткое время она умирала. Три дня тяжелой болезни Мухаммед не отходил от нее. Когда сознание начинало угасать, он обещал, что в раю она будет среди самых почитаемых женщин.

Веря мужу до конца и любя его так же, как в первый день, когда увидела, Хадиджа умерла у него на руках. Это произошло в декабре 619 года. Ей было около шестидесяти пяти лет, Мухаммеду — чуть меньше пятидесяти.

Он еще не успел осознать потерю, как последовал другой удар: умер Абу Талиб. Мухаммед был рядом до конца и пытался убедить восьмидесятилетнего дядю произнести исповедание новой веры. Но старик не уступил. Его нравственная и физическая поддержка племянника в годы преследований исходила из любви и чувства долга, а не из согласия с религиозными идеями. Он никогда не одобрял попытку племянника создать революционное учение и умер в древней вере идолопоклоннических курайшитов.

Две смерти почти поколебали уверенность Мухаммеда. Казалось невозможным, чтобы человеку, которому предназначен успех, приходилось преодолевать столько препятствий. Против него был мир, и теперь он потерял самых дорогих друзей — их любовь, моральную поддержку и, что особенно важно для дела, их защиту.

Пока был жив Абу Талиб, многие не решались открыто выступать против его племянника. По формальным причинам семья Хадиджи также избегала нападать на своего родственника по браку. Теперь сдерживающие обстоятельства исчезли. Мухаммед остался с небольшой группой обращенных.

Кроме того, почти не осталось денег. За годы преследований предприятие Хадиджи продолжало слабеть. Мухаммед был слишком занят миссией, чтобы следить за делами, а Хадиджа не говорила ему всей правды. Они жили на ее сбережения. Лишь после смерти жены он понял, что практически обеднел.

То, что он не отказался от миссии теперь, я считаю еще одним доказательством его безразличия к материальной выгоде. Ему было бы легко и прибыльно прийти к курайшитам и признать ошибку. Гордый клан снова принял бы его. Он вернулся бы в торговлю, возможно, получил бы должность хранителя Каабы, ему нашли бы богатую невесту с большим приданым.

Однажды он поколебался настолько, что допустил возможность признать Аль-Уззу, Аллат и Манат наряду с Аллахом, но быстро отказался от этой уступки. Он понял, что в начатом деле компромисс невозможен и легкого выхода нет. Раз уж он вступил на этот путь, он пойдет до конца, каким бы тяжелым он ни оказался.

Рядом оставались немногие верные друзья — Абу Бакр, Омар, Хамза, Зайд и Али. Вместе с ними Мухаммед вновь подтвердил намерение доказать, что нет Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — Его Посланник.

ГЛАВА VI

ВЕРА

Если рассматривать историю ислама лишь как историю завоеваний, трудно понять, почему эта религия распространилась так широко и так прочно укоренилась. Одних побед оружием для этого было бы недостаточно. Ислам давал людям ясную, простую и цельную систему веры, понятную не только ученому или богослову, но и простому пастуху, торговцу или воину.

Само слово «ислам» означает подчинение, предание себя воле Бога. Оно связано с арабским корнем, выражающим идею мира и безопасности. Мусульманин — это тот, кто предает себя воле Бога. Поэтому выражения «магометанин» и «магометанство», столь привычные на Западе, неверны по существу. Мухаммед никогда не утверждал, что является божеством или что люди должны поклоняться ему. Он был посланником.

Основой его учения была вера в единого Бога и признание прежних пророков. В Коране говорится о вере в Бога, в то, что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и коленам Израилевым, а также в то, что было дано Моисею и Иисусу. Между посланниками Бога, по мысли Мухаммеда, не следовало проводить такого различия, которое превращало бы одного из них в божество.

О себе он говорил совершенно определенно: он человек, подобный другим людям, только ему открыто, что Бог — один. Именно монотеизм был стержнем новой веры.

«Скажи: Он — Аллах, единый; Аллах вечный. Он не родил и не был рожден, и нет никого, равного Ему».

Для Мухаммеда не существовало большего греха, чем приписывать Богу сотоварищей. Бог не был одним из множества высших существ и не нуждался ни в семье, ни в посредниках. «Нет Бога, кроме Него» — эта формула становилась все более отчетливым выражением того, что он проповедовал.

Сам Мухаммед был Расул Аллах — Посланник Бога. Представление об Аллахе, конечно, существовало у арабов и раньше. Само слово не было новым. Но Мухаммед постепенно очистил это

представление от множества племенных и языческих наслоений и сделал единого Бога центром всей религиозной жизни.

Для араба пустыни Бог был гораздо ближе к повседневности, чем для многих городских людей других стран. Когда человек зависел от дождя, от колодца, от здоровья верблюда, от ветра и песчаной бури, ему нетрудно было ощущать присутствие высшей силы во всем окружающем.

Иногда утверждали, будто Мухаммед просто заимствовал Библию. Но такого объяснения недостаточно. Арабского текста Библии, которым он мог бы систематически пользоваться, у него не было. Он, несомненно, слышал библейские истории от христиан и иудеев. На него могли повлиять Бахира, Варака и другие люди, с которыми он разговаривал. Но его учение выросло из этих впечатлений так же естественно, как всякая новая религиозная система вырастает из уже существующих идей и из среды своего времени.

Мухаммед не считал, что пришел уничтожить иудаизм и христианство. Напротив, он видел себя продолжателем той же линии откровения. В первые годы отношение мусульман к иудеям было особенно близким. Мусульмане даже обращались во время молитвы в сторону Иерусалима. Иисуса Мухаммед признавал Мессией и великим пророком. Его формула в отношении людей Писания была проста: их Бог и его Бог — один.

С христианством отношения были сложнее. Мухаммед глубоко почитал Иисуса, но не принимал Троицу, воплощение Бога в человеке и поклонение изображениям. Он не мог согласиться с мыслью, что у Бога есть сын в буквальном смысле. В его представлении это нарушало абсолютное единство Божества.

Он также отвергал привычное христианское толкование распятия. В Коране говорится, что людям лишь показалось, будто они распяли Иисуса. При этом сам Иисус оставался для Мухаммеда одной из величайших фигур священной истории.

Христианство, каким его видел Мухаммед в Аравии и соседних землях, было разделено на множество враждовавших между собой течений. Сабеллиане, ариане, несториане, евтихиане и другие спорили о природе Христа и о взаимоотношении лиц Божества. Существовали группы, придававшие особое значение Деве Марии. Для человека,

стремившегося к простой и прямой вере в единого Бога, эти споры должны были казаться запутанными.

И все же отношение Мухаммеда к Христу было исполнено уважения. Он признавал чудеса Иисуса, его рождение от Девы и его особое место среди пророков. Он верил и в его возвращение перед концом мира. Таким образом, ислам вобрал в себя многое из религиозного наследия Аравии, иудаизма и христианства, но придал всему этому собственную форму.

Мухаммед не уничтожил все арабские обычаи. Кааба сохранилась, но идолы были из нее удалены. Паломничество сохранилось, но приобрело новый смысл. Некоторые социальные обычаи также были не отменены, а ограничены и упорядочены.

Так было, например, с многоженством. Часто ислам критиковали именно за него, будто Мухаммед изобрел этот обычай. На самом деле многоженство существовало задолго до ислама. Мухаммед не ввел его, а поставил ему пределы. Было бы столь же несправедливо считать ислам источником многоженства, как христианство — источником рабства, которое веками существовало в христианских странах.

То же относится к обрезанию. Оно не было установлено Мухаммедом и имело гораздо более древнее происхождение.

Одной из наиболее характерных особенностей ислама стало отсутствие священнической касты. Между верующим и Богом не требовался обязательный посредник. Мечеть была местом общей молитвы, но человек мог молиться и вне ее. Имам руководил молитвой, однако не становился священником в христианском смысле. Пятница была днем особой общей молитвы, но не превращалась в день полного прекращения всякой деятельности.

Араб обращался к Аллаху непосредственно. Для Мухаммеда религия должна была быть такой, чтобы обычный человек мог исполнять ее требования и одновременно продолжать нормальную жизнь. Он не считал обязательное безбрачие естественным условием святости. Человек мог быть примерным мусульманином, иметь семью, заниматься торговлей, пасти стада или воевать.

Мухаммед видел опасность в чрезмерном усложнении религиозной организации. Разделение христиан на враждующие секты было для него наглядным предупреждением. В пустыне сложная церковная система вообще была бы непрактична. Кочевник

мог неделями не видеть города и мечети, но это не мешало ему совершать молитвы в установленное время там, где он находился.

Влияние пустыни заметно во многих предписаниях ислама. Они рождались в конкретных условиях жизни. Запрет на свинину был понятен в жарком климате и в хозяйстве, где свинья почти не имела практической ценности. Запрет алкоголя имел особое значение в стране, где из фиников изготовляли крепкие напитки. Ислам превратил употребление алкоголя из обычая в религиозно осуждаемое действие.

Даже такие детали, как снятие обуви перед молитвой, а не головного убора, объяснялись бытом Востока. Обувь несла на себе пыль и грязь улицы и пустыни; покрытая голова, напротив, была обычной защитой от солнца.

Особенно важным стало обязательство помогать бедным. В условиях кочевой и полуоседлой жизни было трудно создать сложную систему налогов и социальной помощи. Поэтому милостыня стала религиозной обязанностью. Она была не только добровольной добродетелью, но и частью общественного закона. Богатство, по мысли Мухаммеда, налагало обязанность по отношению к тем, кто нуждался.

Ислам — единственная организация, в которой соблюдается коммунизм в истинном смысле этого слова. Он учит, что всё в мире является общей собственностью всех. Поэтому ничто не может полностью принадлежать отдельному человеку. Ислам объявляет долю бедных в богатстве состоятельных людей их правом. В тринадцатой суре Корана сказано:

«Отдавай родственнику, бедняку и путнику причитающуюся им долю твоего богатства».

Этот демократический дух был перенесён во все части света, куда проник ислам, и распространён не только на отдельных людей, но и на народы. Иными словами, ислам не признаёт империализма. Он не видит причин, по которым народы, считающие себя культурно выше других и располагающие необходимой материальной силой, должны подчинять себе прочие народы под предлогом улучшения их жизни. Куда бы ни приходили мусульманские армии в столетия после смерти Мухаммеда, они не обращали побеждённых в вассалов и не использовали их природные богатства исключительно ради

собственной выгоды. Они никогда не следовали принципу белого человека — спасать некультурные народы лишь там, где такое великодушие щедро вознаграждается. Напротив, мусульмане ничего не знали о мире, по которому распространялись, и о том, что он может им дать. Разумеется, они пользовались всем найденным, но всегда совместно с местными жителями. Те по большей части принимали ислам и уже в силу этого становились братьями и союзниками. Доказательством этих дружественных отношений служит то, что, за исключением Испании, все страны, куда мусульмане проникли между VII и XIV веками, остались верны исламу и считают Мекку центром своей цивилизации.

Часто ислам обвиняли и в фатализме. Действительно, в Коране много говорится о судьбе, о том, что жизнь человека находится во власти Бога. Но Мухаммед одновременно возлагал на человека ответственность за его поступки. Человек не освобождался от выбора лишь потому, что Бог всеведущ. Смысл учения был не в бездействии, а в доверии Богу после того, как человек сделал все, что от него зависит.

Фатализм существовал у арабов задолго до ислама. Жизнь в пустыне, где песчаная буря, болезнь, гибель животного или внезапное нападение могли в один миг разрушить все планы, сама приучала людей принимать неизбежное.

Представление о рае тоже часто изображали карикатурно, будто ислам обещал лишь бесконечное чувственное наслаждение. В действительности картины рая были прежде всего противоположностью земным тяготам араба. Там были зеленые сады и реки, прохлада вместо зноя, пища без голода и болезни, вино без опьянения и страдания.

В Коране говорится о ложах, садах и прекрасных спутницах. Позднее традиция подробно разработала образ гурий и даже определяла их число. Но женщины, согласно мусульманскому учению, тоже обладали душой и также входили в рай. Что именно ожидало их там, богословские описания обычно оставляли менее определенным.

Мухаммед отличался большой учтивостью в обращении с женщинами. Одно из его высказываний, должно быть, побило все

рекорды тактичности и вежливости. Пожилой женщине, спросившей, как ей попасть в рай, он ответил:

— Старые женщины в рай не входят. Когда вы окажетесь в раю, вы будете молоды!

Коран описывает два сада с ветвями, источниками, плодами и покоем. Даже животные в народной традиции иногда получали место в представлениях о воскресении; у бедуинов существовали обычаи, связанные с надеждой встретить после смерти любимого верблюда.

Такие образы были понятны людям, для которых земная жизнь часто означала голод, жажду, жару и бесконечные переходы. Рай должен был представляться им прежде всего местом отсутствия этих лишений.

Подобные картины загробного мира встречаются почти у всех народов. Индейцы представляли счастливые охотничьи земли, северяне — Валгаллу, христиане — небесное блаженство в формах, соответствовавших их собственной духовной традиции. Неудивительно, что арабы VII века также представляли вечное счастье через знакомые им желания.

Большинство христиан не сознаёт, что многие из этих картин так называемого чувственного рая пришли от христианина! Его звали святой Ефрем; он жил в Сирии в IV веке после Рождества Христова. В его гимнах о рае есть все обещания Мухаммеда, включая прекрасных женщин, которые, как он добавляет, вознаградят праведников за земное целомудрие. Вот отрывок из этих гимнов:

«Я видел обители праведников и их самих, умащённых благовониями, источающих приятные ароматы, увенчанных цветами и украшенных плодами… Кто воздерживался на земле от вина, по тому томятся райские виноградные лозы… А если человек жил целомудренно, женщины принимают его в чистые объятия, ибо он был монахом и не пал в объятия и на ложе земной любви».

(«Гимны святого Ефрема», том III, с. 563.)

Ад, напротив, был выражением всего того, чего человек пустыни боялся: палящего ветра, невыносимого жара, жажды, огня и отсутствия спасительной тени. Коранические предупреждения об огне особенно суровы по отношению к тем, кто отвергает пророков и сознательно противится Богу.

Однако мусульманский ад не обязательно понимался как вечный для каждого грешника. В поздней традиции он мог быть местом очищения. Мусульманин, отбыв наказание за свои проступки, в конце концов мог быть допущен в рай. Существовали даже рассказы о том, что однажды ворота ада захлопнутся, потому что в нем никого не останется.

В этом отношении исламское представление о воздаянии, по моему мнению, имеет сходство с различными христианскими представлениями об очищении и спасении, хотя пути к нему объясняются иначе.

Основные предметы мусульманской веры можно свести к нескольким положениям.

Первое — вера в единого Бога.

Второе — вера в ангелов. Среди них особенно важны Гавриил, принесший откровение; Азраил, ангел смерти; Исрафил, которому предстоит трубить в день воскресения; и Михаил. Народная традиция говорила также о двух ангелах, которые после смерти испытывают человека в могиле, задавая ему вопросы о вере и о направлении молитвы.

Третье — вера в священные книги. К ним относились Пятикнижие Моисея, Псалмы, Евангелие и Коран. В представлении Мухаммеда все они исходили первоначально от Бога, хотя окончательное и наиболее ясное откровение было дано в Коране.

Четвертое — вера в пророков. Традиция называла огромное их число, а Коран упоминал поименно около двух десятков. Особое место занимали Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммед. Иисус признавался безгрешным, рожденным Девой, наделенным чудесной силой и предназначенным вновь явиться перед концом мира.

Пятое — вера в воскресение и последний суд. Мертвые должны были воскреснуть телесно. Именно эта мысль казалась многим языческим арабам особенно невероятной. Они спрашивали, как могут вновь ожить истлевшие кости. Ответ был прост: Бог, создавший человека однажды, способен создать его снова.

Заступничество за того, кто сознательно умер неверующим, не могло отменить приговор. Но мусульманин, даже наказанный за грехи, сохранял надежду на окончательное спасение.

Шестое — вера в предопределение, в то, что добро и зло находятся в пределах Божьего знания и власти. Это, однако, не снимало личной ответственности.

Наряду с верой существовали пять основных обязанностей.

Первая — произнесение свидетельства веры: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — Посланник Аллаха». Искреннее произнесение этой формулы означало вступление в ислам.

Вторая — молитва пять раз в день. Мухаммед сравнивал регулярную молитву с рекой, в которой человек пять раз в день смывает с себя грязь. Перед молитвой совершалось омовение; если воды не было, допускалось символическое очищение песком или чистой землей. Молитва состояла преимущественно не из просьб, а из прославления Бога, благодарности и просьбы о прощении.

Третья — пост в месяц Рамадан. От рассвета до заката нельзя было есть и пить. Начало дневного поста определялось наступлением света, когда можно было различить белую нить и черную. После захода солнца запрет прекращался до следующего рассвета.

Поскольку мусульманский календарь лунный, Рамадан постепенно проходит через все времена года. В одном поколении человеку приходится поститься и в короткие зимние дни, и в длинные летние. Пост служил дисциплиной и одновременно социальным уравнителем: богатый на собственном опыте узнавал, что такое голод и жажда.

Четвертая обязанность — паломничество в Мекку хотя бы раз в жизни, если человек физически и материально способен его совершить. Тот, у кого не было средств или здоровья, освобождался от этого требования.

Пятая — милостыня, то есть установленная помощь общине и нуждающимся, а сверх нее — добровольная благотворительность.

Так сложилась религия, особенно приспособленная к жизни сурового народа пастухов, торговцев и воинов. Ее Бог был близок и понятен, обязанности — конкретны, а религиозная жизнь не требовала ухода из мира.

Христианину ислам мог казаться менее мистическим и менее устремленным к отказу от земного. Но именно эта практичность, на мой взгляд, была одной из причин его силы.

Ислам нельзя назвать легкой религией. Месячный пост, пять ежедневных молитв, омовения, паломничество, регулярная милостыня и строгая дисциплина требовали постоянного усилия. Он не поощрял праздность и не обещал земных наград за одну только принадлежность к вере. Даже военная добыча доставалась лишь тем, кто подвергал себя опасности в бою.

Утверждали, что ислам менее увлекателен, чем другие религии. Возможно, это так. Ислам состоит из идей, существовавших прежде; и будь в нём только это, он был бы столь же неинтересен, сколь неоригинален. Но нельзя и не следует забывать об одном — о самом Мухаммеде. Именно он создал ислам, дал ему движущую силу, благодаря которой тот рос и процветал на протяжении тринадцати столетий с того дня, когда впервые был предложен арабам. Мухаммед — это ислам в гораздо большей степени, чем Моисей — иудаизм, а Иисус — христианство. История этой религии была бы ничем без истории её основателя.

ГЛАВА VII

СЕМЬ НЕБЕС

(620 год после Рождества Христова)

Настоящая общественная жизнь Мухаммеда началась поздно. Ему было около пятидесяти лет, когда события, которые сделали его одной из самых известных фигур истории, стали следовать одно за другим. Большая часть того, что люди запомнили о нем, относится к последним десяти-двенадцати годам его жизни.

И все же первые пятьдесят лет были необходимы для понимания последующих. Они объясняют его характер, привычки и способы действия. О детстве и юности многих великих религиозных деятелей известно гораздо меньше. О первых десятилетиях жизни Иисуса сохранилось лишь несколько эпизодов; ранние годы Моисея, Иоанна Крестителя и Павла также во многом скрыты от нас.

Вскоре после смерти Хадиджи Мухаммед неожиданно оказался помолвлен сразу с двумя женщинами. Ни один из этих союзов первоначально не был романтическим.

Невестой-ребёнком была Аиша, дочь Абу Бакра — близкого друга Мухаммеда и первого обращённого. Мысль об этом браке принадлежала не Мухаммеду. Он слишком тяжело переживал смерть Хадиджи и был слишком измучен преследованиями, чтобы думать о женщинах и домашнем очаге. Предложение исходило от его тётки Хаулы бинт Хаким, сестры Амины. Она указала, что пока брак с Аишей можно считать лишь обручением, зато он обеспечит вхождение дочери самого преданного последователя Мухаммеда в его семью. К тому же, добавила она, Аиша обещала вырасти красавицей. Мухаммед согласился, и брак был заключён. Хотя супружеские отношения начались лишь через несколько лет, этот странный союз стареющего проповедника и маленькой девочки имел для ислама далеко идущие последствия, причём не всегда благоприятные. Аиша намного пережила мужа и стала первой из тех, чьи интриги столкнули мусульман с мусульманами.

Я упоминаю об этом здесь потому, что некоторые биографы осуждают Мухаммеда за этот брак. Не только сама мысль о нём первоначально принадлежала не Мухаммеду, но и речи никогда не шло о принудительной, продиктованной похотью связи старика с девочкой. С того дня, как Аиша переступила порог дома Мухаммеда, она заставила считаться с собой. Порой она доставляла Мухаммеду не меньше хлопот, чем впоследствии его преемникам. Если какая-либо женщина и была госпожой во всех смыслах этого слова, то это была Аиша бинт Аби Бакр.

Второй женщиной была Сауда, немолодая вдова, одна из ранних последовательниц ислама. Ее муж умер после эмиграции, и она осталась без надежной защиты. Та же Хаула предложила Мухаммеду жениться на ней. Сауда могла вести домашнее хозяйство, которое после смерти Хадиджи оказалось в беспорядке. Этот союз был скорее практическим, чем любовным. Позже Мухаммед даже намеревался развестись с ней, но она просила оставить ее в семье и отказалась от части своих супружеских прав. Умерла она тихо и почти незаметно.

Тем временем преследования не прекращались. Абу Суфьян и Абу Джахль по-прежнему хотели избавиться от Мухаммеда. Лишившись защиты Хадиджи и Абу Талиба, он оказался в особенно трудном положении.

Он решил вновь уйти из Мекки. Вместе с Зайдом он отправился в область племени Хавазин, к городу Ат-Таиф. Это был зеленый и приятный оазис, резко отличавшийся от сухой Мекки. Но жители почти ничего не знали о его проповеди и не проявили интереса. Они почитали богиню Аллат и не желали отказываться от своих верований.

Мухаммед пытался говорить с ними, но его встретили насмешками. Толпа забрасывала его камнями и вытеснила за пределы города. Он был ранен, унижен и вынужден искать укрытия.

Зайд вернулся в Мекку и добился для него защиты одного из влиятельных жителей, Мутима ибн Ади. Когда Зайд снова нашел Мухаммеда, тот, по рассказу самого Мухаммеда, лежал почти без сознания от жары и пережитого потрясения. Он говорил о двух джиннах, которые явились ему. Зайд тайно доставил его обратно.

К этому периоду традиция относит одно из самых знаменитых событий в жизни Мухаммеда — Ночное путешествие и Вознесение. Я перескажу эту историю так, как услышал её много лет спустя от моего арабского друга и рассказчика каида Мадани, с которым жил в Сахаре.[4]

Ночь была необычайно тихой. Пустыня лежала неподвижно под звездами. Мухаммед спал, когда к нему явился Гавриил. Ангел сиял светом, а рядом с ним стояло странное верховое животное — Бурак, белое, крылатое и быстрое, как молния.

Мухаммед сел на Бурака, и тот понес его через ночь. Для арабского слушателя в этом не было ничего нелепого: пустынная традиция была полна рассказов о джиннах, волшебных конях и путешествиях, совершаемых быстрее ветра.

Первой остановкой была гора Синай. Там Мухаммед помолился на месте, где Моисей, согласно преданию, получил скрижали Закона. Затем Бурак снова поднялся в воздух.

Следующей остановкой стал Вифлеем. Мухаммед сошел и помолился там, где родился Иисус.

По пути его пытались остановить три прекрасные женщины. Одна олицетворяла иудаизм, другая — христианство, третья — мир со всеми его соблазнами и тщеславием. Мухаммед не задержался ни у одной. Ему объяснили, что если бы он остановился у первой, его народ стал бы иудеями; если бы у второй — христианами; если бы у третьей — предпочел бы мирские удовольствия вере.

Наконец он прибыл в Иерусалим. Бурака привязали у храма. Там Мухаммед встретил Авраама, Моисея и Иисуса. Они вместе молились и беседовали.

Затем перед ним появилась лестница, поднимавшаяся от камня Иакова к небу. Мухаммед начал восхождение вместе с Гавриилом.

Они достигли первых врат рая. Первое небо было, по рассказу, сделано из чистого серебра. Звезды висели на золотых цепях. Навстречу новому гостю, прихрамывая, двинулся старик...

---

[4] Автор отсылает к своей книге «Wind in the Sahara» («Ветер в Сахаре»).

Продолжая рассказ о семи небесах, Гавриил представил Мухаммеду старца как его праотца Адама. Адам заключил Мухаммеда в объятия, приветствовал его как благороднейшего из своих детей и показал ему первое небо.

Все вокруг было наполнено животными, птицами и пресмыкающимися, а среди них стоял огромный петух. Он был так велик, что Мухаммед не видел его головы, терявшейся в облаках. Адам объяснил, что эти животные и птицы на самом деле ангелы, ходатайствующие перед Аллахом за неразумных земных созданий. Петух же должен был каждое утро кукарекать и пробуждать семь небес.

Когда Мухаммед достаточно осмотрел первое небо, Гавриил повел его на второе. Вход туда также был через врата, а само небо казалось сделанным из отполированной стали. Там жил Ной, который так же радостно, как Адам, встретил своего прославленного потомка. Вместе с Ноем находились Иисус и Иоанн Креститель. Мухаммед не понял, жили ли они там постоянно или лишь гостили, но все встретили его сердечно и говорили с ним как со старым другом.

Третье небо было богаче первых двух. Оно казалось гораздо просторнее и было усеяно бесчисленными драгоценными камнями. Мухаммед понял из слов Гавриила, что где-то здесь находятся Иосиф и Давид, однако встретиться с ними не успел. Его внимание полностью захватил ангел невероятных размеров: расстояние между его глазами равнялось семидесяти тысячам дней пути. Ангел ничего не сказал и не был представлен. В величественном молчании он склонился над огромной книгой, в которой без конца что-то записывал и стирал.

— Это ангел смерти, Азраил, — сказал Гавриил. — Ему подчинены сто тысяч легионов воинов.

— А что он делает с этой книгой? — шепотом спросил Мухаммед.

— Записывает имена тех, кому предстоит родиться, и стирает имена тех, кому пришло время умереть, — ответил Гавриил.

Мухаммед испытал облегчение, когда Гавриил повел его дальше, к четвертому небу. Как и первое, оно было серебряным. Посреди него

стоял ангел высотой в пятьсот дней пути и непрерывно плакал, так что из его глаз текли целые реки слез.

— Этот ангел, — объяснил Гавриил, — оплакивает грехи человеческих детей и предсказывает несчастья, которые их ожидают.

Мухаммед не выразил желания задерживаться и здесь. Он лишь обменялся несколькими словами с Енохом, которого встретил у входа.

Снова они поднимались по лестнице, и Мухаммед скользил от ступени к ступени словно был легче пера. Пятое небо было целиком золотым. Там его встречал Аарон. Мухаммед уже надеялся немного отдохнуть и, возможно, поговорить о богословии, когда увидел ужасающее существо на раскаленном докрасна троне, окруженном пламенем. Лицо его напоминало начищенную медь и было покрыто бородавками и нарывами; из глаз вырывались молнии, а в огненной руке оно держало горящее копье. Заметив испуг Мухаммеда, Аарон отвел его в сторону и объяснил, что это карающий ангел Бога, властитель огня. Его задача — исполнять Божью кару над грешниками и неверующими.

Шестое небо было из странного прозрачного камня, какого Мухаммед прежде не видел. Он настороженно поискал взглядом очередное чудовище и, разумеется, увидел его. Этот ангел выглядел не столь пугающе, но был далек от обычного вида: половина его тела состояла из огня, другая — из снега. Огонь не растапливал снег, а снег не гасил огонь. Вокруг стояло множество меньших ангелов и без конца пело:

— О Аллах, соединивший снег и огонь, соедини всех верных слуг Твоих в повиновении Твоему закону.

— Это ангел-хранитель неба и земли, — сказал Гавриил. — Он посылает вестников к людям, склоняя их к добру и призывая служить Аллаху. И будет делать это до дня воскресения.

Мухаммед подумал, что впервые со времени отъезда из Мекки услышал здесь нечто особенно утешительное. Но прежде чем он успел высказать одобрение, появился Моисей и снова приветствовал его. Затем Моисей заплакал. Мухаммед взял его за руки, попытался утешить и спросил, почему он плачет и не связано ли это с его прибытием.

Моисей кивнул и сказал сквозь слезы:

— Я вижу перед собой преемника, который приведет в рай больше людей своего народа, чем мне удалось привести моих непокорных детей Израиля.

Мухаммед хотел ответить чем-то утешительным, но Гавриил уже проявлял нетерпение, и через несколько мгновений они вошли в седьмое небо.

Авраам встретил Мухаммеда поклоном и ввел в эту блаженную обитель, сотворенную из божественного света и не поддающуюся описанию человеческой речью. Невозможно было даже выразить ее размеры — она казалась бесконечной. И там находился еще один ангел, превосходивший все виденное прежде. На его фоне ангелы предыдущих небес казались карликами. Он был больше всего мира. У него было семьдесят тысяч голов, на каждой голове — семьдесят тысяч ртов, в каждом рту — семьдесят тысяч языков, и каждый язык говорил на семидесяти тысячах различных языков. Все эти бесчисленные уста и языки непрерывно воспевали Аллаха.

Мадани сделал паузу, словно ожидая, что я стану спорить с этими цифрами, но я даже не пытался их подсчитывать. Результат многократного умножения семидесяти тысяч самих на себя не говорит человеческому уму ничего определенного. Для Мадани и для Мухаммеда это были лишь знаки бесконечного величия Бога, и я не видел причины спорить.

Пока Мухаммед смотрел на необыкновенное существо, его подхватил какой-то мягкий вихрь. Лестницы больше не было. Через несколько секунд он оказался у лотосового дерева, растущего возле сокрытого престола Аллаха. Это дерево было еще больше ангела со множеством уст. Его ветви простирались дальше расстояния от земли до солнца. Листья были громадными, и среди них порхали миллионы птиц, щебетавших стихи Корана. Плоды были бесчисленных видов, и каждый соединял в себе пищу и питье. Одного такого плода хватило бы, чтобы накормить всех животных мира. В каждом семени каждого плода жила небесная дева, предназначенная для истинно верующего. Под сенью дерева, возле четырех великих рек, берущих начало в его

стволе, отдыхали ангелы, столь многочисленные, как морской песок. Две реки орошали рай, две другие становились Евфратом и Нилом.

После грозных небесных существ под деревом было мирно и спокойно, и Мухаммед снова надеялся хоть немного собраться с мыслями. Но Гавриил по-прежнему спешил. Несколько мгновений они слушали птиц, после чего Мухаммеда унесло к Дому Поклонения, построенному из яхонтов и рубинов. Там ангел предложил ему три чаши: с вином, молоком и медом. Как истинный араб, Мухаммед выбрал молоко. Гавриил одобрительно кивнул.

— Если бы ты выбрал вино, твой народ сбился бы с пути, — сказал он. Затем добавил: — Дальше я идти не могу. Через мгновение ты увидишь Бога. Я буду ждать тебя в седьмом небе.

С этими словами он отошел, а Мухаммед внезапно почувствовал, что его подхватило и понесло сквозь пространство. Он летел через области ослепительного света и чернильной тьмы. Никаких преград он не ощущал, но ему казалось, будто одна за другой поднимаются завесы, по мере того как он приближается к окутанной облаками области, откуда Аллах наблюдает за миром. Наконец стремительный полет прекратился, и Мухаммед оказался на расстоянии двух полетов стрелы от престола Бога.

Мадани снова замолчал, глядя перед собой почти в экстазе, а затем продолжил:

Некоторое время стояла великая тишина, и слышался лишь шелест тростникового пера, которым Божьи веления записываются на скрижалях судьбы.

Мухаммед не сразу поднял голову. Когда он сделал это, увидел, что лик Бога скрывают двадцать тысяч покрывал. И все же сияние, исходившее из-за них, превосходило свет пятидесяти тысяч восходов.

Мадани глубоко вздохнул и посмотрел в ночную пустыню. Казалось, собственный рассказ возвысил его. И действительно, слова звучали величественно: впервые я услышал о таинственном величии Бога так, будто оно становилось почти осязаемым.

Когда глаза Мухаммеда привыкли к ослепительному свету, он увидел справа от Божьего престола сияющую надпись: «НЕТ БОГА, КРОМЕ АЛЛАХА, И МУХАММЕД — ЕГО ПОСЛАННИК».

Это придало ему уверенности, но устоять было трудно, когда Бог простер руки и положил одну ему на плечо, а другую — на грудь. Ледяной холод словно сковал кости и кровь. Затем холод исчез, уступив место такому блаженству, что Мухаммед как будто вышел за пределы собственного тела. Глубокий голос, скорее успокаивающий, чем страшный, произнес:

— О Мухаммед, приветствуй своего Создателя!

Страх исчез. Мухаммед обрел спокойствие и смог обсуждать с Богом подробности веры, которую ему предстояло распространять среди арабов. Последним повелением было, чтобы мусульмане молились пятьдесят раз в день. Затем божественные руки отпустили его, и он был возвращен в седьмое небо, где ждал Гавриил.

Гавриил ничего не спросил, но, когда они проходили через шестое небо, Моисей поинтересовался, чем закончилась встреча. Услышав о пятидесяти молитвах в день, он покачал головой. Молиться чаще двух раз в час в течение всех суток, сказал он, немыслимо. Если Мухаммед хочет, чтобы новая религия устояла, число необходимо уменьшить.

Мухаммед уважал предшествовавших ему пророков и снова отправился к Аллаху. Бог согласился сократить число молитв до сорока. Моисей и это счел чрезмерным. После нескольких возвращений к Богу и новых споров с Моисеем число обязательных молитв было уменьшено до пяти в день. Даже тогда Моисей заметил, что Мухаммед будет весьма искусным человеком, если сумеет заставить людей молиться столько раз ежедневно. Мухаммед поблагодарил его и сказал, что дальше справится сам.

Затем он быстро спустился по лестнице через небеса к земле, где нашел Бурака. Гавриила рядом не было. Мухаммед вскочил на спину белой кобылицы и через несколько мгновений снова оказался на своем коврике в Мекке.

Мадани замолчал. Казалось, он совсем забыл обо мне. Перебирая четки, он смотрел на пустынное небо.

— Сколько времени отсутствовал Мухаммед? — спросил я после паузы.

— Совсем недолго, — без колебания ответил Мадани. — Не больше нескольких часов.

Мы немного помолчали. Потом я спросил:

— Вы когда-нибудь читали Данте?

Мадани покачал головой:

— Нет. А что это?

Я не стал объяснять. Но с той ночи, когда Мадани рассказал мне в пустыне историю Ночного путешествия, я не раз слышал предположение, что Данте мог вдохновляться этой древней арабской легендой. В описаниях рая действительно есть некоторые сходства.

Вопрос, который я не задал Мадани, потому что он разрушил бы всю атмосферу рассказа, заключался в том, верил ли он, что Мухаммед совершил это путешествие телесно или во сне. Или — чего я тем более не осмелился бы предложить Мадани — не придумал ли Мухаммед все это. Именно такими вопросами, однако, задаются некоторые авторы, пишущие об исламе.

Мой последний вопрос, как выясняется, был бы лишним: не существует свидетельства самого Мухаммеда о том, что Ночное путешествие действительно происходило в описанной форме. В то время я этого не знал и думал, что Мадани, как обычно, красочно пересказывает Писание. Но здесь было исключение. Он рассказывал предание, которое многие арабы принимают столь же безусловно, как Коран.

Все, что имеется у нас от Мухаммеда относительно этого небесного путешествия, — сура Корана, известная как «Ночное путешествие». Но даже в ней нет ничего похожего на рассказ Мадани и других арабов. Единственный намек содержится в первом стихе: «Хвала Тому, кто перенес ночью Своего раба из священного храма Мекки в храм отдаленнейший, окрестности которого Мы благословили, чтобы показать ему некоторые из Наших знамений. Воистину, Он — Слышащий, Видящий».

Весь подробный рассказ, вероятно, относится к преданиям, подобно другим историям о чудесах, которых сам Мухаммед никогда не утверждал, что совершал. Но даже если бы Мухаммед подтвердил Ночное путешествие и включил рассказ в Коран, это само по себе не давало бы немусульманскому критику достаточного основания немедленно объявить его вымыслом.

Историю о вознесении Илии на небо в огненной колеснице не высмеивают. Воскресение и вознесение Иисуса принимаются большинством христиан. Откровение Иоанна Богослова не рассматривают как бессмыслицу, записанную безумным эпилептиком. Между тем в Откровении встречаются картины, удивительно похожие на отдельные эпизоды рассказа Мадани и столь же фантастические.

В четвертой главе говорится о престоле на небе, о сидящем на нем, подобном яспису и сердолику, о радуге вокруг престола, о молниях, громах и голосах, о семи огненных светильниках и море, подобном кристаллу, а также о четырех живых существах, исполненных глаз.

В тринадцатой главе появляется зверь из моря с семью головами и десятью рогами, с десятью венцами, похожий на барса, с медвежьими ногами и львиной пастью, получающий власть от дракона.

В двадцать первой главе стены небесного города описаны как ясписовые, сам город — как чистое золото, подобное прозрачному стеклу, а основания стен украшены всевозможными драгоценными камнями. Город не нуждается ни в солнце, ни в луне, потому что его освещает слава Бога.

В двадцать второй главе Иоанну показывают чистую реку воды жизни, светлую как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца, и дерево жизни, приносящее двенадцать видов плодов, листья которого служат для исцеления народов.

И все это считается не легендой, а частью Библии. Так же как рассказ Матфея о беседе Иисуса с Моисеем и Илией и история встречи Моисея с Богом на Синае.

Похожий рассказ приводит и святой Ириней, епископ Лионский II века. По его словам, Иисус будто бы сообщил Иоанну, что придут дни, когда каждая виноградная лоза будет иметь десять тысяч ветвей, каждая ветвь — десять тысяч меньших ветвей, каждая из них — десять тысяч побегов, каждый побег — десять тысяч гроздей, в каждой грозди будет десять тысяч ягод, а каждая ягода даст двести семьдесят пять галлонов вина.

Живя среди арабов, я не знал этого отрывка. Иначе обязательно показал бы его Мадани как доказательство того, что христиане не уступают мусульманам в небесных арифметических задачах.

Но каковы бы ни были основания этих легенд, преданий или священных текстов, нет причины отвергать лишь те части, которые лично нам кажутся неправдоподобными. Верующий человек мы или неверующий, попытки доказать, что Иисуса и Моисея не существовало или что Мухаммед был самозванцем, мало к чему приводят. Люди вроде Мадани, полностью верящие в Ночное путешествие именно в таком виде, гораздо спокойнее скептиков. И, каковы бы ни были личные взгляды читателя, видел Мухаммед ангела с бесчисленными языками или не видел — для самой истории его жизни это ничего не меняет.

ГЛАВА VIII

АЛЬ-ХИДЖРА — БЕГСТВО

(620–622 годы после Рождества Христова)

Небесное путешествие Мухаммеда, радушный прием пророками и его беседы с Аллахом могли бы создать впечатление, будто теперь у него достаточно поддержки, чтобы продолжать миссию, не обращая внимания на угрозу курайшитов. Но против этого были две веские причины.

Во-первых, сам Мухаммед не был уверен, совершил ли он Ночное путешествие наяву или увидел его во сне. Во-вторых, Бог, когда желает основать новую веру, как правило, не освобождает своих посланников от земной борьбы.

Моисей мог наслать бедствия на Египет, предсказать затмение солнца и добыть воду в пустыне, но самым непосредственным божественным проявлением был огненный столп, ведший израильтян к Красному морю.

Иисус воскрешал мертвых, превращал воду в вино и насыщал толпы малым количеством пищи, но непосредственное Божье присутствие проявилось лишь в виде голубя над Иорданом и в потрясениях природы при распятии.

В случае Мухаммеда Бог не сделал даже этого. Он оставил Посланника одного убеждать арабов в истинности миссии. То, что тот добился успеха без сверхъестественных вспомогательных средств, только усиливает своеобразие его достижения.

Прошло десять лет с тех пор, как ему было велено проповедовать и объяснять мекканцам смысл послания. За эти десять лет он потерял почти все, что приобрел за предыдущие сорок. Все чаще казалось, будто что-то не так — либо с ним самим, либо с замыслом, которому он служит.

И однажды произошло событие, по своему значению сопоставимое с обращением Савла Тарсянина или разрывом Генриха VIII с папой.

На протяжении многих столетий иудеи Аравии ожидали Мессию. Особенно сильным это ожидание было в Ясрибе. Ясриб, как уже говорилось, — старое название Медины, точнее Мединат ан-Наби, Города Пророка. Чтобы не создавать путаницы, я буду называть его Мединой.

В Медине жили три значительных иудейских племени: Бану Надир, Бану Кайнука и Бану Курайза. Несмотря на заметное местное влияние, они находились под властью двух арабских племенных групп — Бану Аус и Бану Хазрадж, которые когда-то были бедуинами, но перешли к оседлой жизни в мединских оазисах.

Арабы знали, что иудеи ждут избавителя. Поэтому, когда однажды несколько людей из Бану Хазрадж услышали проповедь Мухаммеда на ярмарке возле Мекки, его слова показались им знакомыми. Они сразу воскликнули:

— Ведь это, должно быть, тот самый пророк, которым иудеи нам угрожают! Надо поспешить и присоединиться к нему.

Они дождались, пока поблизости никого не будет, и подошли к Мухаммеду. Сказали, что заинтересовались его словами, и попросили рассказать подробнее. Мухаммед, обрадованный людьми, готовыми слушать, назначил встречу в пустыне, где им никто не помешает. Там он говорил далеко за полночь. Искренность и ясная логика произвели впечатление на мединцев. Они признались в этом, но предупредили, что не могут обещать ничего от имени сограждан, пока не обсудят услышанное дома.

Вернувшись, они распространили весть об арабском пророке — не иудее, а человеке их собственного народа, — который говорит об истинном Боге и, возможно, сможет положить конец вековым раздорам.

Весть вызвала сильное волнение. На следующий год в Мекку отправилась уже более многочисленная группа, желавшая выслушать Мухаммеда.

Он снова объяснил им свое учение. И снова гости из Медины оказались впечатлены. Они заявили, что верят Мухаммеду и признают то, кем он себя называет.

Когда Мухаммед предупредил о трудностях и опасностях, которые может повлечь такое признание, они не отступили. В полумраке каменистой пустыни они торжественно поклялись ему в верности. Их клятва завершалась словами:

— Мы будем повиноваться Пророку во всем, что справедливо, и останемся верны ему и в благополучии, и в горе.

Затем каждый коснулся руки Мухаммеда и вернулся в Медину. Вместе с ними отправился его ученик Мусаб ибн Умайр, которому предстояло объяснять людям смысл ислама.

Хотя Мухаммед считал себя вдохновляемым свыше, в критических ситуациях он сохранял здравый смысл. Он понимал силу фанатического воодушевления, но не хотел соединиться с десятком восторженных новообращенных и заново повторить мекканскую борьбу. Прежде чем предпринимать следующий шаг, ему необходимо было убедиться, что большинство населения Медины действительно готово принять и его самого, и его идеи.

Этот период ожидания был, вероятно, одним из самых тяжелых испытаний. Хазраджиты принадлежали к лучшему арабскому роду, их влияние и положение не вызывали сомнений. Если они примут ислам, Мухаммед получит поддержку, способную приблизить осуществление его миссии. Если же нет, почти невозможно было представить, как он продолжит борьбу один. В Мекке положение становилось безнадежным.

С каждым днем жизнь Мухаммеда и его учеников подвергалась все большей опасности. Обстановка сделалась настолько угрожающей, что он начал небольшими группами отправлять последователей в Медину. Там им, возможно, и не устроят мусульманского приветствия, но по крайней мере не убьют за их веру. По мере того как одна группа за другой тайно уходила в убежище, Мухаммед все сильнее ощущал себя изгнанником. Вскоре рядом с ним остались только ближайшие домашние: Али, Аиша и Сауда, а также Абу Бакр с женой Умм Руман и их семьей.

Рядом с Абу Бакром оставались его старшая дочь Асма и сын Абдаллах. Здесь же был Зайд — внимательный и находчивый, способный сохранять самообладание, когда вокруг уже начиналась

паника. Все были напряжены, словно натянутые луки. Не менее напряженно чувствовали себя и курайшиты.

Год прошел без особенно серьезных происшествий. Начался месяц паломничества. Со всей Аравии в Мекку стекались паломники. Среди них был Мусаб ибн Умайр — тот самый учитель, которого Мухаммед отправил в Медину, — а вместе с ним семьдесят мединских обращенных. После наступления темноты в пустыне была назначена встреча с Мухаммедом.

На эту встречу Мухаммед взял, кроме Абу Бакра, своего дядю аль-Аббаса. Аль-Аббас был своеобразным человеком, которому предстояло сыграть важную роль в истории ислама. Он был значительно моложе Абу Лахаба и Абу Талиба и, подобно им, еще не принял учение племянника, однако глубоко любил его.

Когда они подошли к группе людей, чьи белые одежды смутно выделялись в безлунной пустыне, состоялся обычный обмен арабскими приветствиями, которым не мешает даже кризис. Затем аль-Аббас сказал:

— О люди Бану Хазрадж! Мой родственник решил искать у вас защиты. Поэтому прошу вас хорошо обдумать дело и заранее представить, чего оно вам будет стоить.

Аль-Бара, предводитель мединских делегатов, ответил:

— Мы услышали твои слова. Наше решение не изменилось. Наши жизни — к услугам Пророка. Теперь пусть говорит он.

Мухаммеду снова пришлось повторить то, что он уже дважды говорил мединцам. Ему задавали множество вопросов, и он отвечал на них, одновременно вновь предупреждая о тяжелых обязанностях, которые ислам возлагает на мусульман. Его позиция была почти возвышенной.

От реакции этих людей зависели все его дело, его жизнь и жизнь семьи и ближайших друзей. Он вполне мог представить новую религию в самом привлекательном свете. Но остался верен себе. Искренность до сих пор приносила ему главным образом несчастья, и все же он не собирался отказываться от принципов только потому, что устал. С ними он жил и с ними был готов умереть.

Мединцы, однако, уже составили мнение о Мухаммеде. Предупреждения их не испугали. Они хотели лишь одного — уверенности, что, когда дела пойдут хорошо, он не покинет их.

Мухаммед покачал головой:

— Никогда. Ваша кровь — моя кровь. Я ваш, а вы мои.

— Дай нам руку, — сказал аль-Бара.

Мухаммед протянул руку. Каждый из семидесяти прикоснулся к ней и принес присягу Мухаммеду и его Богу.

Это был драматический момент, значение которого едва ли понимали сами фигуры в белых одеждах, стоявшие в ночной пустыне. Если бы Медина не решила принять ислам и дать убежище изгнанникам из Мекки, религия Корана, возможно, погибла бы в младенчестве.

Перед возвращением Мусаба и его спутников договорились, что Мухаммед переселится в Медину, как только сочтет время подходящим. Казалось, тучи расходятся и конец долгого пути уже виден. Но оставались курайшиты.

Каким-то образом известия о тайных встречах с мединцами просочились наружу. Одновременно выяснилось, что почти вся мусульманская община Мекки исчезла. Целые улицы опустели, двери и окна домов были заколочены, пустынная пыль уже ложилась на мостовую и собиралась у порогов. Кульминация наступила, когда Омар в кольчуге, шлеме, с луком в руке и огромным мечом у бедра явился к Каабе. Без предисловий он объявил бывшим друзьям, что уходит. Это не бегство, сказал он: он перебирается туда, где сможет организовать мусульман и заставить курайшитов расплатиться за преследования.

И в заключение угрожающе произнес:

— Пусть тот, кто хочет, чтобы его оплакивала мать, встретит меня в той долине.

Никто не двинулся. Омар презрительно пожал огромными плечами и ушел в сгущавшиеся сумерки.

Это демонстративное заявление обнаружило еще один тревожный факт: у Мухаммеда было намного больше сторонников, чем предполагали. Если процесс продолжится, уже само положение

курайшитов окажется под угрозой. Враг, укрепившийся в Медине, окажется на главных караванных путях в Сирию. Даже небольшая сила могла нарушить торговлю и со временем перерезать снабжение.

Абу Суфьян теперь был не только главнокомандующим, но и правителем Мекки. С повышением его ненависть к Мухаммеду только усилилась. Получив тревожные сведения, он созвал городской совет. Без предисловий объяснил, что спор с Мухаммедом, над которым некоторые привыкли смеяться, выходит из-под контроля. Если немедленно не принять официальных мер, последствия могут быть любыми. Дело стало слишком серьезным для частных расправ: оно касается каждого курайшита, каждого жителя Мекки. По его мнению, от Мухаммеда надо избавиться немедленно.

Когда умеренные члены совета предложили изгнать или заключить его в тюрьму, Абу Суфьян рассмеялся. Пока фанатик жив, сказал он, опасность сохраняется. Пока его сторонники знают, что он не умер, они будут стремиться освободить его, особенно теперь, когда за ними стоит мединская партия.

Тогда заговорил Абу Джахль, чья ненависть к Мухаммеду не уступала ненависти Абу Суфьяна. Он заявил, что существует только один способ покончить с делом: Мухаммеда нужно убить. Он думал так с самого начала. Сделай они это пять лет назад, все движение умерло бы само собой.

Затем он предложил, чтобы в казни участвовал представитель каждой семьи Мекки. Если кровь Мухаммеда окажется на мечах всех родов, кровная месть будет разделена между всеми и ни один клан не сможет мстить одному отдельному роду. Предложение поставили на голосование. Возражений не было. Абу Джахль предложил совершить убийство этой же ночью — и здесь также согласились все.

Но и на этот раз кто-то услышал то, чего не должен был слышать. Через несколько минут после вынесения решения Мухаммед уже был предупрежден. Он понял, что теперь противники не блефуют. Если он не хочет погибнуть и подвергнуть смертельной опасности тех, кто всем ради него рисковал, надо действовать быстро.

Он вызвал Абу Бакра и Али и рассказал, что произошло. Оба согласились: Мухаммед должен немедленно бежать. Абу Бакр сказал,

что пойдет вместе с ним. Али решил остаться. Он не был особенно ненавистен курайшитам и мог присмотреть за женщинами и детьми.

Терять время было нельзя. Снаружи уже слышались шаги Абу Суфьяна, Абу Джахля и убийц, поднимавшихся по извилистой узкой улице. Али схватил плащ Мухаммеда, вытолкнул его и Абу Бакра через дверь и запер ее. Проверив ставни, он лег на коврик Мухаммеда и накрылся его известным плащом.

Убийцы дошли до дома, но замешкались, поняв, что придется взламывать дверь. Один сумел заглянуть через ставни и увидел на коврике фигуру, завернутую в плащ Мухаммеда. Он сообщил об этом другим. Решили ждать до утра и убить Мухаммеда, когда тот выйдет. Всю короткую летнюю ночь люди сидели в засаде с обнаженными мечами.

Утренний ветер прошелестел над пустыней. Рассвет показался на востоке. Первые белые лучи солнца коснулись плоских крыш Мекки. Дверь дома открылась, убийцы приготовились броситься вперед — и остановились. На пороге стоял широкоплечий Али с плащом Мухаммеда на руке.

После первого оцепенения посыпались вопросы. Наконец Абу Джахль заставил остальных замолчать и спросил Али, где его двоюродный брат. Али ответил, что не знает: тот вышел накануне вместе с Абу Бакром, не сказав, куда идет и когда вернется. Затем, словно удивленный, он посмотрел на правителя Мекки и членов совета с мечами в руках. Никто ничего не объяснил, и Али невозмутимо пошел по улице к Каабе.

Абу Суфьян и Абу Джахль не знали, что сказать. Вломиться в дом они не могли: внутри были женщины, к тому же родственницы и бывшие друзья. Да и очевидно было, что Али говорит правду. Их обманул плащ.

Однако если Мухаммед отправился на одну из своих молитвенных встреч, он вернется. Если же он ушел в Медину, его можно догнать. Такое путешествие потребовало бы верблюдов, а верблюды медленнее лошадей. Немного приободрившись, заговорщики отправились организовывать погоню.

Мухаммед предвидел эту реакцию. Поэтому он не двинулся в Медину на верблюдах. Вместе с Абу Бакром он пешком ушел к горе Саур, примерно в часе ходьбы от Мекки. Али знал об этом плане и должен был сообщать им новости.

Беглецы добрались до горы еще в темноте и спрятались глубоко в пещере на каменистом склоне. Там они сидели, надеясь, что преследователи не найдут их укрытие.

Вскоре конные поисковые отряды разошлись по окрестностям. Несколько всадников добрались и до горы Саур. Они почти подошли к самой пещере. Абу Бакр услышал их голоса и испугался. Мухаммед оставался спокойным и сказал, что, когда двое находятся под защитой Бога, они уже не двое.

Предание добавляет к этому эпизоду два знаменитых образа. У входа в пещеру якобы росла акация, в которой голубка успела свить гнездо и отложить яйца, а паук затянул вход паутиной. Увидев это, преследователи решили, что никто недавно войти туда не мог, и не стали обыскивать пещеру.

Само по себе такое событие не представляется особенно фантастическим. Голубиное гнездо с яйцами именно в июне может выглядеть удобной подробностью легенды, но паутина на входе вполне возможна. Труднее объяснить лишь доверчивость курайшитских воинов.

Как бы то ни было, всадники уехали. Беглецы поблагодарили Бога и остались на месте.

С наступлением ночи к пещере пришли Абдаллах, сын Абу Бакра, и его сестра Асма. Они сообщили, что с Али все в порядке. Асму допрашивали, но отпустили, когда она поклялась, что ничего не знает о местонахождении отца и Мухаммеда. Аишу и Сауду никто не трогал. До рассвета брат и сестра вернулись в Мекку. Позже один из пастухов Абу Бакра пригнал стадо пастись неподалеку и оставил беглецам пищу.

Пока двигаться было нельзя. Курайшитские всадники еще несколько раз проезжали рядом, но паук и голубка, по моему выражению, продолжали «дежурить», и никто не потревожил

убежище. На следующий день поиски ослабли. Асма и Абдаллах решили, что теперь Мухаммед и Абу Бакр могут продолжить путь.

На третью ночь они пришли к пещере с двумя верблюдами и надежным бедуином-проводником. Мухаммед быстро сел в седло и, вслед за ним Абу Бакр, двинулся в пустынную ночь. В черном небе висел серп молодой луны.

Романтическая традиция иногда видит здесь происхождение современного символа ислама. Это неверно. Полумесяц и звезда — позднейшие турецкие знаки, связанные с традицией Османской династии. Некоторые мусульманские направления, например шииты, вообще не считают полумесяц или звезду религиозными символами ислама.

Чтобы избежать главных караванных дорог, беглецы взяли диагональный курс к северо-западу, в сторону Красного моря. До Медины было около двухсот миль, и значительную часть этого расстояния нужно было пройти, прежде чем опасность погони уменьшится.

На рассвете вокруг открылся мрачный мир лавовых камней, песчаных холмов и голой пустыни. Ничто не росло, ничто не нарушало ее безжизненности. Не было даже птичьего щебета. Только мягкий стук верблюжьих ног по отполированным камням нарушал тишину этой земли жажды.

Солнце поднялось угрожающе, без мягкого влажного сияния более умеренных стран. Вскоре небо стало как раскаленная латунь, а тропа под ногами — как расплавленная сталь. Горизонт дрожал морем миражей, а по равнине кружились гигантские столбы песка.

Трое ехали, пока могли, а затем укрылись в тени большого камня. Ни колодца, ни оазиса поблизости не было. Выбрав малоиспользуемый путь к морю, они сознательно избегали мест, где можно было бы пополнить запас воды и пищи.

И все же опасность не миновала. Курайшиты объявили награду в сто верблюдов тому, кто вернет Мухаммеда в Мекку живым или мертвым. Однажды награда едва не была получена.

На второй рассвет после выхода из пещеры изгнанников заметил бедуинский вождь Сурака ибн Малик. Не сообщая соплеменникам,

что задумал, он помчался за ними, рассчитывая легко заработать. Он был вооружен луком и копьем и сидел на породистой кобыле.

Абу Бакр первым увидел Сураку и предупредил Мухаммеда. Мухаммед оглянулся на скачущего всадника и продолжил читать стихи Корана. Сурака приближался, достал стрелу и уже собирался натянуть лук, когда его лошадь внезапно шарахнулась и так резко встала на дыбы, что сбросила седока.

Для бедуина падение с лошади — позор. Упасть на глазах у Мухаммеда было вдвойне унизительно. Лук отлетел в одну сторону, копье — в другую, а кобыла умчалась прочь. Оставалось лишь выйти из положения с достоинством. Сурака попросил у Мухаммеда прощения и обещал никому не говорить о встрече.

Мухаммед, который сам находился в весьма деликатной ситуации, простил его и велел Абу Бакру подтвердить это письменным знаком на куске кости. Сурака пожелал путникам мира, поднял оружие и отправился искать лошадь. Мухаммед спокойно продолжил чтение Корана с того места, где остановился.

Почти неделю дорога шла по иссушенной, безрадостной земле. В этих местах почти не было живых существ — даже стервятников и змей. Изредка попадались лишь кусты акации и тамариска.

На седьмое утро после начала бегства путешественники достигли оазиса Куба в нескольких милях от Медины. Когда солнце осветило окрестность, они не поверили глазам. Пустыня осталась позади. Вокруг поднимались холмы с высокими финиковыми пальмами, лежали сады с апельсинами, лимонами и гранатами, по оросительным каналам журчала вода, а в плодородной земле росли инжир и абрикосы.

Это казалось почти невероятным, даже сильнее, чем сорок пять лет назад, когда Мухаммед впервые увидел этот рай вместе с матерью. Он заставил верблюда опуститься на колени, сошел и возблагодарил Аллаха за благополучное завершение пути. Затем лег в тени, чтобы отдохнуть.

Отдых оказался недолгим. Мекканские мусульмане, переселившиеся раньше, знали, что их предводитель скоро появится, и ждали его. Как только распространился слух о прибытии, из Медины

потянулись толпы. Среди них были родственники и старые товарищи, включая Хамзу, Омара и аз-Зубайра, племянника Хадиджи. Они принесли чистую одежду, рис, мед, финики и бурдюки молока.

Мухаммед с благодарностью принял дары и приветствия, но несколько дней остался в Кубе. Он был изнурен и эмоционально потрясен тем, что впервые за долгое время его встречали дружбой и восторгом, а не оскорблениями и ударами.

На четвертое утро силы вернулись. Мухаммед объявил, что пора войти в город, который его принял. Перед отправлением он собрал тех, кто пришел его приветствовать, и впервые публично возглавил мусульманскую молитву. Затем произнес первую проповедь при дневном свете, которую никто не прерывал.

После этого он сел на почти белого дромадера по имени аль-Касва и поехал к пальмам Медины. Рядом был Абу Бакр. Впереди ехал Бурайда, шейх соседнего племени, державший копье с привязанным к нему тюрбаном — импровизированное знамя Посланника. За аль-Касвой двигались другие верблюды, а вокруг ехали и бежали вооруженные воины, размахивая мечами и луками, возвещая прибытие Мухаммеда и обещая защищать его жизнью.

Зрелище было великолепным и почти невероятным. Меньше месяца назад этот человек крался по переулкам Мекки, не зная, где его ждет кинжал и кто друг, а кто враг. Теперь он въезжал в один из прекраснейших городов Аравии почти как победоносный царь.

У ворот Медины шум и возбуждение усилились. Мухаммед тоже был взволнован, но проявил свойственное ему чувство момента и остановил шествие. Сойдя с верблюда, он повернулся в сторону Иерусалима и совершил благодарственную молитву Аллаху за этот триумф. Затем снова сел в седло и отпустил поводья аль-Касвы, позволив ей идти куда пожелает.

Верблюдица прошла по нескольким улицам среди ликующих толп и наконец опустилась на открытом месте под финиковыми пальмами. Мухаммед сошел и объявил, что именно там, где животное остановилось само, он построит мечеть и свой дом.

Шум усилился еще больше. Люди теснились вокруг нового руководителя, стараясь увидеть и коснуться его. Наконец соратники

расчистили путь и отвели Мухаммеда в дом мединца Абу Айюба, предложившего гостеприимство до постройки собственного жилья.

К удивлению Мухаммеда, вскоре появился Али. Он прошел весь путь из Мекки пешком, но, кроме больных ног, был здоров и полон прежнего энтузиазма. Он сообщил, что остальные родственники скоро прибудут. Зайд вел одну группу, в которой находились его жена Зайнаб, жена Мухаммеда Сауда и дочери Мухаммеда Фатима и Умм Кульсум. Абдаллах ибн Абу Бакр сопровождал своих сестер Аишу и Асму и мать Умм Руман.

ГЛАВА IX

МЕДИНА

(622 год после Рождества Христова)

Мухаммед откинулся на ковре и закрыл глаза. За последние годы он пережил очень многое. Он страдал и физически, и душевно, однако ни разу не поколебался в убеждении, что ниспосланное ему — истина. Теперь вера, которой он держался тринадцать лет, наконец была вознаграждена. Его единственным сожалением было то, что рядом нет Хадиджи и она не может разделить этот триумф. Но он думал, что она все знает и, несомненно, радуется за него в раю.

Он вздохнул и позволил себе расслабиться. Надо было отдыхать, пока есть возможность. За последние недели путь был долгим, но по сравнению с тем, что, как он понимал, ожидало впереди, это было лишь начало.

Мухаммед был посланником Аллаха, но одновременно оставался реалистом. Он понимал, что этот внешне кульминационный момент в действительности только открывает его миссию. Если ислам должен обрести прочное основание, если арабы должны увидеть и почувствовать мир так, как видит его он, если ему предстоит исполнить волю Аллаха, впереди лежит огромная работа. Даже он не мог предугадать, к чему приведет это ликующее утро — ни в его собственной жизни, ни в последующие века.

В зеленом оазисе Медины в этот момент начинало складываться единственное в своем роде государство, основанное прежде всего на религии.

Это произошло 2 июля 622 года христианской эры. С этого времени дата стала известна как аль-Хиджра — Бегство, точнее Переселение. При халифе Омаре, вскоре после смерти Мухаммеда, Хиджра была официально объявлена началом мусульманской эры. Отныне мусульмане во всем мире будут вести календарь от этого события, а выражения «до Хиджры» и «после Хиджры» станут столь

же привычными, как для христиан «до Рождества Христова» и «после Рождества Христова».

Но тогда никто об этом не думал. Пока Мухаммед пил молоко, Абу Бакр восстанавливал после путешествия свой вид, окрашивая бороду хной, а аль-Касва спокойно жевала жвачку, никто не понимал, что мысль, родившаяся когда-то в мрачной пещере на пустынной горе Хира, достигла зрелости. Никому и в голову не приходило, как скоро она превратится в огромный поток, который прокатится через значительную часть мира и сметет государства и религиозные порядки, веками остававшиеся почти неоспоримыми.

Абу Айюб, в доме которого Мухаммед остановился после прибытия в Медину, был его дальним родственником. Он происходил от тех людей, к которым Амина привозила шестилетнего сына незадолго до своей смерти в пустыне. Абу Айюб был воинственным мусульманином. При жизни Мухаммеда он участвовал рядом с ним во всех сражениях, а после смерти Пророка продолжал служить исламу как воин.

Через сорок восемь лет после торжественного вступления Мухаммеда в Медину Абу Айюб погиб под Константинополем в армии Муавии, сына Абу Суфьяна и пятого халифа мусульман. На месте его гибели были построены мавзолей и мечеть. Во времена Османской империи султаны приезжали туда для церемонии опоясывания мечом перед восшествием на престол. Могила Абу Айюба оказалась великолепнее любого дома или мечети, которые он видел в Аравии, и роскошнее всего земного, что видел сам Мухаммед.

Это лишь один пример того, куда приведет его проповедь. Эти неграмотные арабы, эти вчерашние беглецы от курайшитских кинжалов — Абу Бакр, Омар, Али и другие — очень скоро начнут решать судьбы некогда могущественных держав Востока. Сирия, Халдея, Византия, Египет и земли мидян и персов будут платить дань людям, которые сейчас благодарно сидят на циновках своих мединских хозяев в поношенной одежде. Христиане севера и запада и огнепоклонники-зороастрийцы востока и юга будут отступать перед исламским приливом, словно галька перед волной.

От Персидского залива до Атлантики имена бывших пастухов, торговых агентов и купцов заменят имена древних династий.

Через несколько лет один из тех, кто сегодня ждал в пыли у дома Абу Айюба, будет говорить уже из губернаторского дворца в Басре:

— Я помню время, когда в Мекке вместе с Пророком было всего семь мусульман, и я был седьмым. Нам нечего было есть, кроме листьев с деревьев. Однажды мне подарили кусок ткани, который я разделил пополам: одну часть оставил себе, другую отдал Сааду, сыну Малика. А сегодня каждый из нас управляет провинцией.

Но в тот июльский день переселение из Мекки было самым дальним путешествием, которое когда-либо совершали эти будущие наместники, полководцы и судьи. Они никогда не видели такой растительности. Плодородная равнина вокруг Медины поражала людей, привыкших к выжженным солнцем скалам. Вода, беспрерывно журчавшая по оросительным каналам, казалась почти чудом после Мекки, где каждая капля была дороже золота. Финики можно было есть сколько угодно; инжир, абрикосы и гранаты встречались так же часто, как камни в пустыне. Для мекканцев это было почти подтверждением рассказов о рае.

Первые дни в Медине прошли в отдыхе и благодарении Аллаха, но Мухаммед уже строил планы. Ислам толкал его вперед не менее настойчиво, чем во времена гонений. Более того, теперь вера доказала жизнеспособность. Следовало подтвердить ее перед теми, кто поверил, и перед теми, кто насмехался, а затем донести ее до людей, которые еще ничего о ней не слышали.

Но сначала ему требовалось постоянное жилище.

В течение десяти лет после повеления проповедовать учение Мухаммеда складывалось фрагментарно. Откровения и предписания, которые, по его убеждению, приносил Гавриил, являлись отдельными частями. Только теперь они начинали складываться в систему. Практически никто, кроме Абу Бакра и Али, а возможно и Зайда, не слышал всех откровений. Многие обращенные лишь смутно представляли, что именно означает ислам. Возможно, и сам Мухаммед еще не во всем имел окончательную форму учения.

Теперь, однако, ему предоставлялась редкая для основателя религии возможность спокойно разработать детали без постоянного вмешательства противников. Поэтому ему одновременно нужны были дом и место молитвы. Он был энергичен и понимал: лучший способ добиться результата — самому приняться за дело.

Мудрая аль-Касва выбрала место, откуда новая вера станет распространяться. Оставалось построить здание. Мухаммед выпил столько молока, сколько хотел, наелся фиников, выспался и принялся за работу.

Уже в течение суток после прибытия мекканских переселенцев началась подготовка участка для первой мусульманской мечети — масджида, буквально «места, где преклоняются для молитвы».

Восторг встречи был столь велик, что никто не заметил: место, где аль-Касва решила опустить своё усталое тело на землю, было кладбищем. Но это никого не заботило. Погребённые там люди были язычниками, поэтому тела и кости выкопали и выбросили — пусть сами разбираются в День суда. Пальмы, затенявшие могилы, срубили. Землю выровняли и заложили фундамент.

Мухаммед участвовал и в подготовке, и в самой стройке. Рядом работали и мединцы, и мекканцы.

Чтобы создать между ними настоящее сотрудничество, Мухаммед ввел систему формального братства: каждому переселенцу из Мекки назначался брат из числа жителей Медины. Мединцев он называл ансарами — «помощниками», а мекканцев — мухаджирами, то есть «переселенцами» или «беженцами»; слово происходило от корня, означающего переселение.

Ансары не только давали мухаджирам кров и пищу — они делились всем, чем обладали. Связь формального братства считалась почти кровным родством. Если ансар умирал, часть имущества могла наследоваться не только настоящими родственниками, но и приемным братом. Это был исключительно удачный шаг: он создавал чувство общности, необходимое новой вере.

Такой союз был особенно важен потому, что Мухаммеда пригласили в Медину главным образом люди Бану Хазрадж. Были и другие силы: иудейские племена, арабы Бану Аус и влиятельный

человек Абдаллах ибн Убай со своими сторонниками. Пока они не придавали деятельности Мухаммеда большого значения и почти не интересовались происходящим на другой стороне оазиса. Как выяснится позже, для них это было неудачей, а для Мухаммеда — преимуществом.

Первая мечеть была предельно простой. Стены складывались из высушенного на солнце кирпича на каменном основании. Крышу делали из пальмовых ветвей, опиравшихся на стволы тех самых кладбищенских пальм. Внутренние стены обмазывали глиной. Никаких украшений не было, даже кафедры. Мухаммед проповедовал, стоя на одном уровне с людьми. Вечером помещение освещали горящими щепками, позднее их заменили простые масляные лампы.

Здание почти не меняли до времени Омара, когда его расширили. Современная мечеть стоит на том же основании, хотя от первоначального сооружения больше ничего не осталось. На этом месте последовательно возникали новые здания, и позднейшая мечеть с минаретами и зеленым куполом стала несравненно богаче первоначальной.

Под этим куполом покоятся останки Мухаммеда. Но простая мечеть его времени соответствовала и его характеру, и духу раннего ислама. Иисус также предпочитал простоту. Пышное убранство многих позднейших церквей и мечетей появилось уже благодаря последователям, не всегда понимавшим вкус основателей религий.

К мечети Мухаммед пристроил жилые помещения для себя и семьи. Это был ряд скромных комнат, разделенных перегородками из пальмовых ветвей, скрепленных глиной. Мебели и занавесей не было. Мухаммед спал на циновке, сам выполнял домашнюю работу, чинил одежду и даже подбивал собственные сандалии.

Такой аскетизм легко объяснить образом святого человека, но Мухаммед не был традиционным отшельником. Он вырос в условиях относительного достатка, а в первые годы брака принадлежал к богатейшим людям Мекки. И все же, оказавшись в Медине, где ему готовы были отдавать лучшее, и позднее, когда в казну хлынули деньги и военная добыча, он продолжал жить просто.

Обычная пища Мухаммеда состояла из каши, фиников и молока. Иногда готовили мясной или овощной суп, иногда был мед. Нередко он ограничивался только финиками и молоком. Ел на циновке на полу.

Одежда была столь же простой: грубая шерстяная или хлопчатобумажная рубаха с рукавами, поверх — просторный плащ, на голове — плотно намотанный тюрбан, на ногах — кожаные сандалии. В конце жизни он иногда появлялся в дамасском шелке и вышитом плаще, но это было редкостью. Он не любил нарядность и не поощрял чрезмерную роскошь у последователей.

Негус Абиссинии однажды прислал ему штаны и пару длинных черных сапог. С брюками Мухаммед, так и не понял, что делать, и не носил их; сапоги надевал изредка, но они натирали ноги.

Такой образ жизни, возможно, был связан с бедуинскими привычками. Его самые ранние воспоминания относились к суровой пустынной жизни, а затем последовали годы караванных странствий. Особенно кочевой характер проявлялся в отношении животных.

Лошадей у Мухаммеда было немного — в то время они еще не играли той роли, которую получат в эпоху мусульманских завоеваний. Главными верховыми животными были быстроходные верблюды и мулы. У него было три ездовых верблюда, включая знаменитую аль-Касву, и два особых мула — белый и серый, которых называли Дулдул и Шахба. Кроме того, имелись вьючные дромадеры, молочные верблюдицы, овцы и козы. Только настоящий кочевник мог экономить на одежде и еде, но щедро тратиться на скот.

Какова бы ни была причина, Мухаммед с самого начала показывал, что ислам и в теории, и на практике основан на простоте. Он постоянно повторял эту мысль и призывал обращенных держать ее в уме. Большинство последователей действительно сохранило эту традицию надолго после его смерти.

Во время одного из походов в Сирию при халифе Омаре мусульманский главнокомандующий Халид встретился для переговоров с Мануилом, главнокомандующим римско-сирийской армией. Полководцы встретились в огромном шатре. Мануил и его штаб, в великолепных мундирах, с мечами, сверкавшими драгоценными камнями, сидели на парчовых креслах. Халид был одет

как кочевой воин: грубая туника, кольчуга, шлем. Сбоку у него висела сабля, в руке он держал копьё. Ничто не отличало его от подчинённых ему офицеров.

Мусульмане, казалось, даже не заметили приготовленных для них стульев и после приветствия сели на землю, скрестив ноги. Когда Мануил спросил почему, они ответили:

— Из земли вы созданы, из земли вышли и в землю вернетесь. Бог создал землю, а то, что создано Богом, драгоценнее ваших шелковых ковров.

На следующий день Халид и его аскетичные бедуины нанесли имперской армии тяжелое поражение, после чего двинулись дальше и взяли Иерусалим.

Одной из первых практических задач Мухаммеда после строительства мечети стало решение вопроса, как созывать людей на молитву. В Мекке это не имело значения: собрания приходилось скрывать, а любые признаки молитвенного схода могли привлечь опасность. В Медине, где жители сами хотели религиозного наставления, положение было обратным.

Иудеи созывали людей трубами, христиане — ударами в гонг или колокол. Мухаммед считал такие способы слишком безличными. По его мнению, человеческий голос лучше передавал торжественность и эмоциональный смысл призыва.

Сначала никакой закрепленной формулы не существовало. Достаточно было крикнуть: «На общую молитву!» Но вскоре Мухаммед решил, что нужен более впечатляющий призыв. Предания по-разному объясняют его происхождение. Эти версии несущественны; слова вполне мог составить сам Мухаммед. Они просты и ритмичны; с минаретов мира они и поныне звучат пять раз в день.

Призыв таков:

Аллаху акбар.
Ашхаду алля иляха илля-Ллах.
Ашхаду анна Мухаммадан расулю-Ллах.
Хайя аля-с-салях.

Хайя аля-ль-фалях.
Аллаху акбар.
Ля иляха илля-Ллах.

То есть:

Аллах велик.
Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха.
Свидетельствую, что Мухаммед — Посланник Аллаха.
Идите на молитву.
Идите к благополучию.
Аллах велик.
Нет Бога, кроме Аллаха.

Для первой молитвы дня добавлялось:

Ас-саляту хайрун мин ан-наум — молитва лучше сна.

Когда формула была установлена, требовался человек, который станет ее произносить. Специальных служителей мечети еще не существовало. Сам Мухаммед созывал людей по сути, но явно не должен был лично кричать призыв. Нужен был человек с мощным голосом, который слышен по всему городу, и готовый посвятить этому постоянное время.

Выбор пал на чернокожего мусульманина Биляля ибн Рабаха.

Этот высокий темнокожий человек был одним из первых принявших ислам. В Мекке он принадлежал язычнику Умайе ибн Халафу, ярому противнику мусульман. Узнав, что раб принял ислам, хозяин попытался заставить его отречься. Когда уговоры не помогли, последовали пытки. Наконец Биляля вывели в пустыню, обнаженного привязали под палящим солнцем, а на грудь положили тяжелый камень и потребовали отречься от новой веры.

Но Биляль продолжал повторять: «Ахад — один», утверждая единство Бога. Он, вероятно, погиб бы от жара и жажды, если бы его не увидел Абу Бакр. Тот снял камень и затем выкупил Биляля за большую сумму.

Именно такой преданный, фанатически убежденный человек лучше всего подходил для задачи, которую придется выполнять пять

раз в день до конца жизни. Он едва не стал первым мусульманским мучеником, но вместо этого стал первым муэдзином.

Его подняли на крышу мечети, и на рассвете, в полдень, днем, на закате и после наступления темноты Биляль обращался на восток, запад, север и юг, произнося призыв к молитве.

На этом его жизнь не закончилась. После смерти Мухаммеда он отошел от постоянной обязанности муэдзина, но затем сопровождал мусульманские армии в Сирии, Ираке, Палестине и Египте. Он занимал различные должности и однажды даже представлял мусульман в переговорах с византийским двором. Единственный раз после ухода он снова произнес азан в Иерусалиме, после завоевания города. В конце жизни Биляль умер в Дамаске.

Когда порядок молитвы и жизни мечети был установлен, Мухаммед обратился к систематизации нового учения. Он чувствовал, что обстоятельства благоприятствуют ему, если действовать умело.

Аравия VII века нуждалась в руководителе. Египет, Ассирия, Персия и Греция в прежнем величии ушли в прошлое; Римская держава приближалась к распаду. Не было очевидной силы, которая могла бы занять освободившееся место. Мухаммед, вероятно, еще не представлял, что именно арабам выпадет роль подхватить факел, который выпускали из рук римляне. Но он ясно видел другое: раздробленность арабов на независимые племена создает необычные условия для распространения объединяющей веры.

Мухаммед видел хороший шанс объединить разрозненные племена под одним правлением — своим.

Поэтому первым делом он старался внушить общинам, что все мусульмане — братья. Эту мысль он уже закрепил в правилах взаимоотношений ансаров и мухаджиров. Особое значение придавалось взаимной помощи и вежливости всех членов новой общины.

Опираясь на посох и прислонившись спиной к одной из пальмовых колонн мечети, Мухаммед говорил с мягкой серьезностью отца, обращающегося к детям:

— Кто не проявляет сострадания к созданиям Бога и к собственным детям, к тому и Бог не проявит сострадания. Каждый

мусульманин, одевший нагого единоверца, будет облачен Аллахом в зеленые одежды рая.

Он говорил о силе железа, огня и воды и добавлял, что сильнее всего этого — милосердие. И милосердие не ограничивалось раздачей милостыни. Улыбнуться печальному — милосердие; дать чашу воды — милосердие; помочь единоверцу в дороге — тоже милосердие.

Мухаммед объяснял, что богатство и положение, достигнутые человеком в этой жизни, ничего не значат в будущей. Ангел не станет спрашивать умершего о количестве стад, садов или денег — он спросит о добрых делах, оставленных после себя.

Доброта слова, утверждал Мухаммед, не менее важна, чем доброта поступка. Обычная повседневная вежливость — приветствие при входе и уходе, ответ на приветствие друга или незнакомца, правила гостеприимства — все это часть ислама.

И спустя много веков иностранцев особенно поражают в арабах учтивость, сердечность и гостеприимство. Араб готов защищать гостя ценой собственной жизни и поделиться с ним последним фиником.

Наряду с духовными наставлениями Мухаммед занимался практической жизнью последователей. Он начал вводить обычаи, которые постепенно превращались в законы. Устанавливались правила орошения и охраны водных источников. За каждое срубленное дерево предписывалось посадить новое. Появились системы налогов. Торговый опыт подсказывал Мухаммеду разрешать выплату повинностей не только деньгами, но и натурой. Это относилось не только к сельскохозяйственным продуктам: в одном из правил, например, говорилось о взносе «один динар с каждого взрослого или равная стоимость одеждой».

Говорят, он иногда ошибался. Рассказ об одной из таких предполагаемых ошибок я привожу здесь как свидетельство того, насколько безответственно биографы высказываются о Мухаммеде. Этот анекдот встречается во многих западных жизнеописаниях Посланника. В отличие от множества других историй, он не порочит ни Мухаммеда, ни ислам, однако представляет собой чистую нелепость.

Финиковые пальмы Медины считались одними из лучших в Аравии. Существовало свыше ста разновидностей, отличавшихся ароматом, вкусом и маленькими косточками. Для получения урожая женские цветы пальмы искусственно опыляли мужскими. В январе и феврале специальные работники поднимались на деревья, вкладывали мужские соцветия в раскрытые женские и связывали их.

В некоторых книгах рассказывается, будто Мухаммед ничего об этом не знал и почему-то запретил процедуру, после чего урожай почти исчез, а часть пальм погибла. Якобы отчаявшиеся торговцы пришли к нему и, уверяя, что готовы умереть в бою за ислам, заметили, что сначала предпочли бы не умереть от голода.

Согласно этой истории, Мухаммед выслушал их и спокойно признал ошибку:

— Я лишь смертный. Если я даю вам предписание в области религии — примите его. Но если говорю по собственному мнению, я всего лишь человек.

Это безобидная зарисовка арабской жизни, но она лишена оснований. Всё, что сказано об искусственном опылении финиковых пальм, верно. Всё, что сказано о Мухаммеде, — нет. Стоит задуматься хотя бы на мгновение, чтобы это понять. Араб, для которого финики — основная пища, родившийся и выросший среди торговцев финиками и садоводов, должен был знать, как размножаются пальмы. В этой истории столько же смысла, сколько было бы в рассказе восточного писателя о канзасском фермере, не знающем о севообороте или о чём-нибудь подобном.

Мухаммеду приходилось решать и другие материальные проблемы. Жара Мекки была суровой, но сухой климат делал город сравнительно здоровым. Медина лежала выше, имела воду и тень, но температуры колебались сильнее. Переселенцы из Мекки начали болеть. У них появлялись лихорадки — возможно простуды, непривычные для пустынных людей, грипп или даже малярия.

Возникло недовольство, но Мухаммед быстро его подавил. Он снова сослался на братство ислама и на необходимость всем членам общины действовать сообща, терпеть временные неудобства и не давать врагам возможности сеять раздоры. Он понимал, что от этого

зависят его будущее и будущее движения. Сила его личности и искренность были так велики, что жалобы вскоре прекратились.

Для того, кто не знает арабов близко, этот успех может показаться менее замечательным, чем он был на самом деле. Араб по существу анархичен. Он не привык к дисциплине. Если он сражается или трудится, то делает это из личного воодушевления. Ему недостаёт командного духа. Никогда не увидишь, чтобы арабы, сохранившие первобытный уклад, играли в игры. Они лучшие наездники в мире, но все попытки составить из них команды для игры в поло терпели неудачу. Араб на пони для поло, с клюшкой и мячом, почти неудержим. Его верховая езда и глазомер превосходят всё, что можно увидеть на Западе. Но он не станет помогать другому игроку, отдавая ему мяч.

То, как Мухаммед сплотил своих арабов в почти непобедимую команду, — одно из его великих чудес. И заслуга принадлежала исключительно ему. Немного лет спустя после его смерти ислам разделился на партии, а затем на соперничавшие династии, и мусульмане стали убивать друг друга с тем же рвением, с каким прежде убивали неверных.

Помимо строительства, проповедей, сельскохозяйственных и медицинских забот, Мухаммеда занимали семейные вопросы. Две дочери находились далеко. Рукайя все еще жила в Абиссинии с мужем Усманом. Зайнаб оставалась в Мекке. Ее муж Абу-ль-Ас не признавал тестя Посланником Аллаха и не позволял жене ехать в Медину. Особенно судьба Зайнаб тревожила Мухаммеда.

Однако одиноким он отнюдь не был. С ним жили его полная жена и хозяйка дома Сауда, а также две другие дочери, Фатима и Умм Кульсум.

Аиша, его малолетняя невеста, по-прежнему оставалась у отца и матери. Хотя ей было всего десять лет, она развивалась с той быстротой, которая свойственна арабским женщинам и заставляет их стареть уже к концу третьего десятилетия жизни. Поэтому по предложению Абу Бакра и его жены Мухаммед решил вступить с нею в супружескую жизнь.

Церемония, как и многое в жизни Мухаммеда, была простой. Аишу вымыли, одели в чистое платье, после чего ее мать Умм Руман привела девочку в дом Мухаммеда, где тот сидел с друзьями. Она посадила Аишу ему на колени и сказала:

— Вот твоя семья. Пусть Аллах благословит тебя в них, а их — в тебе.

Произнеся это туманное замечание, она и остальные посетители удалились.

Брак пятидесятилетнего мужчины с десятилетней девочкой доставил некоторым биографам Мухаммеда не меньше беспокойства, чем Ночное путешествие и споры об эпилепсии. Во всех этих случаях беспокойство в значительной мере объяснялось тем, что соответствующие авторы смотрели на дело с позиций собственных обществ и общин. Они не принимали во внимание, что такие браки были и остаются обычаем в Азии. Они не задумывались, что этот обычай сохраняется в Восточной Европе, ещё несколько лет назад считался нормальным в Испании и Португалии и сегодня не является редкостью в некоторых отдалённых горных районах Соединённых Штатов. Но даже помимо обычаев они не учитывали особых обстоятельств именно этого случая.

Прежде всего следует вспомнить об Абу Бакре, отце невесты. Состоятельный мекканский купец пожертвовал всем ради дела Мухаммеда. Понятно, что он стремился к прочному политическому союзу с вождём, которого поддерживал в самые мрачные дни. Вероятно, были у него и другие, менее материальные побуждения. Он верил в Мухаммеда, уважал и любил его. Он был уверен, что в доме его друга о дочери будут хорошо заботиться.

Затем нужно принять во внимание самого Мухаммеда. До этой поры в его жизни не было ничего весёлого, молодого или радостного. Тяжёлые труды не прекращались. Он заслуживал хоть немного волнения, не связанного с преследованиями или смертным приговором. Даже женщин в его жизни было меньше обычного. До двадцати семи лет он оставался столь же целомудренным, как Аиша, и расстался с этим целомудрием лишь ради брака со вдовой, которая была на пятнадцать лет старше.

Третье обстоятельство обычно забывают, и потому его необходимо снова подчеркнуть: Аиша, хотя по годам и была ребёнком, вовсе не являлась беспомощным младенцем, отданным на милость распутного старика. Если какая-нибудь юная особа и знала, что делает, то это была большеглазая, кудрявая Аиша бинт Абу Бакр с её маленькими ножками. С того дня, как она поселилась в гареме при мечети, она им управляла. Старую Сауду она держала за своего рода прислугу на все руки. Когда появлялись другие жёны, за нею по-прежнему оставалось решающее слово в домашних делах. Когда Мухаммед увлекался кем-то ещё, она не ослабляла хватки: она знала, что он всегда к ней вернётся. В гареме она позволяла себе поступки, противоречившие всем принципам ислама и вызывавшие глубокое неодобрение её отца.

После смерти Мухаммеда она сделала для разжигания раздоров среди мусульман больше, чем любой мекканский курайшит. Она была пылкой, своевольной, безответственной и себялюбивой; не будь она мусульманкой, из неё могла бы выйти новая Зенобия или Феодора. То, что она не погибла насильственной смертью, объяснялось отчасти удачей, отчасти преданностью преемников её мужа. Хотя они и считали, что она заслуживает лишь удара копьём в грудь, они защищали её ради прежних связей. Я не испытываю жалости к Аише из-за того, что в десять лет её оставили на коленях мужа, которому было за пятьдесят. Он был добрым, честным, хорошим человеком, чья любовная жизнь до той поры представляла собой немногим больше, чем формальный обряд. Он заслуживал чего-то молодого и свежего взамен того, чего был лишён. Вероятно, этот брак действительно многое ему дал, но лишь потому, что так пожелала Аиша.

Этот первый опыт брака с девственницей пришёлся Мухаммеду по душе. Он решил и сам стать сватом, а заодно заключить ещё один семейный союз.

Его дочери Фатиме было шестнадцать лет. По арабским меркам это был взрослый возраст. Али, представлявшему подрастающее поколение мусульман, было двадцать два. Он был ниже большинства соотечественников, коренаст, с большой бородатой головой и

крупными чёрными глазами. Однако недостаток красоты с избытком восполнялся его мужеством и преданностью.

Фатима тоже не была красавицей, но унаследовала сердечность матери и многое из ума и обаяния отца. Этот брак казался естественным. Никто не подозревал, что после смерти Мухаммеда он приведёт к столь же сильным смутам среди мусульман, какие отречение Генриха VIII от власти папы вызвало среди христиан. Впрочем, никто — и менее всех сам Мухаммед — не предполагал, что ислам когда-нибудь станет мировой силой. Как можно было это предположить?

Тогда вообще не было оснований думать, что ислам распространится далеко за пределы Медины. Мухаммед строил и укреплял общину, но человеческий материал был неоднородным. Среди сторонников были фанатики, готовые умереть за него, но были и недовольные. Тысячи арабов относились враждебно, еще тысячи никогда о нем не слышали. За последний год положение резко улучшилось, однако ислам все еще был прежде всего идеей небольшой группы людей. Поэтому брачные союзы имели большое политическое значение.

ГЛАВА X

ПЕРВАЯ БИТВА

(623 — январь 624 года после Рождества Христова)

Проповедь о милосердии, создание дома и строительство мечети могли дать Мухаммеду чувство выполненного долга и основу для религии. Но они не давали ему безопасности, средств к существованию и, за пределами круга убежденных последователей, политической власти.

Тринадцать лет он терпел оскорбления и насилие, получая в ответ на терпение новые оскорбления. Даже в Медине он понимал, что старые враги вскоре снова окажутся рядом. После многих лет непротивления он решил, что больше не будет подставлять другую щеку. Пришло время отвечать ударом на удар.

То, что он оказался почти нищим изгнанником, было следствием действий курайшитов. Мухаммед считал очевидным: изменить положение можно только заставив мекканцев почувствовать последствия собственной враждебности. Мирные попытки они отвергли — теперь предстояло узнать, как они отреагируют на немирные.

Для новых и многих старых сторонников Мухаммеда не было смысла позволять курайшитам бесконечно преследовать их руководителя и не отвечать. Не казалось разумным также жить в нужде и работать за гроши, когда богатые караваны врагов представляли, с точки зрения тогдашних арабских норм, законную добычу. Захват имущества мог одновременно решить материальные проблемы и стать местью Мекке.

Мухаммед обладал и подходящими людьми. Арабы — и кочевники, и жители оазисов — вовсе не были некультурными. Они любили поэзию и музыку так же, как войну и добычу. Но тяжелую повседневную работу многие старались избегать, если можно было прожить иначе. Поэтому люди меча вполне подходили для

демонстрации того, что гонения не сломили Мухаммеда и он способен перенести борьбу на территорию противника.

Была и еще одна причина перейти в наступление. Общине нужна была казна. У Мухаммеда денег не было; зажиточные мухаджиры тоже лишились состояния — дома, стада и предприятия были конфискованы мекканцами. Чтобы развивать общину и поддерживать людей, требовалось не только кормить их, но и давать занятие и вознаграждение. Набеги решали обе задачи.

Лоуренс Аравийский в XX веке тоже понимал, что одних идеалистических речей бедуинам недостаточно. Необходимо было дать им практическую причину воевать и средства для войны. Потомки воинов Мухаммеда в 1916 году реагировали на турок примерно так же, как их предки на курайшитов в 623-м.

Дополнительное оправдание силовых действий давали сами курайшиты. Ненависть Абу Джахля к Мухаммеду не ослабевала. Он продолжал отправлять отряды, нападал на отдельные группы мусульман, совершал вылазки к Медине и портил посевы и сады. Было ясно, что его намерения остаются смертельно враждебными.

С точки зрения обеих сторон оставался один выход — решать конфликт войной.

Принимая это решение, Мухаммед устанавливал принцип, которому предстояло стать неофициальным положением мусульманской веры. Джихад, или священная война, хотя и не являлся в строгом смысле религиозной обязанностью, должен был больше, чем что-либо другое, способствовать распространению ислама по всему миру.

Сам Мухаммед, вероятно, не представлял отдаленных последствий. Непосредственным мотивом была ярость против людей, у которых он просил только права быть выслушанным, но получил насмешки и удары. К этому добавлялась необходимость кормить, одевать и вооружать сторонников, а также приобретать союзников. Человек, много ездивший среди бедуинов, понимал, что племена легче воспримут религию, если она не исключает привычную для них войну и материальную добычу.

За эту сторону учения Мухаммеда часто критиковали. Биографы, видевшие в нём «самозванца», обрушивались на него так, словно он первым стал проповедовать религиозные войны. Эти люди, по-видимому, забывают, что с незапамятных времён религия была основной или сопутствующей причиной большинства войн.

Если бы Мухаммед читал Ветхий Завет, он узнал бы, что примерно за две тысячи лет до него Моисей начал священную войну неподалёку от мест, где теперь предстояло сражаться с курайшитами. Продолжив чтение, он обнаружил бы, что судьи и цари Израиля почти ничем другим не занимались, кроме войн во имя своей веры. Он прочитал бы о побоищах, рядом с которыми списки его потерь выглядели бы как сводки несчастных случаев на футбольном поле. Он понял бы, что древние евреи установили законы религиозной войны, не имевшие равных ни прежде, ни впоследствии.

Мухаммед не жаждал крови ради самой крови.

У пленного неверующего, по существу, было два выхода: заплатить выкуп и вернуться домой либо принять ислам. В Коране сказано:

«Когда минуют священные месяцы, убивайте тех, кто приобщает богов к Богу, где бы вы их ни нашли; но если они раскаются и внесут обязательную милостыню, то отпустите их».

И ещё:

«Да не будет принуждения в религии».

Если пленник выбирал ислам, его немедленно допускали ко всем духовным и земным благам, которыми пользовались остальные мусульмане. Такой порядок, разумеется, был в интересах Мухаммеда. Тем не менее, за одним-двумя исключениями, он никогда не мстил побеждённым врагам без причины.

Но даже если бы Мухаммед сделал возмездие частью своего учения, это соответствовало бы духу времени — христианской этике той эпохи и гораздо более поздних времён. Когда крестоносцы вторглись в Святую землю в 1099 году, они повсюду сеяли смерть и разрушение. Однако Саладин, изгнав христиан, не прибег к мести.

Не опустошали мусульмане и завоёванных стран, как это делали их собратья по религиозным войнам, принадлежавшие к другим

вероисповеданиям. Куда бы они ни приходили, там возникало нечто лучшее прежнего. Подобно ливню, они оплодотворяли там, где разрушали. Возрождение стало возможным благодаря тому, что потомки первых последователей Мухаммеда сохраняли культуру, пока Европа пребывала во мраке Средневековья. Архитектурное великолепие Дамаска, Феса, Севильи, Гранады и Кордовы — косвенное следствие того, что Мухаммед начал в 623 году.

Война, несомненно, стала для Мухаммеда полезным и затем прибыльным инструментом, но он не был типичным бедуинским налетчиком, для которого кровная месть — вторая натура. Если бы курайшиты позволили ему мирно проповедовать идея войны могла бы вообще не возникнуть.

До этого Мухаммед фактически никогда не участвовал в настоящем бою и не имел военного образования. Единственным ранним опытом были межплеменные столкновения, в которых он подростком помогал дяде, подбирая стрелы. У него не было и подготовленной армии.

Но теперь он понимал, что обязан уметь защищаться. Победа курайшитов над Мединой означала бы конец ислама. Поэтому он начал посылать небольшие отряды в набеги. Это давало людям инициативу и привычку владеть оружием. Иногда ими командовали Хамза или Абу Убайда, иногда сам Мухаммед.

Удивительно, что Мухаммед, несмотря на незнание военного дела, проявлял большие полководческие способности в каждом сражении или стычке, где принимал участие. Он был и храбр, и, несмотря на возраст, переносил лишения наравне с самыми молодыми солдатами. В сущности, то, что ему пришлось вынести во время изнурительных переходов и боёв в раскалённых пустынях Аравии, само по себе, кажется, свидетельствует: рассказы об эпилепсии по меньшей мере преувеличены.

Пока, однако, ни один набег не принес крупной победы и ни один богатый караван не был захвачен. Для повышения престижа и пополнения казны требовался успех. Но мекканцы не собирались добровольно идти на решающее сражение вдали от Мекки, а Мухаммед еще не был достаточно силен, чтобы приблизиться к

городу. Если не застать курайшитов врасплох, конфликт рисковал зайти в тупик.

Тогда Мухаммед прибег к приему, который его сторонники впоследствии старались смягчить, а противники резко осуждали.

В священный месяц раджаб, когда у арабов существовало негласное правило не воевать и не совершать набегов, Мухаммед отправил из Медины Абдаллаха ибн Джахша и небольшой отряд кочевников. Официально они должны были разведать обстановку вокруг Мекки и ат-Таифа. Кроме того, Абдаллах получил запечатанное письмо с приказом открыть его через два дня после выхода.

В письме говорилось, что он может напасть на любой курайшитский караван, который встретит. О том, что идет священный месяц, прямо не упоминалось. Абдаллах и его спутники решили, что перед ними удобная возможность получить добычу без большого риска. В результате они устроили засаду на караван, который спокойно шел, считая себя защищенным древним запретом на боевые действия.

Нарушение обычая вызвало огромный скандал. Даже в Медине осуждение было настолько сильным, что Мухаммед заявил: он ожидал, что Абдаллах дождется окончания священного месяца. В подтверждение того, что не одобряет нападение, он первоначально отказался от доли добычи.

Какова была истина, никто никогда не узнает, но два обстоятельства обращают на себя внимание. Первое — действительно ли Мухаммед был совершенно неграмотен? Если он не мог даже нацарапать несколько распоряжений, кто в его доме или среди приближённых был настолько надёжен, чтобы ему можно было поручить запись столь сомнительного приказа? Если бы Абу Бакр, Хамза или Али знали о намерениях Мухаммеда, они наверняка стали бы возражать.

Во-вторых что представление Мухаммеда о войне было для эпохи весьма прагматичным. Ему приписывается фраза: «Война — это игра обмана». Эта мысль предвосхищает более поздние высказывания Макиавелли, Наполеона и других стратегов.

Однако в тот момент Мухаммед еще не обладал авторитетом великих полководцев. Когда первоначальный шум стих, он получил откровение, в котором вопрос был сформулирован так: война в священный месяц — зло, но отвращать людей от пути Бога, не верить в Него и мешать людям у Священного храма — еще большее зло.

Это сняло религиозные сомнения у части мусульман, но никак не успокоило курайшитов. Их раздражение бывшими согражданами нарастало, а счета кровной мести множились. Требовался лишь небольшой толчок, чтобы Мекка сама двинулась в поход и тем самым дала Мухаммеду желанное решающее столкновение.

Такой повод появился очень скоро.

В конце 623 года Мухаммед узнал, что Абу Суфьян возвращается из Сирии с огромным караваном — более тысячи верблюдов, товары которого стоили десятки тысяч динаров. Мухаммед немедленно собрал от трехсот до четырехсот человек, около семидесяти верблюдов и несколько лошадей и мулов. Часть людей была отослана, когда выяснилось, что они не мусульмане и пришли только ради добычи. В итоге осталось примерно триста бойцов.

Отряд выглядел скромно. У большинства не было доспехов; на верблюдах приходилось ехать по очереди. Конница, которая позднее прославится на весь мир, тогда состояла всего из двух всадников.

Абу Суфьян, однако, узнал о намерениях Мухаммеда. Он увел караван с главной дороги ближе к Красному морю и таким образом обошел засаду. Одновременно он отправил гонца в Мекку с сообщением, что Мухаммед лично вышел перехватить караван.

Гонец ехал быстро, а по дороге в его воображении опасность увеличивалась. К моменту прибытия в Мекку он был почти в истерике. Соскочив с верблюда возле Каабы, он демонстративно изувечил себе нос и уши — древний знак крайнего бедствия. К нему сбежалась городская знать.

Заливаясь кровью, он закричал:

— На помощь, о курайшиты! Мухаммед преследует ваш караван!

Реакция была мгновенной. В течение часа почти тысяча вооруженных людей, семьсот верблюдов и сто лошадей готовились к походу, уже воображая гибель караванщиков и разграбление товаров.

Семидесятилетний Абу Джахль одним из первых вооружился. Он был уверен, что наконец сможет покончить с Мухаммедом. То, что подтверждения нападения еще не было, его не останавливало. Возможность мести нельзя было упустить. До наступления ночи отдан приказ выступать.

В пустыне новости распространяются с невероятной скоростью. Мухаммед почти одновременно узнал и о спасении каравана, и о приближении большой армии Абу Джахля. Несмотря на соотношение сил, он решил принять бой и поставить на исход будущность движения, свою репутацию и, возможно, жизнь.

Перед людьми он говорил о награде мученика. Один час под оружием, говорил он, ценнее месяцев поста и молитвы. Павшему в бою простятся грехи; в День суда его раны будут сиять и благоухать, а утраченные конечности будут заменены крыльями ангелов.

Эти слова резко изменили настроение первой организованной мусульманской армии. Они внушали храбрость и презрение к усталости, боли и смерти сильнее, чем обычные приказы или обещания земной награды. В сознании воинов возник идеал мученичества, который надолго останется в исламской традиции.

Но утром в январе 624 года Мухаммед рассчитывал не только на вдохновение. Он понимал: если Аллах помогает, люди тоже должны действовать разумно.

Местом сражения была выбрана долина Бадр — песчаная равнина, окруженная с севера и востока крутыми холмами, с запада дюнами, а с юга невысоким каменистым уступом. Через долину протекал ручей, местами образовывавший источники и небольшие резервуары.

Мухаммед решил расположить войско возле источника, ближайшего к противнику, и перекрыть остальные. Таким образом мусульмане получали контроль над водой — решающим ресурсом в пустыне.

День прошел спокойно. Пленные разведчики сообщили, что мекканская армия отдыхает всего в нескольких милях, и подтвердили ее численность. Мухаммеда это не смутило. Ночь он провел в молитве в небольшой хижине из пальмовых ветвей, которую ему построили рядом с водой.

На рассвете армия Мекки под командованием Абу Джахля вошла в долину и выстроилась вне досягаемости стрел мусульман. Сражения арабов того времени еще напоминали древние поединки героев: сначала вперед выходили отдельные бойцы, прославляли своих и оскорбляли врага, затем следовали личные дуэли, и только после этого начиналась общая схватка.

Так произошло и при Бадре. Перед строем курайшитов вышли хорошо вооруженные Утба, тесть Абу Суфьяна, его брат Шайба и родственник аль-Валид. Они бросали проклятия мусульманам и вызывали противников на поединок.

Сначала вперед ринулись трое молодых мединцев, но мекканцы заявили, что пришли не ради драки с юношами, с которыми у них нет кровной вражды. Они требовали выходить своих мекканских родственников — отступников, если те смеют рисковать головами.

Эта битва еще оставалась в значительной степени разбором кровных счетов, традиционным требованием «зуб за зуб». Политический масштаб конфликта только формировался.

На вызов курайшитов из мусульманского строя выбежал Али в нагруднике и шлеме. За ним вышли Убайда ибн аль-Харис, двоюродный родственник Мухаммеда, и Хамза, украсивший доспех страусиным пером. Все трое принадлежали к близким родственникам Мухаммеда и удовлетворяли желание курайшитов пролить хашимитскую кровь.

Поединки были быстры и жестоки. Хамза убил Шайбу, Али — аль-Валида. Убайда получил смертельную рану, но Али и Хамза успели прийти ему на помощь. Хамза бросился на Утбу и одним ударом отсек ему голову. За считанные минуты трое важных мекканских воинов были убиты.

Еще трое курайшитов выбежали вперед и тоже погибли. Затем еще трое постигла та же участь. В мекканском строю возникло колебание. Мухаммед немедленно воспользовался моментом и приказал общей атаке.

Хотя мусульман было примерно втрое меньше, они имели важнейшее преимущество — доступ к воде. Мекканцы сражались под палящим солнцем и могли утолить жажду только у обоза в тылу. Те,

кто пытался добраться до ручья Бадра, попадали под стрелы мусульман.

Мухаммед вместе с Абу Бакром наблюдал с холма. До начала общей схватки он был спокоен, но затем пришел в сильнейшее возбуждение и на время потерял сознание. Очнувшись, он выглядел почти в экстазе. Схватив горсть песка, он бросил ее в сторону врага и воскликнул:

— Да покроется смятением их лицо!

Затем он вскочил на коня, позвал телохранителей и вместе с Абу Бакром ринулся в бой.

Предание утверждает, что в этот момент на помощь мусульманам явились ангелы во главе с Гавриилом. И без сверхъестественного случившееся было достаточно примечательным.

Почти сразу поднялась внезапная пустынная буря. Раскаленный ветер дул из-за спин мусульман прямо в лица мекканцев. Те уже были утомлены, страдали от жажды и были потрясены успехами противника. Песок окончательно нарушил их строй.

Абу Джахль, однако, отказывался отступать. Он громко подбадривал людей и бросился на коне в самую гущу схватки. Мусульманские командиры увидели его и стали окружать. Несмотря на возраст, он все еще был опасным воином и успел убить нескольких нападавших, прежде чем его сбили с коня.

Абдаллах ибн Масуд повалил его и оказался сверху. Даже тогда Абу Джахль продолжал проклинать Мухаммеда. Проклятия прекратились лишь после того, как ему отсекли голову. Абдаллах принес ее Мухаммеду.

Мухаммед посмотрел на кровавый трофей и, отойдя от места боя, пал ниц:

— Нет Бога, кроме Аллаха! Абу Джахль наказан, как будут наказаны враги Аллаха.

Весть о смерти мекканского главнокомандующего быстро распространилась и вызвала панику. Вскоре курайшиты начали бросать доспехи и оружие и спасаться бегством. Они бежали так быстро, а мусульмане были настолько измотаны, что многим удалось уйти.

Среди пленных оказался Умайя ибн Халаф. Большинство мусульман не имело к нему личных счетов, но его бывший раб Биляль помнил пытки в пустыне. Увидев прежнего хозяина, муэдзин заявил, что не чувствует себя в безопасности, пока этот человек жив.

Некоторые пытались вступиться за Умайю, но Биляль отказался. Пленнику шепнули, что лучше бежать. Он попробовал, но Биляль мгновенно бросился следом. Умайя был уже немолод и грузен, тогда как Биляль оставался крепким. Погоня закончилась быстро: Биляль настиг бывшего хозяина и убил его, завершив старую вражду.

Это было одним из многих сведений счетов в тот день и, последним крупным эпизодом расправы. Мухаммед собрал людей и приказал рассортировать и похоронить мертвых. Жара не позволяла откладывать.

Погибли четырнадцать мусульман и около семидесяти мекканцев. Кроме того, около семидесяти четырех мекканцев оказались в плену. Мусульман похоронили как мучеников; мекканских погибших сложили в общую могилу.

Затем встал вопрос о пленных. Омар предлагал казнить всех. Абу Бакр считал, что братоубийства на один день достаточно. Хамза и Али были слишком утомлены, чтобы спорить. Мухаммед принял точку зрения Абу Бакра.

Официально были казнены только двое. Один — поэт, который годами беспощадно высмеивал Мухаммеда в Мекке. Второй — человек, однажды трусливо напавший на него во время молитвы у Каабы.

С остальными поступили иначе: бедным пленникам разрешили вернуться в Мекку после клятвы больше не воевать против мусульман; состоятельных отпускали за выкуп.

Бедных пленников, принесших клятву больше не воевать против Мухаммеда, отпускали; некоторые из них впоследствии приняли ислам.

Для богатых существовали три возможности: обращение, плен или выкуп. При назначении суммы Мухаммед и его помощники хорошо знали, сколько каждый способен заплатить. Среди тех, кто жаловался на бедность, оказался дядя Мухаммеда аль-Аббас.

Аль-Аббас был человеком, умевшим приспосабливаться к обстоятельствам, и обладал чувством юмора. На протяжении всего конфликта Мухаммеда с курайшитами он как будто сохранял дистанцию, наблюдая за ходом событий и меняя собственную позицию в зависимости от прилива и отлива удачи.

Именно он сопровождал племянника на первой встрече с мединскими делегатами и требовал от них обещания защищать родственника. Однако это не помешало ему позднее выйти в поход против того же родственника, а после поражения возмущаться тем, что с ним обращаются как с обычным пленником, и заявлять, что у него нет денег на выкуп.

Мухаммед любил дядю и забавлялся его противоречиями. Когда аль-Аббас начал жаловаться на нищету, племянник быстро ответил:

— Может быть, ты и беден, но где деньги, которые ты положил на имя жены?

Другим пленником, имевшим для Мухаммеда личное значение, был его зять Абу-ль-Ас. Он не испытывал ненависти к тестю, но не верил, что тот — Посланник Аллаха, и не изменил взгляда даже после пленения. Тем не менее Мухаммед отпустил его без выкупа, взяв обещание отправить жену Зайнаб в Медину. Абу-ль-Ас согласился. Зайд был послан в Мекку за Зайнаб, а ее муж до исполнения обещания оставался при Мухаммеде как своего рода заложник.

Остальных пленников оценивали в соответствии с их достатком. Раздел оставленных мекканцами доспехов, оружия и верблюдов вызвал споры. Мухаммед обратился к религиозному решению и установил порядок распределения добычи, который затем долго применялся в мусульманских армиях.

Так завершилась первая земная битва Мухаммеда. Это была полная победа и подтверждение его способностей как руководителя. Она придала исламу блеск, которого ему прежде не хватало, и стала стимулом для других племен: новая вера обещала выжившим земную выгоду, а павшим — духовную награду.

Сам Мухаммед получил огромное удовлетворение. Он еще тверже почувствовал, что служит правому делу и что упорство в тяжелые мекканские годы было оправдано.

Бадр навсегда остался для него гордым воспоминанием. Триста человек, которые вместе с ним бросили вызов курайшитам, он выделял в особую категорию. При жизни Мухаммеда и долго после его смерти ветераны Бадра могли ссылаться на участие в сражении как на заслугу при разбирательстве проступков. И, по моему мнению, не без основания: именно они впервые испытали оружие и организацию, которые впоследствии понесут ислам по огромной части мира.

В последующие века сирийцы, персы и египтяне, берберы, римляне и испанцы, индийцы, китайцы, малайцы, русские и турки услышат боевой клич, который вырвался из глоток этих трехсот, когда они пошли через ручей Бадра:

— Аллаху акбар! Аллаху акбар!

ГЛАВА XI

ИУДЕИ

(624 год после Рождества Христова)

Немногие за пределами исламской истории слышали о битве при Бадре, и это неудивительно. Для современного военного, да и для перса, грека или римлянина VII века, столкновение выглядело бы небольшим боем. Если бы в Малой Азии того времени существовали газеты, победа Мухаммеда вряд ли стала бы главным заголовком.

Однако по влиянию на историю ислама и мира она сравнима с победой Константина у Мульвийского моста или поражением Аттилы на Каталаунских полях. Число убитых курайшитов, захваченная добыча и смерть Абу Джахля сами по себе не были событиями мирового масштаба. Ни выдающихся тактических новшеств, ни уникальных подвигов здесь не было.

Но победа дала Мухаммеду возможность перевести дух и сказать: «Я же говорил» — не только сторонникам, но и самому себе. Ему требовалась уверенность. И именно в этот момент, по моему мнению, она была ему нужнее, чем когда-либо.

Иисус и Павел умерли во время преследований и не дошли до опасной стадии, когда дело уже частично победило, а его создателю приходится доказывать способность управлять успехом. Мухаммед, напротив, после бегства из Мекки пережил период спада и неопределенности. Без Бадра или после поражения при Бадре продолжать было бы намного сложнее.

Он понимал, что одной победы недостаточно: нужно развивать успех и продолжать движение.

Но первые часы триумфа омрачило известие о смерти Рукайи. После возвращения из Абиссинии она часто болела. Утром в день сражения она была настолько слаба, что ее муж Усман остался рядом и не пошел с армией. Примерно в то же время, когда строй курайшитов ломался под натиском мусульман, Рукайя умерла.

Дети Хадиджи много значили для Мухаммеда. В рассказах о его отношениях с ними я вижу почти заботливую, иногда даже суетливую родительскую нежность, которая плохо соответствует образу организатора религиозных войн. Смерть Рукайи стала тяжелым ударом.

Через некоторое время горе немного смягчилось прибытием из Мекки Зайда с Зайнаб. Зайд привез и другую новость: старый дядя Мухаммеда Абу Лахаб был настолько потрясен и разгневан поражением курайшитов, что умер вскоре после того, как услышал о нем.

Мухаммед напомнил окружающим о проклятии, которое когда-то произнес против Абу Лахаба. Позднее поводом для подобных разговоров стала и смерть Утбы, сына Абу Лахаба, отвергшего Рукайю: по преданию, во время караванного пути в Сирию его убил лев.

Таким образом, за исключением смерти дочери, обстоятельства складывались для Мухаммеда благоприятно. Его сторонники были довольны, он впервые ощутил удовлетворение от возмездия, а престиж среди соседних племен резко вырос.

Единственной значительной группой, которая не разделяла этого энтузиазма и даже старалась ослабить его успех, были иудеи Медины.

Вместо того чтобы восхищаться победой, они ее принижали — и дома, и публично. Они высмеивали откровения. Пользуясь тем, что Мухаммед первоначально разрешал входить в мечеть всем желающим, некоторые приходили на службы и отпускали насмешки. Они оспаривали оригинальность и подлинность коранических рассказов, сопоставляя их с Библией. Писали сатирические стихи о Мухаммеде и его последователях. Некоторые молодые люди бросали в него камни; случались и опасные столкновения.

Кроме того, мусульманам давали почувствовать, что они в Медине пришельцы. Многие местные кредитные и торговые дела находились в руках иудейских общин. Когда положение беженцев улучшилось, кредиторы начали жестко требовать возврата долгов.

Можно спросить, что делали евреи за сотни миль от своей родины и почему они испытывали такую особую неприязнь к Мухаммеду и его мусульманам. Объяснения просты.

Многие полагают, будто изгнание евреев из Палестины как-то связано с Великобританией, Ибн Саудом или Адольфом Гитлером. Ничего более ошибочного быть не может. С незапамятных времён евреев изгоняли из их страны, которую они первоначально и сами захватили силой. Назовём лишь некоторых изгонявших: Саргон II около 722 года до нашей эры, Навуходоносор в 586 году до нашей эры, Помпей в 63 году до нашей эры, Тит в 70 году нашей эры; окончательное изгнание произошло при Адриане в 135 году. Даже сегодня в Палестине живёт едва ли 650 тысяч из пятнадцати миллионов евреев мира.

После разных волн изгнаний многие семьи уходили вглубь Аравии. После разрушения Иерусалима Титом три сильных племени — Бану Кайнука, Бану Курайза и Бану Надир — закрепились в Ясрибе, позднее Медине, и превратили его в важный сельскохозяйственный центр.

Между ними и местными оседлыми арабами — Бану Аус и Бану Хазрадж — происходили длительные конфликты. В годы перед Хиджрой они особенно обострились и в 618 году завершились кровопролитным сражением при Буасе. После этого враждующие стороны решили, что бесконечные распри следует прекратить, объединившись под властью одного верховного руководителя.

На эту роль выбрали араба Абдаллаха ибн Убайя, относившегося к иудеям дружественно. Но прежде чем его власть была окончательно закреплена, в Медине появился Мухаммед со своими обедневшими переселенцами — и весь политический расчет изменился.

Абдаллах сначала не вполне понял масштаб соперничества. Он не верил в Мухаммеда и не уважал его учение, о чем говорил открыто. Мухаммед, со своей стороны, тоже недооценивал Абдаллаха и в тот момент еще надеялся мирно сосуществовать с соседями.

Первое серьезное разочарование наступило всего через несколько недель после победы над мекканцами.

Однажды Мухаммед ехал через оазис на осле и увидел Абдаллаха с друзьями, сидевшими в тени глиняной стены. Он сошел и присоединился. После обычных приветствий заговорил об исламе. Абдаллах и его спутники не вели себя, как яростные мекканские противники, и вежливо выслушали до конца. Затем Абдаллах так же вежливо, но прямо сказал, что речь интересна, однако, по его мнению, неверна. Было бы лучше, добавил он, если бы Мухаммед оставался в своей части оазиса и занимался собственными делами; тогда и остальная Медина займется своими.

Такое отношение встревожило и, вероятно, рассердило Мухаммеда, но он все еще не хотел разрыва с иудейскими племенами, которые, как он считал, влияли на Абдаллаха.

Вместо конфликта был составлен договор. В нем, среди прочего, устанавливалось, что иудеи и мусульмане должны взаимно помогать друг другу в вопросах, касающихся города, и выступать союзниками против общего врага, не будучи обязаны принимать религию друг друга.

Основная мысль договора формулировалась так: иудеи, присоединяющиеся к общему политическому союзу, имеют равное право на помощь и защиту; различные иудейские ветви Ясриба вместе с мусульманами образуют одну общность; каждая сторона свободно исповедует свою религию; клиенты и союзники иудеев пользуются той же безопасностью и свободой.

Но даже этот компромисс не разрешал религиозный спор. Мухаммед продолжал считать себя пророком, обещанным людям Писания, а иудеи столь же решительно отвергали это утверждение. Признать его означало бы признать ошибочным ожидание избавителя из собственного народа.

Идеальным политическим устройством древнего Израиля считалась теократия — власть Бога. На практике власть принадлежала тому, кого признавали убедительным толкователем Божьей воли. Иудейские общины Медины не считали, что араб Мухаммед может быть таким толкователем.

Упрямое, хотя и логичное сопротивление, непримиримость Абдаллаха ибн Убайя, насмешки и взаимная враждебность

постепенно привели к открытому конфликту между «новой» и «старой» Мединой.

Первым официальным разрывом стала перемена киблы — направления молитвы. Кибла указывает точное направление, куда мусульманин должен обращать лицо во время молитвы, и стала важнейшим архитектурным элементом мечетей и мусульманских домов.

Кочевники обладают удивительным врождённым даром поворачиваться в ту сторону, куда указывала бы их кибла, если бы она у них была. Когда я терялся в Сахаре облачными ночами, зная направление на свой лагерь по компасу, но не имея возможности его определить, я находил араба и просил его повернуться в сторону молитвы. Там, где я жил, это был почти точно восток. Получив такой ориентир, я ехал дальше и неизменно находил свои палатки.

До обострения отношений с иудеями кибла Мухаммеда была обращена к Иерусалиму. Это установилось еще в мекканский период, а не было поздней попыткой угодить евреям. В сознании Мухаммеда Иерусалим представлялся центром монотеистических религий и священным городом мира.

Когда стало ясно, что иудейские общины не собираются принимать его пророческую миссию, Мухаммед решил изменить направление.

Одним ноябрьским утром 623 года, уже во время молитвы и после двух поклонов в сторону Иерусалима, он внезапно повернулся на юг. Вся община повернулась вслед. Мекка и Кааба Авраама и Исмаила вновь стали центром молитвы для изгнанных мекканцев и их мединских хозяев.

С этого времени кибла повсюду — от Марокко до Азии — направлена к Мекке. Мусульманин в Нью-Йорке, Занзибаре, Лондоне или Индии пять раз в день обращается в сторону Священного города Аравии.

Речь не идет о каком-то сакральном значении востока. Направление определяется только географическим положением относительно Мекки: в Сахаре оно может быть восточным, в Париже — юго-восточным, на Мальдивах — северо-западным, в Пенджабе —

западным. Даже в самой Мекке молящиеся стоят вокруг Каабы, обращаясь внутрь.

Известие о том, что Мухаммед официально отказался от надежды на религиозное согласие с иудейскими общинами, быстро распространилось. Обстановка стала напряженной: с одной стороны стояли Мухаммед и его сторонники, с другой — Абдаллах ибн Убай и оппозиционные группы.

Первое новое столкновение было связано с поэзией. Женщина по имени Асма бинт Марван относилась к исламу и особенно к Мухаммеду враждебно, считая его нарушителем мира. Она умела сочинять стихи и писала язвительные куплеты о Пророке и верующих. Стихи быстро разошлись по улицам и садам Медины, обрастая новыми насмешками.

Мусульмане были не в настроении терпеть издевательства. Это лишь веселило Асму и ее друзей, и сатиры становились все более личными.

Однажды ночью, когда Асма спала, в ее дом пробрался мусульманин по имени Умайр. Он был слеп и хорошо ориентировался в темноте. Рядом с женщиной лежал ребенок. Умайр отодвинул ребенка и нанес спящей Асме смертельный удар мечом.

Узнав об убийстве, Мухаммед пришел в мечеть и, указывая на Умайра, сказал собравшимся:

— Если хотите увидеть человека, который помог Господу и Его Посланнику, посмотрите на него.

Тем самым, в моей интерпретации, была ясно обозначена политика в отношении наиболее активных противников. Мусульмане ждали следующего шага от врагов, и он последовал быстро.

Очень старый человек по имени Абу Афак тоже имел привычку выражать мысли стихами и выбрал Мухаммеда одной из тем. Это стоило ему жизни. Мухаммед сам не обладал арабским поэтическим талантом и плохо переносил сатиры. Подобно знаменитому восклицанию английского короля Генриха II, ему приписывается фраза:

— Кто избавит меня от этого назойливого человека?

Нормандских рыцарей, которые могли бы повторить историю Кентербери, не было, но нашлись арабы, убившие престарелого стихотворца.

Эти убийства усилили враждебность Абдаллаха ибн Убайя и его сторонников. К неприязни иудейских племен добавился страх, однако их сопротивление Мухаммеду не прекратилось.

Бану Кайнука, жившие в укрепленном поселении возле Медины, тем или иным образом нарушили договор с мусульманами. Мухаммед вызвал их руководителей и заявил, что в качестве возмездия они должны либо признать его пророком, либо принять последствия отказа.

Их вождь ответил вызовом:

— О Мухаммед! Ты думаешь, мы подобны тем, с кем ты до сих пор сражался? Ты встречал людей, не умеющих воевать, потому и побеждал. Но когда встретишь нас, клянусь Господом Израиля, узнаешь, что мы — мужчины!

Мухаммеда поразила такая открытая дерзость, но он не стал нападать сразу, предпочтя дождаться нового повода.

Вскоре повод появился. Мусульманская девушка сидела в лавке человека из Бану Кайнука и ждала обслуживания. Молодой человек незаметно прикрепил край ее одежды так, что, когда девушка встала и вышла, одежда задралась и она оказалась выставлена на посмешище. Шутники засмеялись, а девушка в стыде бросилась обратно.

Мусульманин, видевший происходящее, выхватил меч, напал на смеющихся и убил одного. Прежде чем он смог нанести второй удар, его самого убили.

После этого Мухаммед больше не колебался. Он вывел людей под белым знаменем, под которым они сражались при Бадре, и повел их к укреплению Бану Кайнука. Те заперлись за воротами. Мухаммед расположился снаружи, намереваясь вынудить их сдаться голодом.

Осада продолжалась две недели. Как только евреи сдались, Мухаммед велел вывести их — около четырёхсот человек — со связанными за спиной руками. Затем, движимый тем же побуждением, которое заставило Илию около 900 года до нашей эры умертвить у потока Киссон четыреста пятьдесят жрецов Ваала, он

приказал обезглавить пленных. Однако на этот раз ему пришлось отказаться от такого удовлетворения.

Услышав, что происходит, Абдаллах поспешил на место и вступился за иудеев. Он все еще был слишком влиятельным человеком, чтобы Мухаммед мог открыто игнорировать его. Жизни пленников сохранили, однако их немедленно изгнали из домов. Они ушли в пустыню и позднее переселились в Сирию. Имущество было конфисковано. Мухаммеду достались несколько старинных мечей, большой лук и серебряный панцирь, который предание связывало с библейским Саулом и Давидом.

Можно было предположить, что после этого противники станут осторожнее, но вскоре появился новый сатирик — Кааб ибн аль-Ашраф. Он отправился в Мекку, подстрекал курайшитов против Мухаммеда, а затем вернулся в Медину и открыто этим хвастался.

Мухаммед находился в мечети, когда услышал, что Кааб снова в городе. Не вставая, он добавил к молитве просьбу:

— О Аллах, избавь меня от этого сына аль-Ашрафа любым способом, который Тебе угоден.

Не прошло много времени, как группа молодых мусульман отправилась исполнять дело Аллаха. После хитрых уловок и вопреки предупреждениям молодой жены поэта им удалось выманить безрассудного Кааба из дома. Была ночь. Под предлогом того, что они сами замышляют заговор против Мухаммеда, они увели его с людных улиц, набросились на него и изрубили. Затем они принесли изуродованную голову Мухаммеду, который встретил их восторженными поздравлениями.

На следующий день Мухаммед дал понять, что в условиях этой вражды убийство иудея, действующего против мусульман, будет оправдано. После этого многие местные иудеи перестали выходить после захода солнца. Наконец делегация пришла к Мухаммеду, желая понять причины преследований и найти возможность прекратить конфликт.

Мухаммед ответил, что все началось с их собственных действий: с сатир, критики, насмешек и нападений. Мусульмане, по его словам, лишь отвечали. Если иудейские племена готовы соблюдать договор,

он гарантирует им безопасность. Был подписан новый вариант соглашения, и на некоторое время отношения успокоились.

Пока Мухаммед занимался внутренними конфликтами, почти весь 624 год продолжались проблемы за пределами Медины.

Абу Суфьян тяжело переживал поражение при Бадре. Он поклялся не брить голову, не пользоваться благовониями и не приближаться к женщине, пока не отомстит Мухаммеду. Сначала его месть выражалась в набегах на окрестности Медины: курайшиты рубили пальмы, жгли посевы и убивали попадавшихся мусульман. Однако, несмотря на хорошее вооружение и лошадей, они избегали открытого столкновения. Как только появлялась весть, что Мухаммед выехал навстречу, рейдеры уходили к Мекке, иногда бросая в спешке верблюдов и другое имущество.

Со временем Абу Суфьян стал осторожнее. Это ободрило Мухаммеда, и мусульманские патрули постоянно действовали у главных караванных дорог. Торговля Мекки с Сирией стала настолько опасной, что объем перевозок начал резко падать.

Через несколько месяцев Абу Суфьян понял: если ничего не делать, Мекка понесет тяжелые убытки. Он собрал один из крупнейших караванов и отправил его по заброшенному, почти безводному маршруту. Но разведка Мухаммеда быстро узнала об этом.

На этот раз набег поручили Зайду ибн Харисе. У него было около ста хорошо снаряженных всадников. Зайд двигался быстро и скрытно и настиг караван на марше. Сопротивление быстро рассыпалось, часть курайшитов погибла, остальные бежали. Зайд привел в Медину крупнейшую добычу, которую до сих пор захватывали мусульмане: серебро, дорогие ткани, верблюдов и, огромное количество золота.

Впервые после Хиджры Мухаммед оказался богат. Он произвел Зайда в полководцы и позаботился, чтобы все участники получили награду. В Мекке же настроение было мрачным: люди начинали опасаться, что постоянные удары по торговле превратят Священный город в захолустье.

Сам Мухаммед не собирался уничтожать Мекку как город и враждовал прежде всего с определенными людьми. Но он дал понять,

что активные рейды, подобные нападению Зайда, теперь станут правилом. Большего он пока сделать не мог: сил для общего наступления еще не хватало. К тому же оставались домашние дела.

Дочь Омара Хафса овдовела после Бадра. Жена Усмана Рукайя умерла примерно в то же время. Омар решил, что Усман мог бы жениться на Хафсе, но Усман, зная ее независимый и вспыльчивый характер, вежливо отказался. Тогда Омар обратился с тем же предложением к Абу Бакру, и тот тоже уклонился.

Омар, столь же горячий, как дочь, пришел в ярость. Он ворвался к Мухаммеду и стал угрожать тем, кто, по его мнению, высокомерно отверг родство с ним.

Мухаммед успокоил друга и сказал:

— Возможно, Хафсе предназначено нечто лучшее. На самом деле, Омар, я сам женюсь на ней.

Так он и сделал, а одновременно обручил свою дочь Умм Кульсум с Усманом.

За один день Мухаммед стал зятем Омара и тестем Усмана. В сочетании с уже существующим родством с Абу Бакром и Али эти браки еще теснее связали руководителей общины.

Меньше всех радовалась Аиша. С ее точки зрения политический союз означал появление новой соперницы в доме.

Хафсе только что исполнилось двадцать; она была столь же красива, сколь чувственна. Аише было двенадцать, но умом она превосходила свой возраст. Кроме того, она была сообразительна и весела. Она быстро разгадала Хафсу, изучила перемены её настроения и обращала их против соперницы, показывая Мухаммеду её недостатки при всякой возможности. Через несколько недель Аиша убедилась, что, если не считать супружеской близости Мухаммеда с новой женой, муж остаётся привязан к ней не меньше, чем до этого брака. Даже в том, что касалось их близости, она не боялась соперничества, если не считать привлекательности новизны.

После этого Аиша сблизилась с Хафсой, и две молодые женщины стали близкими подругами. Иногда их шалости становились настолько шумными, что Мухаммед вмешивался, особенно когда они слишком сильно поддразнивали Сауду.

Хафса известна истории прежде всего как хранительница первой рукописи Корана. После смерти её мужа Омар предложил составить основной экземпляр Священной книги, пока всё сказанное и записанное Мухаммедом не было забыто. Абу Бакр распорядился сделать это и доверил рукопись Хафсе. Почему он не отдал её собственной дочери, неизвестно. Вероятно, он хорошо понимал её капризный характер. Таким образом, Хафса стала хранительницей труда, пережившего тринадцать столетий.

Немногие даже среди мусульман сразу назовут всех жен Мухаммеда. Но почти каждая из них, за исключением, возможно, Сауды и Зайнаб бинт Хузаймы, в той или иной степени повлияла на раннюю историю ислама.

ГЛАВА XII

ВТОРАЯ БИТВА

(625 год после Рождества Христова)

Ровно через год после Бадра мекканцы решили, что восстановить престиж можно только новой победой. Они начали с презрения к Мухаммеду, затем перешли к ненависти, а теперь уже боялись его. Страх лишал Мекку прежней уверенности и веселой жизни. Чтобы вернуть их, источник страха следовало уничтожить.

В январе 625 года Абу Суфьян собрал армию примерно в три тысячи человек. Большинство имело доспехи, около двухсот были конниками. Конницей командовал Халид ибн аль-Валид — будущий великий полководец ислама. Все важные курайшитские воины откликнулись на призыв.

С армией настояли отправиться и пятнадцать женщин, жаждавших мести. Во главе была Хинд, жена Абу Суфьяна. Ее отец Утба погиб от руки Хамзы при Бадре.

Хинд была красивой, чувственной женщиной, умной и беспощадной. Этот поход против Мухаммеда в значительной мере был результатом её усилий. Она отказывалась иметь дело с мужем или с кем-либо из любовников, пока смерть её отца не будет отомщена. Она не переставала попрекать курайшитов поражением при Бадре. Она даже обещала свободу чернокожему рабу по имени Вахши — «Дикарь», искусному метателю копья, если он убьёт Хамзу.

Другие женщины тоже были настроены воинственно. Выходя из Мекки, они пели, танцевали среди солдат и исполняли гимны перед идолом Каабы, которого везли на верблюде.

На этот раз курайшиты могли не скрываться. Им не нужно было охранять караван или успевать к ночному убежищу. Цель была одна — найти Мухаммеда и уничтожить его. Имея большое преимущество в людях и снаряжении, они могли выбирать время и место боя. Армия пошла по главной дороге прямо к Медине.

Марш проходил через Абву, где была похоронена Амина, мать Мухаммеда. Хинд хотела разорить могилу и рассеять кости, но Абу Суфьян остановил ее. Амина умерла задолго до возникновения ислама и не несла ответственности за действия сына.

На этот раз разведка Мухаммеда дала сбой: о походе стало известно лишь тогда, когда армия уже находилась в пути. Предупреждение пришло из самой Мекки. Аль-Аббас, выкупленный после Бадра, успел увидеть в Медине силу мусульманского энтузиазма и окончательно убедился, что племянник становится фигурой, с которой придется считаться.

Он все еще не принял ислам и не остался в Медине, но и не поддерживал безоговорочно идею похода. Когда стало ясно, что армия готова выступать, аль-Аббас тайно отправил гонца на быстром верблюде предупредить племянника.

Гонец нашел Мухаммеда в садах Кубы. Новость стала неожиданностью. Мухаммед сразу вернулся в Медину и созвал Абу Бакра, Омара, Усмана, Хамзу и Али. Он пригласил также Абдаллаха ибн Убайя. Они по-прежнему не любили друг друга, но перед внешней угрозой Мухаммед считал необходимым включить руководителя другой мединской фракции в военный совет.

Старшие участники, включая самого Мухаммеда, решили, что против столь сильной армии разумнее обороняться за городскими стенами. Али и Хамза возражали. Когда о совете узнали молодые мусульмане, многие из них поддержали более агрессивный план. Значительная часть сражалась при Бадре или участвовала в успешных набегах и не считала открытую битву чрезмерно опасной. К тому же боевые походы приносили добычу.

— Если мы будем сидеть за стенами и бросать камни в врага, который пришел так далеко сражаться, — говорили они, — вся Аравия станет над нами смеяться.

Давление молодых оказалось столь сильным, что Мухаммед, вопреки первоначальному мнению, согласился на рискованный выход из города. Решение он объявил в мечети после пятничной молитвы, призвав людей сохранять веру, если они хотят победы. Затем ушел в свои комнаты и провел часть дня с Аишей.

Абу Бакр и Омар тем временем собрали войско. Набралось меньше тысячи человек; только около двухсот имели доспехи. Лошадей, как и при Бадре, было крайне мало. Сила выглядела скромно на фоне прекрасно оснащенной армии Мекки.

Но решение было принято. Несмотря на отдельные поздние сомнения, Мухаммед принял командование.

Он вышел на площадь у мечети в полном снаряжении: спереди и сзади — отполированный панцирь, у пояса меч, в руке лук, на голове шлем, поверх которого намотан черный тюрбан, за плечами щит. Убедившись, что все готовы, он передал белое знамя Мусабу ибн Умайру и сел на коня. Снова люди вышли из оазиса, чтобы противопоставить своего Бога идолам Каабы.

В войске находились около трехсот иудеев и немусульманских арабов под командованием Абдаллаха ибн Убайя. Уже за пределами Медины Мухаммед заявил, что не особенно желает иметь в армии людей, которые не верят в ислам. Абдаллах воспринял это как оскорбление и еще до боя увел сторонников обратно.

Таким образом у Мухаммеда осталось примерно семьсот человек — меньше четверти численности курайшитов.

Местом встречи стала гора Ухуд. В преданиях она связывалась с могилой Аарона. На вершине находилось каменное святилище. Сама местность соответствовала суровому характеру предстоящего боя: огромная голая скала поднималась из пустыни, почти лишенная растительности и животных.

Мухаммед расположил людей на возвышенности, получив небольшое оборонительное преимущество. Крутые склоны защищали тыл. Мечников он поставил плечом к плечу, чтобы встретить натиск курайшитов стеной. На соседнем холме, немного позади основного строя, были размещены лучники.

Им он дал особенно строгий приказ: не покидать место без его команды ни при каких обстоятельствах. Они должны были прикрывать фланг. Мухаммед понимал, насколько опасна конница Халида при почти полном отсутствии своей кавалерии. Он рассчитывал компенсировать численное и техническое превосходство

противника более высокой моралью людей — но только при строгом выполнении приказов.

Пока Мухаммед выстраивал войско, курайшиты появились на равнине внизу. Началась первая фаза традиционного арабского сражения.

При поддержке женщин с бубнами мекканцы выкрикивали оскорбления. Хинд между этими криками водила победные хоры и танцевала вокруг идола, установленного на верблюде.

Первым вызов бросил Тальха, наследственный знаменосец курайшитов. Из строя Мухаммеда вышел Али. Они встретились между армиями и без длинных речей начали поединок. Тальха почти сразу погиб: меч Али блеснул на солнце, и голова знаменосца покатилась по песку.

— Аллаху акбар! — крикнул Мухаммед.

— Аллаху акбар! — повторили мусульмане.

Тогда из мекканского строя выскочил брат Тальхи Усман и бросился на Хамзу, который стоял в своем шлеме и панцире со страусиным пером, как при Бадре. Снова блеснул меч, и еще один курайшит пал обезглавленным.

Хамза громко выкрикнул:

— Я сын того, кто поил паломников! Я сын Абд аль-Мутталиба!

Другие родственники Тальхи поочередно выходили мстить, но Али и Хамза снова и снова побеждали. Запах крови поднимался над раскаленным песком. Мусульмане в строю чувствовали, что успех их чемпионов обещает новый Бадр.

Наконец удержать их стало трудно. С криком «Смерть! Смерть!» они ринулись вниз и ударили по курайшитам. Линия Мекки дрогнула. Численное и техническое превосходство как будто теряло значение перед фанатическим натиском. Халид пытался использовать конницу, но первоначально его атаки не приносили решающего успеха.

Каждый раз, когда Халид пытался двинуть конницу, умело расположенные лучники Мухаммеда поражали его лошадей. Казалось, битва почти выиграна. Но до победы было еще далеко.

Через несколько лет мусульманские армии будут отличаться дисциплиной и беспрекословным выполнением приказов. В 625 году

этого еще не было. Арабы сражались ради веры и мести, но очень часто — ради добычи. Так было веками, и несколько приказов не могли сразу изменить привычки.

Мухаммед использовал местность, чтобы компенсировать недостаток людей, доспехов и конницы. Если бы план выполнялся, он, вероятно, снова победил бы. Но успех был сорван поведением его собственных воинов.

Когда мусульманская атака прорвала центр курайшитов, их фланги начали отступать. Хамза и Али казались повсюду. Вскоре враг откатился за свой лагерь. Это стало слишком сильным искушением. Вместо продолжения атаки мусульмане начали грабить лагерь.

Лучники с холма видели, как товарищи собирают добычу, и решили, что битва закончилась. Приказ Мухаммеда оставаться на месте показался им уже не имеющим смысла. Не выдержав зрелища трофеев, они покинули позицию и бросились к лагерю.

Халид не имел формального военного образования, но обладал природным талантом полководца. Он был смелым всадником, одинаково ловко владел мечом, копьем и людьми. Во время сражения он постоянно следил за лучниками. Каждый раз, когда их огонь ослабевал, подводил конницу ближе. Увидев, что холм оставлен и мусульманский фланг открыт, он немедленно развернул эскадроны и ударил в нестройные ряды противника.

Перемена была мгновенной. Еще минуту назад мусульмане торжествовали и грабили лагерь; теперь они оказались под копьями конницы Халида.

Али и Омар пытались восстановить строй, Мухаммед и Абу Бакр призывали людей именем Аллаха, но паника росла. С одной стороны конники теснили мусульман копьями, с другой вернувшаяся пехота курайшитов рубила их мечами. Большинство думало только о спасении.

Вахши, раб, которому Хинд обещала свободу за смерть Хамзы, терпеливо ждал возможности. Как раз в момент атаки Халида Хамза сражался с мекканцем по имени Сиба. Победив его, Хамза наклонился к телу. Вахши, все время державшийся поблизости, метнул копье. Оно

вошло Хамзе в нижнюю часть спины под доспехом и пробило тело. Хамза упал. Он попытался подняться, но быстро истекал кровью.

Убедившись, что великий воин мертв, Вахши вытащил копье и отправился к Хинд.

Он застал её за ободрением воинов, быстро превращавших почти достигнутую победу мусульман в их разгром. Едва увидев Вахши, она поняла, с какой вестью он пришёл. Восторг озарил её прекрасное лицо. Схватив раба за руку, она позволила отвести себя туда, где лежал благородный Хамза в сияющей кольчуге, с забрызганным кровью страусовым пером. С радостным криком она бросилась на тело и начала терзать его. Она оторвала Хамзе уши, отрезала нос и выколола глаза. Затем, вонзив нож ему в бок, вынула ещё тёплую печень и впилась в неё зубами. Некоторые из других женщин увидели, что делает Хинд, и, поскольку живые мусульмане уже скрылись, тоже принялись увечить мёртвых. Из носов, ушей и пальцев они делали себе ожерелья и браслеты.

Положение самого Мухаммеда тем временем становилось отчаянным. Большая часть армии рассеялась под ударами конницы Халида. Вокруг него оставались Омар, Али, Абу Бакр и лишь несколько человек. Мухаммед стрелял из лука, пока тот не сломался.

Один из курайшитских всадников добрался до скалы, где Мухаммед оборонялся. Прежде чем противник успел поразить его, Мухаммед вырвал копье у телохранителя и ударил нападавшего в шею.

Но новые воины устремились вперед. Они были готовы погибнуть, лишь бы убить Мухаммеда. Только мечи Омара и Али удерживали их. В воздухе летели стрелы, камни и копья. Мухаммед получил удар в рот, затем сильный удар в голову — металлическая застежка шлема врезалась в щеку. Другой снаряд глубоко рассек лоб.

Мекканец Ибн Камиа, который уже убил знаменосца мусульман Мусаба, сумел проскользнуть мимо защитников и бросился на Мухаммеда с мечом. В этот момент Тальха ибн Убайдаллах, один из первых обращенных и родственник Абу Бакра, заслонил Мухаммеда собой и отбил удар. В столкновении Мухаммед упал и потерял сознание.

Ибн Камиа, не проверив результат, побежал вниз по склону, крича, что убил Мухаммеда.

Парадоксальным образом этот слух спас остатки мусульманской армии от полного уничтожения. С одной стороны, многие мусульмане прекратили попытки контратаки, считая дело потерянным. С другой — исчез главный мотив курайшитов продолжать бой.

Война по-прежнему воспринималась как расплата за кровные счеты. Абу Суфьян вышел прежде всего ради мести Мухаммеду и удовлетворения Хинд, желавшей смерти Хамзы. Если Мухаммед якобы мертв, а Хамза действительно погиб, главные цели можно считать достигнутыми. Абу Суфьян приказал прекратить преследование одиночных мусульман и собрал людей вокруг знамени.

Мухаммед был лишь оглушен. Раненый Тальха вместе с Омаром и Абу Бакром помог перенести его в расщелину среди скал, где укрылись другие мусульмане. Увидев, что он жив, они сразу воспряли духом и были готовы снова идти в бой.

Мухаммед остановил их. За последний час он слишком близко подошел к смерти и не видел смысла приближаться к ней снова. Кроме того, армии почти не осталось. Сначала нужно было прийти в себя.

В щеку все еще впивались металлические звенья застежки шлема. Али принес воду в щите, и началась болезненная процедура. Только Абу Убайда, один из ранних обращенных, сумел зубами вытянуть застрявшие части металла из раны.

Когда раны перевязали, Мухаммед надел другой шлем и посмотрел на поле боя. Внизу Абу Суфьян и его люди обследовали тела погибших, очевидно желая узнать, кого из важных мусульманских руководителей они убили. Кроме Хамзы и Мусаба ибн Умайра, среди мертвых не было ближайших помощников Мухаммеда, и самого Мухаммеда нигде не находили.

Наконец Абу Суфьян посмотрел на склон Ухуда и увидел людей возле расщелины. Он крикнул:

— Эй! Мухаммед! Абу Бакр! Омар!

Мухаммед жестом приказал молчать. Не получив ответа, Абу Суфьян добавил:

— Значит, все мертвы и мы избавились от них!

Омар не выдержал насмешки. Несмотря на жесты Мухаммеда, встал и прокричал:

— Ничего подобного! Мы живы и готовы сражаться с любым из вас!

Мусульмане приготовились к новой атаке, но Абу Суфьян не принял вызов. Вместо этого он крикнул:

— Этот день — расплата за Бадр! Слава Хубалу! Хубал наш, не ваш!

Омар ответил:

— Аллах наш, не ваш!

Абу Суфьян крикнул:

— Через год снова встретимся у Бадра!

Омар ответил:

— Иншааллах — если пожелает Бог.

После этого Абу Суфьян построил людей и увел их в сторону Мекки.

Когда последний курайшит исчез из виду, Мухаммед осторожно спустился на поле боя. Он понимал, что отход может быть уловкой, но хотел узнать, кто погиб. Вид тел Хамзы, Мусаба и многих других вызвал у него слезы. Он приказал не переносить мертвых далеко и похоронить их там, где они пали.

На месте Ухуда и теперь можно видеть десятки простых могил — небольшие кучи красного песчаника с камнями у головы и ног. Только Хамзе был сооружен заметный мавзолей с мечетью. Рядом, по непонятной причине, находилась могила Абдаллаха ибн Джахша, командира рейда в священный месяц.

После погребения Мухаммед разбил лагерь прямо на поле. Большинство выживших уже вернулось к нему. Из Медины пришли мужчины и женщины, среди них Фатима, желая узнать, правда ли, что Мухаммед погиб. Они испытали огромное облегчение, увидев его живым, но он предупредил: благодарить за спасение рано, пока неизвестно, что задумал Абу Суфьян. Если тот решит повернуть и разграбить Медину, остановить его почти нечем.

Но Абу Суфьян не вернулся. Курайшиты не имели особой вражды к самим мединцам. Их ненависть была сосредоточена на Мухаммеде

и его мекканских родственниках, которых они считали предателями старой Мекки. Хамза был убит; в следующий раз они надеялись добраться до Мухаммеда, Омара или Абу Бакра. К тому же им не хотелось входить глубоко в оазис, где их могли окружить. Армия была утомлена. Поэтому она медленно двинулась в Мекку.

Мухаммед повел остатки сил обратно в Медину. Город был наполнен плачем женщин, потерявших мужей, сыновей, отцов и братьев. Он не запрещал скорбь. Сразу отправился в свои комнаты, где его ждали Аиша, Хафса и Сауда. Они промыли раны, принесли еду и чистую одежду.

Мухаммед почти не говорил. Он был изнурен и испытывал боль, но не выглядел сломленным. После нескольких часов тяжелого сна он поднялся с новой энергией и снова вооружился.

Он послал за Билялем и велел созвать людей в мечеть.

После молитвы Мухаммед объявил, что немедленно идет вслед за курайшитами. Прежде чем люди успели осмыслить услышанное, он собрал тех, кто участвовал в Ухуде, и уже выходил из оазиса.

К вечеру второго дня мусульмане догнали мекканцев. Мухаммед остановил людей и разбил лагерь. Когда стемнело, он приказал зажечь сотни костров вдоль гребня над лагерем противника.

Эффект оказался именно таким, как он надеялся. Абу Суфьян решил, что Мухаммед собрал свежие резервы Медины и теперь идет мстить за Ухуд. Он свернул лагерь и поспешил на юг, чувствуя себя в безопасности только за стенами Мекки.

Убедившись, что уловка сработала, Мухаммед повернул назад и поспешил в Медину с рассказом, что курайшиты на деле не храбрее, чем при Бадре.

Этот манёвр — один из самых замечательных эпизодов его карьеры, пример тонкого понимания человеческой психологии.

При Ухуде мусульмане потерпели тяжелое поражение не из-за плана Мухаммеда, а из-за неповиновения лучников. Но поражение оставалось поражением, и престиж Посланника Аллаха мог сильно пострадать. Мухаммед отказался вести себя как побежденный. Вместо того чтобы позволить утомленным людям разойтись по домам, обсуждать поражение и жаловаться, он, сам раненый и измученный,

снова посадил их на лошадей и верблюдов и повел вслед за врагом так, будто преследует разбитую армию.

Вернувшись в Медину, он сохранил такой же тон. После благодарственной молитвы поднялся на место проповедника и заявил, что при Ухуде все произошло так из-за непослушания его людей. Если бы они выполнили приказ, победа была бы столь же несомненной, как при Бадре.

Затем он сказал одну из важнейших вещей. Какая бы помощь ни приходила от Бога, сам Мухаммед остается человеком. Аллах избрал его посланником, но не сделал божественным или бессмертным. На поле боя он увидел, как слух о его смерти мгновенно вызвал панику. Такого больше не должно быть.

Он рано или поздно умрет. Неужели вера должна исчезнуть вместе с ним? Разве рай обещан верующим только на время жизни их руководителя?

В Коране эта мысль передана словами: Мухаммед — лишь посланник, до него уже уходили другие посланники; если он умрет или будет убит, неужели верующие повернут назад? Тот, кто повернется, не причинит вреда Богу, а верные получат награду.

После проповеди Мухаммед медленно прошел между молчавшими людьми. Год назад они радовались добыче Бадра. Теперь радость была тише, но, возможно, глубже: они видели, что их руководитель не оставит их даже после поражения.

ГЛАВА XIII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ В МЕДИНЕ

(625–626 годы после Рождества Христова)

Преследование курайшитов после Ухуда и откровенный разбор поражения вернули Мухаммеду значительную часть авторитета среди мусульман. Но в глазах Абдаллаха ибн Убайя, иудейских племен и других немусульман Медины его положение ухудшилось. Соседние кочевые племена тоже начали сомневаться в его силе.

Мухаммед решил быстро исправить впечатление. Он понимал: именно когда выглядишь слабым, особенно важно показать твердость.

Во время битвы при Ухуде один из мусульман, аль-Харис, воспользовался общей суматохой, чтобы свести старую кровную вражду и убить человека из собственного войска. Об этом сообщили Мухаммеду. Он не стал действовать немедленно, но когда положение успокоилось, приехал в Кубу, где жил аль-Харис.

Тот вышел приветствовать своего предводителя, не ожидая беды. Мухаммед прямо обвинил его в убийстве. После признания аль-Харис был казнен.

На фоне огромных событий это может показаться мелочью, но для Мухаммеда вопрос был принципиален: настоящий руководитель должен быть справедлив, беспристрастен и силен. У него и без того было мало людей, и каждый боец был ценен, но он не мог позволить мусульманам считать, что принадлежность к избранной общине дает право самим устанавливать закон.

Такую же жёсткость проявляли великие полководцы от Ганнибала и Цезаря до Наполеона и Веллингтона. Дисциплина будет одной из причин последующих побед мусульман.

В этот же период, когда один из мусульман по ошибке убил двух дружественных людей, Мухаммед немедленно выплатил полную кровную компенсацию.

Такими поступками он показывал: поражение при Ухуде не изменило его убеждения, что он остается Посланником Аллаха и исполняет поручение свыше.

Большинство мединских мусульман это приняло, однако соседние племена решили, что наступил подходящий момент испытать его положение.

Жители Адала и Кары, двух поселений недалеко от Медины, прислали посольство с просьбой направить к ним учителей ислама. Не подозревая обмана, Мухаммед отправил миссионеров без охраны. По дороге на них напали те, к кому они собирались. Часть была убита, остальных пленили. Когда пленные отказались отречься, их передали курайшитам в Мекке, где их казнили.

В том же месяце случилось сходное предательство. Другой племенной вождь попросил объяснить его людям ислам. На этот раз Мухаммед отправил более крупную и вооруженную группу. Но ее в пути подкараулило третье племя и почти полностью уничтожило. Только одному человеку удалось добраться до Мединой с известием.

Мухаммед был глубоко огорчен и разгневан. В мечети он публично проклинал убийц:

— О Господь, в гневе Своем сокруши Бану Риаль, Бану Закван и Бану Лихьян! Сделай их годы подобными семи тяжелым годам Иосифа, ибо они восстали против Бога и Его Посланника!

Эти проклятия он повторял во время молитв на протяжении месяца.

Затем он выступил со своими людьми в пустыню, чтобы показать, что умеет не только кричать, но и наносить удары. Племенам это не понравилось, и они редко встречали его в открытом бою. Обычно они отступали так поспешно, что бросали животных. Мухаммед забирал их и гнал в Медину, ещё раз подтверждая свою мысль: наступательные действия окупаются, даже когда для них нет достаточных оснований.

Однако кроме курайшитов и бедуинов у него были и другие противники. Иудеи сочли неудачу мусульман при Оходе удобным моментом, чтобы вновь открыто бросить вызов претензиям Мухаммеда на власть в Медине. Мухаммед выступил против них столь же быстро и энергично, как прежде против пустынных кочевников.

Из двух еврейских племен, остававшихся в районе Мединой, наиболее открыто выступали Бени ан-Надир. Мухаммед даже подозревал их в заговоре с целью его убийства. Он не стал проводить

расследование и не вступал в переговоры. Вместо этого отправил посланника с совершенно недвусмысленным приказом:

«Так говорит Посланник Господа. В течение десяти дней вы должны покинуть мою землю. Всякий, кто останется после этого срока, будет предан смерти».

Иудеи были ошеломлены и возмущены. За сотни лет, прожитых ими в этих местах, никто не предъявлял им подобного ультиматума. Они не знали, что делать. Тут на сцене появился тот самый лицемерный возмутитель спокойствия Абдалла ибн Убей. Он посоветовал иудеям оставаться на месте. Если Мухаммед хочет изгнать их, пусть попробует это сделать! Он дал понять, что, если Мухаммед попытается исполнить угрозу, он поддержит их. Ободренные евреи отказались подчиниться.

Именно этого Мухаммеду и было нужно. Через несколько часов после отклонения ультиматума он уже стоял у укрепления Бени ан-Надир на окраине Медины. С ним пришли его воины. Среди них шел Али, неся уже иссеченное в боях знамя ислама.

Иудеи защищались хорошо и отбили первые атаки мусульман. Но запасов для долгой осады у них не было, и без помощи Абдаллы их ожидал голод. Именно так и случилось.

Абдалле нужно было лишь создать Мухаммеду неприятности. Добившись этого, он остался дома. Другое еврейское племя Медины, Бени Корайза, также не сочло нужным вмешиваться. Поэтому, когда Мухаммед приказал вырубить финиковые пальмы Бени ан-Надир и разорить их сады, те капитулировали.

Вновь началось переселение евреев. Оно прошло организованно. Многие изгнанники ушли даже в Иерихон, но немало их присоединилось к другой еврейской общине в Хайбаре, менее чем в ста милях от Медины. Вскоре они обнаружили, что это было ошибкой.

У Мухаммеда теперь сложилась вполне определенная политика в отношении иудеев. Если они не хотели сохранять мир и признавать его власть, он не желал видеть их поблизости. Он не мог позволить себе врагов у самого порога. С уходом каждого еврейского племени из Медины он чувствовал себя безопаснее. Хайбар пока еще не стоял в его ближайших планах, как и Бени Корайза. Но их очередь должна была прийти.

Проводя такую местную «чистку дома», Мухаммед не забывал и вызов Абу Софьяна — вернуться к Бадру в годовщину Охода и снова

сразиться. Мухаммед явился на условленное место. Абу Софьян — нет.

В тот год была засуха, и мекканцы испытывали серьезные трудности. Абу Софьян не мог вести и снабжать большую армию вдали от базы. Тем не менее он распространил слух, будто собирает огромные силы. Он даже вывел из Мекки две с половиной тысячи человек, устроив демонстрацию, но дальше нескольких миль в пустыню не пошел. Он надеялся, что свежая память об Оходе удержит мусульман за стенами Медины.

Блеф едва не удался. Мусульманам не хотелось снова рисковать безрассудно. Но Мухаммед высмеял их робость. Он по-прежнему считал, что слабость нужно прикрывать решительностью. Не вступая в споры, он приказал всем боеспособным мужчинам явиться в строй. Собралось около полутора тысяч арабов, вооруженных кто чем.

Это были крупнейшие силы, когда-либо выставленные мусульманами: в пять раз больше, чем в первом сражении, и вдвое больше, чем во втором. Мухаммед остался доволен. Сев на верблюда, он повел войско из Медины к Бадру.

Там как раз проходила ярмарка, и мусульмане, не найдя противника, занялись выгодной торговлей. Пробыв у Бадра неделю и так и не увидев Абу Софьяна, Мухаммед с людьми вернулся в Медину. Их боевой дух был почти столь же высок, как после великой победы. И они, разумеется, не забывали рассказывать, что курайшиты не явились на назначенный реванш.

Курайшиты были унижены. Они много шумели и грозили, но на деле ограничились обещаниями вскоре устроить новый Оход. Мухаммеда это не тревожило. Каждый день приносил новых обращенных, и с каждым днем он все увереннее чувствовал себя и своих последователей. Он начал проводить реформы и вводить законы, которые давно обдумывал.

Одним из дел, требовавших срочной реорганизации, была конница. Выходить в бой всего с двумя лошадьми было не только унизительно, но и ставило мусульманскую армию в серьезно невыгодное положение. Поэтому Мухаммед создал центры разведения лошадей и даже запретил разведение мулов, чтобы увеличить поголовье коней. Из этого небольшого начала впоследствии выросли знаменитые сарацинские конные части — легковооруженные, быстро передвигающиеся отряды, которые

должны были наносить сокрушительные удары римским и греческим построениям и стать угрозой тяжеловооруженным рыцарям-тамплиерам.

Разобравшись с военными усовершенствованиями, Мухаммед обратился к гражданским делам. Как недостатки конницы выявились практикой, так и другие вопросы нового государства возникали из самой жизни. Одним из них было наследственное право.

Среди мусульман, погибших при Оходе, был Саад ибн ар-Раби. Он оставил вдову и двух дочерей, но по обычаям того времени все наследство получил его брат. Вдова не имела законных средств защиты, да и никто не считал ее положение необычным или несправедливым. Но она знала, как Мухаммед относится к людям, погибшим за ислам, и, собрав немного денег, устроила обед, на который пригласила Посланника.

Когда подали свежие финики и гости удобно расположились на коврах, она рассказала почетному гостю о своем положении. Мухаммед сразу заинтересовался. Он попросил женщину прийти к нему еще раз, обещав вынести решение.

Позднее он получил откровение, на основании которого велел брату погибшего отдать две трети имущества дочерям Саада и одну восьмую — вдове. Из этого решения развились подробные правила наследования, не позволявшие завещать все имущество одному наследнику или оставлять кого-либо из членов семьи без средств. Эти положения изложены в четвертой суре Корана и с тех пор соблюдались мусульманами.

Мухаммед занялся также проблемой рабства. Полностью отменить его он не мог, как не мог отменить и многоженство, но смягчил соответствующие нормы и поощрял освобождение рабов. Он распорядился освобождать тех, кто принимал ислам, и добавил, что освобожденный раб не должен носить какого-либо позорного клейма. В исламе и тогда, и теперь вольноотпущенник получал те же возможности, что мужчина или женщина, рожденные свободными.

Для тех, кто оставался в рабстве, Мухаммед установил особые наставления. Он советовал:

«Кормите их той же пищей, какую едите сами, и одевайте их в то, во что одеваетесь сами, ибо они — слуги Господа и не должны подвергаться мучениям».

И еще:

«Сказать ли вам, кто худший среди вас? Тот, кто ест один, бьет рабов и никому ничего не дает».

Мухаммед никогда не был любителем выпивки. Даже на свадебном пире после женитьбы на Хадидже он не притронулся к алкоголю. Но среди арабов — и мусульман, и немусульман — никакого общего запрета на спиртное тогда не существовало. Вскоре после Бадра у Мухаммеда возникла неприятность с Хамзой, который выпил слишком много пальмового вина. При Оходе некоторые солдаты были пьяны.

В Коране вопрос поначалу оставался открытым. В одном из аятов второй суры говорится:

«Они спросят тебя о вине и жеребьевке. Скажи: в них есть великое зло и некоторая польза для людей, но зло их больше пользы».

Позднее Мухаммед убедился, что арабы не настолько владеют собой, чтобы придерживаться умеренности. Случалось, что из-за опьянения они неправильно совершали молитвенный ритуал. Тогда он издал определенный запрет. В пятой суре Корана появилось повеление:

«О вы, которые уверовали! Поистине, вино и метание жребия — мерзость из дел сатаны. Избегайте этого, чтобы преуспеть. Поистине, сатана желает посредством вина и азартных игр посеять между вами вражду и ненависть».

Среди мусульман, живущих в мусульманских странах, доля употребляющих вино или крепкие напитки невелика; даже те, кто позволяет себе алкоголь во время путешествий за границей, нередко отказывается от него по возвращении домой.

Примерно в это же время Мухаммед ввел умеренную форму сокрытия женщин от посторонних взглядов. Уединение замужних женщин и девушек брачного возраста давно существовало на Востоке и практиковалось также в Греции. Но если еврейские женщины закрывали лица, то арабки обычно этого не делали. По моему мнению, введение Мухаммедом подобных правил первоначально объяснялось прежде всего его личными обстоятельствами.

Он становился старше. Большинство его жен были менее чем вдвое моложе его. Это были привлекательные, красивые, темпераментные молодые женщины. К Мухаммеду постоянно приходили мужчины: одни с просьбами, другие с юридическими или религиозными вопросами, многие просто засвидетельствовать

почтение Учителю. Однако некоторые являлись не столько к нему, сколько для того, чтобы взглянуть на молодых жен Посланника.

Мухаммед это замечал, но без особого предписания было трудно отгородить семейные помещения от посетителей. Поэтому, как и в других затруднительных случаях, он обратился к Богу и получил откровение. Оно предписывало верующим входить в жилище Пророка лишь по приглашению, не засиживаться после еды за непринужденной беседой, а когда им нужно что-либо спросить у жен Пророка — делать это из-за занавеса.

Таким образом, занавес стал первым ограничением, первой преградой между мужчинами и женщинами. Позднее Мухаммед постановил, чтобы женщины, выходя из дома, как можно меньше выставляли себя напоказ. В тридцать третьей суре содержится обращение:

«О Пророк! Скажи своим женам и дочерям и женам верующих, чтобы они плотнее запахивали на себе свои покрывала. Так будет лучше, чтобы их узнавали как достойных женщин и относились к ним с почтением».

Со временем это покрывало превратилось в почти саванообразную одежду, которой мусульманки закрывались, выходя из дома. Но произошло это значительно позднее первых лет ислама, а строгая изоляция гарема сравнительно позднего происхождения и первоначально не была арабским обычаем.

Единственными женщинами, которые никогда не следовали этим конкретным наставлениям Посланника, оставались кочевницы. Тогда, как и позднее, они не закрывали лицо. Впрочем, встретиться лицом к лицу с женщиной-кочевницей, не состоящей с мужчиной в близком родстве, было трудно: они обладали удивительной способностью незаметно исчезать из поля зрения или мгновенно «набросить на себя часть покрывала».

Но жены Мухаммеда не были кочевницами. Это были городские девушки, любившие жизнь не меньше других женщин своего возраста. И число их продолжало расти.

За браком Мухаммеда с Хафсой вскоре последовал другой, который был скорее актом долга, чем любовным союзом. Невестой стала вдова Обейды ибн аль-Хариса, двоюродного брата Мухаммеда, павшего при Бадре. Ее звали Зейнаб бинт Хузайма. Это была достойная женщина средних лет, известная добрыми делами.

Мухаммед принял ее в свой дом скорее из сострадания. Она не причиняла беспокойства ни Аише, ни Хафсе и умерла через восемь месяцев после свадьбы.

Следующий брак был совсем иного рода и сильно встревожил двух молодых жен. Новая супруга была красива, горда и знатна. Ее муж Абу Салама играл заметную роль при Оходе и был там ранен. Умм Салама, как ее называли, преданно ухаживала за мужем после битвы, но он умер. Мухаммед был к нему привязан и тяжело переживал его смерть. Жена тоже любила Абу Саламу и поклялась никогда больше не выходить замуж. Но перед смертью муж сказал ей, что она не должна связывать себя такой клятвой.

У столь замечательной женщины не было недостатка в женихах. Когда после похорон прошло положенное время, ей по очереди предложили брак Абу Бакр и Омар, но она отказалась. Мухаммед выждал еще немного и сделал предложение сам. Умм Салама снова отказала. Она привела целый ряд причин: она уже немолода, у нее дети, она ревнива и не любит гаремную жизнь.

Мухаммед ответил на первое возражение тем, что сам значительно старше ее. Детей, сказал он, он с радостью примет как отец. Что до ревности, то молитва и помощь Аллаха позволят ее укротить. «Ибо ревность пожирает добродетель, как огонь пожирает топливо», — сказал он. После долгих уговоров и ухаживаний Умм Салама уступила. Свадьба состоялась в марте 626 года, через месяц после брака с незаметной Зейнаб бинт Хузаймой.

Аиша и Хафса приняли этот брак плохо. Новую жену встретили с требуемой вежливостью, но ясно дали понять, что вполне обошлись бы без нее. Аиша призналась Хафсе, что чрезвычайно раздосадована: она много слышала о красоте Умм Саламы и с огорчением увидела, что та даже красивее, чем говорили. Хафса утешала подругу: да, Умм Салама красива, но ведь она уже стара; в таком возрасте красота быстро увядает. Она советовала Аише приберечь ревность для соперницы, которая действительно того стоит.

Умм Салама с удовольствием наблюдала, какое впечатление ее появление произвело на любимицу Мухаммеда, и ничего не делала, чтобы сгладить напряжение. Скоро между двумя женщинами началась необъявленная война. Причем начавшись как чисто семейная ссора, она со временем превратилась в политический раскол, следы которого сохранились в мусульманском мире.

Поскольку Аиша и Хафса были формально вежливы, но явно враждебны, Умм Салама искала женского общества у Фатимы — дочери Мухаммеда и жены Али. Ни Аиша, ни Хафса не были близки с Фатимой, скромной, неприметной и, более умной, чем средняя арабская женщина того времени. Она была моложе Умм Саламы, однако ощущала с ней большее внутреннее родство, чем с остальными женщинами семьи.

Так, когда две жены с одной стороны и жена с дочерью — с другой соперничали за расположение одного мужчины, были посеяны семена упорного династического соперничества.

Хотя ни Аиша, ни Хафса тогда этого не сознавали, они как бы представляли принцип назначаемого или избираемого халифата: отец Аиши Абу Бакр станет первым халифом, отец Хафсы Омар — вторым.

Фатима, напротив, представляла наследственный принцип. Али станет четвертым халифом, а его сыновья будут единственными мужскими потомками Мухаммеда. Умм Салама и другие жены, примкнувшие к антиаишинской стороне главным образом из-за личных отношений, тем самым предвосхищали будущих Фатимидов и шиитов.

Фатимиды были династией; шииты — религиозным направлением, считавшим, что духовное наследие Мухаммеда перешло к Али и его потомкам. Те же, кто связывался с линией Аиши, стали предшественниками Омейядов и суннитов: Омейяды были династией, а сунниты — религиозным направлением, утверждавшим, что халифат не ограничен семьей Мухаммеда.

В то время, однако, речь шла лишь об обычной ревности Аиши и колкостях Умм Саламы. Возможность вывести из себя дочерей могущественных Абу Бакра и Омара, да еще видеть ухаживания Посланника, вполне удовлетворяла ее. Единственное, чего она не учла, — склонность мужа обращать внимание на других женщин.

Следующая женщина, привлекшая Мухаммеда, потрясла гарем еще сильнее, чем Умм Салама. Более того, эта история удивила всех и стала предметом критики и сплетен за пределами семьи. Ее тоже звали Зейнаб, но она не имела отношения к другой Зейнаб, которая в то время уже находилась при смерти.

Эта Зейнаб была внучкой Абд аль-Мутталиба и двоюродной сестрой Мухаммеда по материнской линии. Она переселилась в Медину немного раньше Мухаммеда, но по какой-то причине, хотя ей

было уже почти тридцать, оставалась незамужней. Вскоре после хиджры Мухаммед обручил и выдал ее замуж за своего друга и освобожденного раба Зайда ибн Харису.

Зайд был невзрачен: невысок, с приплюснутым носом, необразован. Кроме преданности исламу и своему господину и большой личной храбрости, ему, было мало что предложить красивой и знатной Зейнаб. Она согласилась на брак лишь потому, что на нем настоял Мухаммед, но почти не проявляла интереса к Зайду. Сам Зайд не был искусен в отношениях с женщинами и не умел справляться с избалованной женой.

Однажды Мухаммед пришел навестить Зайда. На стук и зов никто не ответил, и он вошел в дом. Там он неожиданно увидел Зейнаб полуодетой. Зрелище произвело на него такое впечатление, что он воскликнул:

«Хвала Аллаху, изменяющему сердца!»

После этого он поспешно удалился, смущенный.

Зейнаб заметила выражение глаз Мухаммеда, услышала его слова и уловила, каким тоном они были произнесены. Она поняла, к чему это может привести. Поэтому, как только муж вернулся, подробно рассказала ему о случившемся, не упуская деталей и добавив несколько от себя.

Как она и ожидала, первой мыслью Зайда был его любимый господин. Он сразу отправился к Мухаммеду и предложил развестись с женой. Самоотверженность Зайда тронула Мухаммеда, но тот велел ему вернуться к Зейнаб и больше об этом не думать.

У Зейнаб, однако, были другие планы. Она знала отношение Мухаммеда к женщинам и была почти уверена, что нравится ему. Кроме того, она давно устала от Зайда и хотела жить так, как, по ее мнению, полагалось женщине ее происхождения. Она стала делать жизнь мужа настолько тяжелой, что, спасаясь от постоянного давления, Зайд в конце концов развелся с ней.

Мухаммед выждал установленный после развода срок и взял Зейнаб в свой гарем. Тогда и начался скандал.

Главными зачинщицами стали две молодые жены. Отрицая, что ими движет ревность, они стали утверждать, что союз кровосмесительный. Зайда называли сыном Мухаммеда, а значит, жениться на его бывшей жене, по их словам, противоречило всем обычаям. Это был скандал, позор, нечто недопустимое.

Конечно, Зайд не был родным сыном Мухаммеда. Он был усыновлен и объявлен наследником одновременно с освобождением из рабства, но кровного родства между ними не существовало. Тем не менее его постоянно называли сыном Мухаммеда, и многие мусульмане не знали подробностей усыновления. Поэтому, когда Аиша и Хафса подняли возмущенный шум, к ним присоединились и люди в мечети.

Мухаммед оказался в затруднении. Но вскоре последовало откровение. Оно ясно проводило различие между усыновленным и родным сыном и, кроме того, указывало, что вдова или разведенная жена усыновленного сына не относится к числу женщин, с которыми запрещен брак.

Молодые жены были недовольны. Аиша резко сказала мужу:

«Господь спешит исполнять твои желания!»

Но это ничего не изменило. Зейнаб была в восторге. Она всем рассказывала, что Аллах соблаговолил вмешаться в ее судьбу и, вероятно, Сам устроил этот брак. Аиша смеялась, Хафса тоже, однако обе были всерьез раздражены.

Для западных читателей, особенно для тех, кто не склонен видеть в Мухаммеде ничего хорошего, история брака с Зейнаб становится поводом воскликнуть: «Вот видите! Чего еще можно было ждать от этого великого обманщика?»

Но, по моему мнению, такие критики рассматривают дело не с той стороны. Они не пытаются перенести себя ни в общество той эпохи, ни вообще в общество Востока. Для арабов даже середины XX века, для могущественных людей вроде Ибн Сауда или правителей вроде султана Марокко, история Зейнаб не представлялась чем-то немыслимым; подобные эпизоды вполне могли повторяться в их собственной жизни. Если бы Аиша сама не расставила точки над i, возможно, в Медине 626 года никто вообще не стал бы придавать этому особого значения.

В те времена, а в некоторой степени и позже, сексуальная сторона жизни занимала в арабском обществе гораздо более открытое место. Это не была запретная тема, как во многих западных обществах. Ее рассматривали как приятную, волнующую и вдохновляющую, но вместе с тем совершенно естественную функцию человеческой жизни.

Западная скрытность в вопросах пола нередко озадачивала арабов. Они понимали, что мужчины и женщины Европы и Америки по своей

природе ничем фундаментально от них не отличаются и испытывают те же чувства, однако публично относятся к взаимному физическому влечению мужчин и женщин почти как к тайному пороку. Поэтому многим биографам отношения Мухаммеда с Зейнаб, Аишей или Джувайрией бинт аль-Харис — пленницей, за которую не был внесен выкуп и которая вслед за Зейнаб стала восьмой женой Мухаммеда, — казались чем-то ненормальным.

Они не были более необычными, чем брачные обычаи других правителей той части света, включая Давида и Соломона. Гарем Мухаммеда никогда не приближался по размерам к гарему Соломона, а история Зейнаб куда скромнее библейских историй Вирсавии или Ахиноам.

Семейную жизнь Мухаммеда нельзя оценивать исключительно с западной точки зрения или по нормам, сложившимся в христианском обществе. Эти мужчины и женщины не были западными людьми и не были христианами. Они жили в эпоху и стране, где действовали собственные представления о нравственности. Нет самоочевидной причины считать нормы Европы и Америки безусловно выше арабских. Запад способен многое дать Востоку, но и сам может у него многому научиться; пока он не доказал превосходство собственной морали, ему следовало бы осторожнее судить другие верования, сословия и народы.

ГЛАВА XIV

ОСАДА МЕДИНЫ

(627 год после Рождества Христова)

В мединский период вокруг Мухаммеда было много женщин. Однако на его официальную или духовную деятельность они почти не влияли. Аиша могла досаждать ему, радовать его, помогать расслабиться, но не участвовала в формировании государственной политики или новой религии. И череда браков 626-627 годов не превратила Мухаммеда в человека, поглощенного женщинами, и не сделала его мягким. Когда наступал момент действовать, он снова становился вождем, организатором и вдохновителем.

В 627 году пришла весть: мекканцы снова готовятся к войне. Они не явились на условленную встречу у Бадра, но это вовсе не означало, что забыли распрю с Мухаммедом. Всю предыдущую зиму Абу Софьян собирал огромные силы, достаточно многочисленные, как он надеялся, чтобы обеспечить победу.

Он заключил союз с могущественными арабами Гатафана — воинственным и влиятельным племенем Аравийской пустыни. Поддержку ему оказали и те из Бени ан-Надир, кто после изгнания поселился в оазисах Хайбара. Они, в свою очередь, привлекли других евреев, желавших избавить страну от опасного реформатора и гонителя иудеев. К знамени курайшитов присоединились и несколько кочевых групп, ранее подвергшихся набегам мусульман.

Когда Абу Софьян собрал войско за пределами Мекки, оказалось, что оно насчитывает десять тысяч человек. Почти у каждого был свой верблюд, триста воинов сидели на конях, и лишь немногие не имели доспехов. Проезжая вдоль сверкающих рядов, Абу Софьян испытывал гордость и уверенность. Казалось, уничтожение мусульман — лишь вопрос встречи на поле боя. Именно такой встречи Мухаммед и решил не допустить.

Его армия выросла до трех тысяч человек, но была вооружена далеко не лучшим образом. Конница оставалась неопытной и насчитывала не более пятидесяти всадников. По сравнению с прежними двумя лошадьми это было огромным шагом вперед, но все

равно недостаточным. Верблюдов также не хватало, чтобы перевозить все войско.

К этим недостаткам прибавлялся Абдалла ибн Убей, готовый, если дела мусульман пойдут плохо, ударить им в спину. Кроме того, было неясно, соблюдут ли оставшиеся в Медине иудеи договор с Мухаммедом. Наконец, на боевой дух воинов давила память о тяжелом поражении при Оходе. С любой точки зрения было бы безрассудством выйти в пустыню и бросить вызов столь превосходящему и лучше вооруженному противнику. Оставался вариант обороны Медины. Но и это было непросто.

На значительном протяжении крайние дома города стояли настолько плотно, что фактически образовывали непроходимую стену. С севера подступы защищала гряда крутых скал. В тылу Мухаммеда находилось последнее оставшееся в Медине еврейское племя — Бени Корайза. Оно занимало укрепленную позицию, которую неприятелю пришлось бы брать прежде, чем пройти дальше. Но станет ли племя действительно ее защищать? Мухаммед этого не знал. Ему приходилось исходить из того, что станет, и создавать впечатление, будто он полностью рассчитывает на союзников.

Главной проблемой оставались незащищенные южная и юго-восточная стороны города, где улицы переходили в сады оазиса. Здесь энергичная атака могла прорваться в Медину и сделать бесполезными остальные укрепления.

Выход из положения подсказал перс по имени Салман. Он прежде был христианским рабом и попал в Медину через еврея-хозяина. Принятие ислама принесло ему свободу и сделало преданным сторонником Мухаммеда. Получив возможность отплатить за то, что ислам сделал для него, он предложил план.

На своей родине и в Месопотамии Салман видел осадную войну. Поэтому для него было естественно предложить вырыть вдоль открытой стороны города широкий и глубокий ров.

Сегодня эта мысль кажется очевидной, но для арабов она была новой. Они привыкли сражаться лицом к лицу. Метод казался настолько необычным, что первой реакцией некоторых соратников Мухаммеда было обвинение в трусости. Однако положение было слишком серьезным, чтобы рассуждать о рыцарской этике. Город

следовало защищать самым действенным способом, и Мухаммед принял предложение Салмана.

Времени почти не оставалось. Курайшиты уже шли к Медине. Огромные размеры армии замедляли их движение, но укрепления все равно требовалось закончить за считанные дни. Не хватало инструментов, не было инженеров и даже рабочих, когда-либо выполнявших подобную задачу. Единственным человеком, понимавшим устройство траншей, был Салман. И он оказался на высоте.

При участии Мухаммеда работа началась. Салман объяснял, показывал и исправлял ошибки, а Мухаммед с огромной энергией сам копал, рубил землю киркой и выносил грунт. Раздевшись до пояса, с волосами, падавшими на плечи, и бородой на груди, он подбадривал людей словами, песнями и собственным примером.

Постепенно перед уязвимым подступом к Медине протянулся глубокий ров, слишком широкий, чтобы лошадь могла его перепрыгнуть. Когда на соседних холмах показались первые разведчики Абу Софьяна, траншея была готова.

Мухаммед и его командиры вооружились и вывели три тысячи мусульманских воинов на позиции за рвом. Вновь сформированный конный отряд оставили в центре как резерв на случай чрезвычайной ситуации. Задолго до того, как противник вышел на мединскую равнину, защитники уже ожидали атаки.

Курайшиты знали о таком способе обороны не больше, чем сами мусульмане неделю назад. Они двинулись вперед большой массой, рассчитывая смять значительно меньшую мединскую армию. Поэтому их удивление было огромным, когда наступление остановил ров, а лучники Мухаммеда начали стрелять по ним почти в упор. Курайшиты поспешно отступили и расположились за пределами дальности стрел.

Несколько дней обе армии лишь наблюдали друг за другом. Курайшиты выкрикивали насмешки и оскорбления, обвиняя мусульман в том, что те ведут войну «не по-спортивному». Мусульмане отвечали стрелами и градом камней, но настоящего рукопашного боя не происходило.

Абу Софьян рассчитывал разбить Мухаммеда за день и вернуться в Мекку максимум через десять дней. Теперь он начал терять

терпение. Союзникам он обещал легкую и быструю добычу и понимал, что затянувшееся противостояние уже ставят ему в вину. Он чувствовал, как распространяются разочарование и недовольство. Если так пойдет дальше, те части войска, которые пришли ради добычи, просто вернутся на свои пастбища и забудут о споре с Мухаммедом.

Поскольку ров явно нельзя было преодолеть прямой атакой, требовалось искать другое направление. Самым слабым местом Мухаммеда казалось еврейское укрепление в тылу. Если склонить Бени Корайза на сторону курайшитов, ров потеряет значение.

Поначалу евреи не хотели слушать предложение Абу Софьяна, но затем пошли на компромисс: согласились предать мусульман, когда представится подходящий момент. Весть об этом быстро дошла до Мухаммеда. Он сразу понял, насколько отчаянным станет положение его армии в случае такого предательства, и созвал военный совет.

Практических предложений ни у кого не было, и Мухаммед изложил собственную мысль. Самыми важными союзниками мекканцев были гатафаниты. Может быть, стоит откупить их от Абу Софьяна, предложив треть урожая фиников Медины?

Предложение встретили молчанием. Впервые Мухаммед предлагал не решительный удар, а уступку. Первым заговорил Саад ибн Муаз, вождь племени ауситов Медины:

«Ты предлагаешь это по приказу Аллаха или это твоя собственная мысль?»

«Если бы это было повеление Аллаха, я не спрашивал бы вашего совета, — ответил Мухаммед, сам понимавший слабость плана. — Но мы в опасном положении, и мне кажется, что это возможный выход».

Саад покачал головой.

«О Посланник Аллаха! Когда мы вместе с гатафанитами были идолопоклонниками, они не получали наших фиников иначе как заплатив за них. Так неужели теперь, когда мы исповедуем истинную веру и тобой предводительствуемы, мы отдадим их даром? Нет, клянусь Аллахом! Если им нужны наши финики, пусть добудут их мечами».

Никто не возразил Сааду, и от плана отказались. Он напомнил, что предательство Бени Корайза пока всего лишь слух. Его племя много лет было связано с этими евреями и не имело с ними серьезных

проблем. Прежде чем предпринимать что-либо еще, разумнее выяснить их настоящие намерения.

Саад покинул совет и отправился к союзникам. В дружеской и неофициальной форме он рассказал их вождям, зачем пришел. Ответ подтвердил худшие опасения Мухаммеда. Прямого ответа они не дали, но ясно показали свое отношение к договору:

«Кто такой Мухаммед? И кто такой этот апостол Бога, чтобы мы ему повиновались? Между нами и им нет ни обязательств, ни договора».

Возвращаясь к ставке, Саад уже думал, не слишком ли поспешно высмеял предложение подкупить гатафанитов. Слова евреев были и ложными, и изменническими, но от этого положение мусульман не становилось легче. Размышлять, однако, было некогда: вернувшись, он увидел, что линия боя пришла в движение.

Пока Абу Софьян ждал, когда Бени Корайза решатся открыть ему путь в город, он приказал провести общий штурм рва. Трем курайшитским воинам удалось найти узкое место и перепрыгнуть на лошадях через траншею. Это были Икрима, сын Абу Джахля; Амр, дядя Хадиджи; и Науфаль, возглавлявший тот самый знаменитый караван, на который Ибн Джахш напал в священный месяц перед Бадром. За ними последовали еще несколько человек.

Для Мухаммеда и его людей это был напряженный момент и потенциальная угроза поражения. Но прежде чем началась паника, Али с группой мечников отрезал прорвавшихся от рва. Мухаммед одновременно перебросил подкрепление к опасному месту. Возникла короткая пауза, после которой Амр потребовал решить исход схватки поединком.

Али немедленно вышел вперед. Увидев противника, старый воин рассмеялся: он знал Али с младенчества и все еще воспринимал его как мальчика. Но Али не испугался и бросился на мекканца, который спешился и ожидал его в великолепных доспехах, с белой бородой, ниспадавшей на панцирь.

Несмотря на возраст, Амр оставался грозным фехтовальщиком. Али быстро это понял. Как бы стремительно и ловко он ни атаковал, подобраться к Амру не удавалось. Скоро Али начал отступать, лишь отражая удары, следовавшие один за другим с почти ослепительной быстротой. Казалось, Льву Аравии приходит конец.

В критический момент, когда Али фактически только защищал жизнь, Амру показалось, что кто-то нападает сзади. Он на мгновение повернул голову. Этого оказалось достаточно. Али метнулся вперед, ударил снизу и широким взмахом сабли отсек ему ногу.

Почтенный курайшит мгновение удерживался на одной ноге, проклиная Али и его род. Затем поднял отсеченную конечность и изо всех сил швырнул ее в противника. Это был его последний жест. Али едва не потерял сознание от удара, но быстро оправился и вонзил меч в Амра.

Тем временем происходили другие поединки. Саад ибн Муаз был ранен. Науфаль, пытаясь отступить, упал в ров; Аз-Зубайр, еще один племянник Хадиджи, прыгнул за ним и отрубил ему голову. Икрима сумел вернуться на свою сторону траншеи, хотя был ранен копьем. Некоторые из прорвавшихся были убиты, другим удалось уйти. В целом единственная настоящая рукопашная схватка в битве за Медину закончилась победой мусульман.

Однако Абу Софьяна это не остановило. Если ров смогли пересечь несколько человек, значит, теоретически его могли перейти и многие. С этого момента днем и ночью продолжались атаки на мусульманские позиции. То конница лавиной устремлялась к узкому участку траншеи, то лучники под покровом темноты подбирались к другому месту, выпускали стрелы и исчезали прежде, чем мусульмане успевали ответить.

Где-нибудь вдоль линии постоянно что-то происходило. У защитников не оставалось даже времени на молитву. Это особенно беспокоило Мухаммеда. При первой возможности он собирал столько людей, сколько мог, и совершал с ними молитву позади позиций. Но и тогда ритуал приходилось выполнять поспешно, не теряя бдительности.

Постепенно нервное напряжение стало сказываться. Войско проявляло признаки изнеможения. Казалось, союзникам Мекки достаточно продолжать изматывающие действия, пока мусульмане не устанут настолько, что потеряют способность сражаться. Для командиров к этому добавлялась угроза удара евреев с тыла.

Пока Бени Корайза не предпринимали ничего. Они ждали такого момента, когда смогут вмешаться почти без риска для себя. Именно эта осторожность и спасла Мухаммеда.

Поскольку по обе стороны рва находились люди из одних и тех же районов, говорившие на одном языке и не имевшие различимой военной формы, шпионам было сравнительно легко передвигаться, не вызывая подозрений. Мухаммед решил воспользоваться этим обстоятельством. Не советуясь со штабом, он отправил людей посеять недоверие между Бени Корайза и воинами Абу Софьяна. Способ был прост и чрезвычайно действенен.

Евреев предупредили: им следует убедиться, что Абу Софьян действительно намерен выполнить обещания. Иначе может получиться, что они останутся один на один с мусульманами, пока мекканцы будут наблюдать со стороны. Поэтому разумно, советовал тайный агент, прежде чем совершать необратимый шаг, потребовать от Абу Софьяна заложников.

Абу Софьяну и его полководцам, в свою очередь, внушили противоположное: Бени Корайза якобы вовсе не собираются предавать Мухаммеда. Если им прикажут выступить против мусульман, они найдут предлог уклониться и наверняка потребуют заложников.

Посеяв семена подозрения, агенты вернулись в мусульманский лагерь и стали ждать, когда они дадут всходы.

Все складывалось на руку Мухаммеду. Абу Софьян назначил решающее наступление как раз на еврейскую субботу. Поэтому на просьбу поддержать удар Бени Корайза ответили, что в этот день военные действия для них невозможны. К ответу они добавили условие: прежде чем выступить против бывшего союзника, они хотели бы получить от мекканцев несколько заложников.

На Абу Софьяна это подействовало как ледяной душ. Он отменил штурм. Затем принял меры, чтобы защитить собственный тыл и фланги от возможного предательства евреев. Своим людям он дал понять, что заставить Медину капитулировать окажется гораздо труднее и дольше, чем предполагалось.

Теперь уныние переместилось с мусульманской стороны рва на курайшитскую.

К трудностям мекканцев прибавилась погода. Зимой пустыня бывает чрезвычайно холодной, особенно в местах, расположенных высоко над уровнем моря, как Медина. В январе и феврале пастбища увядают, и кочевники уходят в более теплые районы Аравии. Даже

переселенцам из Мекки было нелегко привыкнуть к мединскому климату, хотя они жили в домах и пользовались гостеприимством местных жителей.

Мекканцам же, стоявшим лагерем на равнине, пришлось значительно тяжелее. Люди простужались, животные погибали, а надежды на обещанную добычу становились все призрачнее. И тут пошел дождь.

Шёл сильный, холодный дождь — из тех, что творят чудеса с пастбищами и причиняют мучения людям и животным, которым приходится оставаться под открытым небом даже на то недолгое время, пока он длится. Дождь сопровождался ледяным ветром, усиливавшимся с каждым днём. Скоро он превратился в бурю. Ветер свистел в кустарнике и выл среди высоких финиковых пальм, сгибая их стволы, словно бамбук.

Курайшиты закрепляли палатки дополнительными кольями и жались внутри. Костры погасли под дождем, пища размокла, пронизывающий холод пробирал до костей. Такое физическое испытание араб способен переносить недолго. Когда особенно сильный порыв вырвал одну из палаток и унес ее, вызвав панику среди животных, армия Абу Софьяна забыла о своей гордой миссии и растворилась во мраке пустыни.

Буря ушла вместе с ними. Наутро солнце залило оазис и равнину лучами из чистого голубого неба. Мусульмане с облегчением вдохнули теплый ароматный воздух. Облегчение сменилось удивлением, а затем возбуждением, когда они посмотрели за ров. От тысяч людей, атаковавших их с верблюдами, лошадьми, ослами и мулами, не осталось почти ничего — лишь несколько придавленных ветром палаток и трупы животных.

Снова казалось, что мусульманское дело спасено чудом.

Вскоре над возбужденными голосами прозвучал призыв к молитве. Повернувшись в сторону Мекки, вся армия единым голосом произнесла:

«Аллаху акбар!»

Руки, поднятые к ушам, опустились и сложились перед грудью. Следуя за своим главнокомандующим и Пророком, воины начали утреннюю молитву:

«Слава Тебе, о Аллах, и Тебе хвала; благословенно имя Твое, возвышено величие Твое, и нет никого, достойного служения, кроме Тебя».

Ритмичные движения сменяли друг друга, голоса то поднимались, то стихали, пока молитва не закончилась словами: «Мир вам и милость Аллаха».

После этого люди медленно поднялись, взяли оружие и двинулись по домам.

Но едва они начали снимать вооружение, как среди шелеста пальм разнесся голос Биляла. И это был не обычный призыв к молитве, а команда вновь строиться. На мгновение солдаты подумали, что Абу Софьян обманул их и возвращается. Схватив мечи и копья, они поспешили к мечети.

Там они увидели Мухаммеда и его полководцев, все еще в доспехах. Рядом стоял полностью вооруженный Али со знаменем ислама. Здесь же были лошади и всадники. Как только командиры доложили, что подразделения построены, Мухаммед приказал выступать.

Он возглавил армию, но повел ее не к рву. Путь лежал к укреплению Бени Корайза.

Увидев приближающихся мусульман, евреи сразу поняли причину их появления и поспешно закрылись за воротами. Началась новая осада. Как и прежде, оказалось, что внутри укрепления почти нет запасов на долгий срок. Очень скоро начался голод. Через некоторое время делегация отправилась к Мухаммеду, чтобы узнать его условия.

Мухаммед заявил, что Бени Корайза фактически нарушили договор и предали его врагу; речь идет не просто о вероломстве, а об измене во время войны. После этого он предложил условия: никаких репрессий, обвинений или наказаний, если они откажутся от своей веры и примут Мухаммеда как своего вождя.

Евреи отказались. Делегация вернулась за стены, и осада продолжилась.

В конце концов выбор свелся к капитуляции или смерти от голода. Тогда иудеи заявили, что готовы принять любые условия, кроме принятия ислама, и попросили назначить беспристрастного арбитра. Они предложили кого-нибудь из вождей своих прежних союзников,

Бени Аус. Мухаммед согласился и попросил назвать конкретного человека. Не колеблясь, они назвали Саада ибн Муаза.

Саада в строю не было. Рана, полученная у рва, воспалилась, и он лежал дома в сильной боли, не способный ходить. Но когда ему передали просьбу Мухаммеда прибыть и вынести решение, он велел посадить себя на осла, на спину которого уложили одеяла и подушки.

Тряская дорога не улучшила ни его самочувствия, ни настроения. К тому моменту, когда он добрался до крепости Бени Корайза, он испытывал к людям, косвенно виновным в его ранении, крайне недружелюбные чувства.

Наступал вечер. Тени финиковых пальм лежали на открытом пространстве перед укреплением, словно длинные змеи с кисточками на концах. Золотистый свет покрывал стены домов и отражался от оружия мусульманских воинов, стоявших ровными рядами.

Немного впереди стоял Мухаммед в нагруднике и шлеме, с саблей у бедра. Чуть позади — Абу Бакр, Омар, Осман и Али, а за ними остальные вожди.

Перед ними лежали груды оружия, ковров и домашней утвари, которые евреи вынесли из домов и сложили перед победителями. Справа и слева находились сами пленники. В одной группе — мужчины со связанными за спиной руками. В другой — женщины и дети.

Мужчины молчали. Они знали, что Мухаммед беспощаден, когда считает себя оскорбленным. Во время войны они были признаны виновными в предательстве, и на снисхождение рассчитывать было трудно. Единственная надежда заключалась в том, что Саад ибн Муаз вспомнит прежнюю дружбу.

Женщины не рассуждали. Они рыдали о мужьях, братьях, сыновьях и отцах, от которых их отделяли мечи мусульман.

Сааду помогли сойти с осла. Хромая, он подошел к Мухаммеду, произнес обычное приветствие и затем посмотрел на евреев. В последний раз, когда он приходил к ним, они грубо отвергли его и спрашивали, кто такой этот Посланник Бога и почему они должны ему повиноваться. Саад тогда поручился за их верность и оказался выставлен глупцом.

Он помолчал, затем спросил:

«Связываете ли вы себя заветом перед Богом принять то решение, которое я вынесу?»

Евреи склонили головы и согласились.

Саад снова помедлил. Затем, к изумлению мусульман и ужасу евреев, произнес приговор:

«Мое решение таково: мужчин предать смерти, женщин и детей продать в рабство, а имущество разделить между войском».

По рядам мусульман прокатился ропот недоверия; среди евреев раздался крик ужаса. Они падали на колени, просили о милости, плакали, кричали и рвали на себе волосы. Но никто их не слушал. После нескольких коротких приказов Мухаммеда женщин и детей увели в одну сторону, мужчин — в другую. Саада вновь посадили на осла и отвезли домой.

Ночью мусульманские солдаты снова принялись копать. Эта траншея была меньше рва перед Мединой, но ей предстояло вместить гораздо больше мертвых.

На рассвете началась казнь. Мухаммед со своими ближайшими соратниками расположился так, чтобы видеть происходящее. Непосредственным обезглавливанием руководили Али и Аз-Зубайр.

Пленников выводили по шесть человек из ограды, где они провели ночь. Их ставили на колени перед траншеей, отрубали головы, а тела сталкивали в приготовленную могилу. Казни продолжались весь день. Воздух был насыщен запахом крови. Когда солнце клонилось к западу и со стороны оазиса подул ветер, обезглавливания все еще шли. Они не прекратились и с наступлением темноты: при свете факелов мусульманские сабли продолжали опускаться, и очередные головы падали на землю.

Наконец, когда последний пленник оказался в траншее, Мухаммед вернулся в свои покои. С собой он увел красивую еврейку по имени Райхана. Все ее родственники-мужчины погибли в тот день. Мухаммед предложил ей утешение в браке с ним. Она отказалась. Отказалась также отречься от своей веры и принять ислам. Впоследствии она стала рабыней и наложницей Посланника. Прожила она недолго. Возможно, она так и не оправилась от пережитого массового убийства.

Аиша, которая, по-видимому, присутствовала при этих событиях, говорила, что увиденное преследовало ее всю оставшуюся жизнь.

Возмездие, по моему выражению, настигло и человека, вынесшего приговор. Поездка верхом оказалась для Саада слишком тяжелой. Рана снова открылась, началось заражение крови. Примерно в то время, когда умер последний еврей, умер и Саад. Его последними словами было свидетельство веры в ислам:

«Мир тебе, о Посланник Бога! Воистину, я свидетельствую, что ты — Посланник Аллаха!»

Массовое уничтожение евреев, естественно, стало предметом спора между теми, кто признает Мухаммеда, и его критиками. Религиозный фанатизм неоднократно приводил людей различных эпох к жестокому массовому убийству тех, кто расходился с ними в вопросах веры.

Для сравнения обратимся к Ветхому Завету. После рождения Соломона, около 1035 года до Рождества Христова, Давид победил аммонитян и захватил Равву. Во Второй книге Царств рассказывается, что он вывел жителей и подверг их жестоким казням. Саул, несколькими годами ранее, по причинам скорее личного, чем религиозного характера, напал на Ноб, город священников, и «поразил острием меча мужчин и женщин, детей и младенцев».

Иудеи Медины, если бы вспомнили собственный закон, могли бы увидеть в действиях Мухаммеда нечто напоминающее правила, изложенные во Второзаконии: городу сначала предлагается мир и подчинение, но если он отказывается и вступает в войну, мужчин после победы убивают, а женщин, детей, скот и имущество победитель берет себе.

Я делаю вывод, что в жестокости Мухаммед не слишком отличался от многих других религиозных вождей прошлого, которым приходилось силой утверждать власть. При этом он подчеркивает, насколько важным для Мухаммеда было не оставлять сомнений в прочности этой власти.

Мухаммед стоял практически один перед всей Аравией — страной площадью примерно в треть Соединенных Штатов и населением около пяти миллионов человек. Его непосредственные владения были невелики, а главным средством принуждения оставались три тысячи неважно вооруженных солдат.

Если бы он проявил слабость и оставил измену без наказания, я утверждаю, ислам мог бы не выжить. Массовая расправа над евреями

была крайней мерой, но отнюдь не беспрецедентной в истории религий. С мусульманской точки зрения она считалась оправданной. Отныне и арабские, и еврейские племена должны были дважды подумать, прежде чем бросать вызов человеку, явно намеренному добиваться своего.

ГЛАВА XV

ИСТОРИЯ С ОЖЕРЕЛЬЕМ АИШИ

(627 год после Рождества Христова)

Вопреки распространенному мнению, арабские женщины имели большое влияние во всем, что касалось дома. Глядя на женщин, скрытых в гаремах или отделенных в шатрах, можно было бы подумать, что они превращались лишь в удобство для мужчин. Возможно, мужчины и сами иногда так думали, но ошибались.

Не имея той свободы, которой пользовались их западные сестры, лишенные возможности открыто вызывать ревность, убегать или даже носить вызывающую одежду, арабские женщины все же умели управлять мужьями, добиваться своего и обводить их вокруг пальца с почти колдовским искусством.

Арабы зачастую уделяли женщинам за покрывалом больше внимания и относились к ним заботливее, чем многие западные мужчины, хотя у последних было больше причин следить за своими домашними.

Мухаммед не был исключением. Он обладал сильным семейным чувством и проявлял большое внимание к женам, жившим в домиках вокруг мечети.

«Женщины — половины-близнецы мужчин, — говорил он. — Мусульманин не должен ненавидеть свою жену. Если ему неприятно одно ее качество, пусть радуется другому, хорошему».

Насколько жены в Медине действительно пользовались мягкостью Мухаммеда и насколько им удавалось его обманывать, достоверно не известно. Лишь однажды возникло подобное подозрение — и именно в отношении Аиши, что само по себе оставляет место для сомнений.

У этой девушки в голове было больше идей, чем у «тысячи обезьян», а умение добиваться желаемого почти походило на колдовство. Она была также озорной и капризной. Во время описываемого эпизода ей особенно не нравились Зейнаб и Умм

Салама, и с ее детской, импульсивной натурой она, по моему мнению, была способна на безрассудный поступок.

Случилось следующее.

Когда Мухаммед отправлялся в путешествие или в поход, он обычно брал с собой одну или двух жен. Женщина ехала в плетеном подобии паланкина — хаудадже, над которым на каркасе натягивался навес. Вся конструкция крепилась к горбу верблюда. Сидящую внутри женщину совершенно не было видно, и, пока не поднимали занавес, нельзя было даже понять, находится ли кто-нибудь внутри.

Мухаммед завершил успешную карательную экспедицию против племени Бени Мусталик, в ходе которой в его доме появилась восьмая жена Джувайрия, и возвращался в Медину с войском, верблюдами и добычей. Последний переход был длинным, поэтому лагерь начали снимать на рассвете.

Проснувшись, Аиша отошла в небольшое углубление, чтобы уединиться. Когда она вернулась, ее палатка уже была разобрана, а верблюд ожидал с паланкином. Но перед тем как сесть внутрь, Аиша обнаружила, что потеряла ожерелье.

Никому ничего не сказав, она побежала назад искать его. В полутьме рассвета агатовое ожерелье трудно было различить среди камней и кустарника, и нашла она его уже при дневном свете. Застегнув украшение на шее, Аиша поспешила обратно к каравану.

Каравана не было.

О том, что здесь недавно стоял лагерь, напоминали лишь остатки костров. Погонщики, отвечавшие за ее перевозку, очевидно, решили, что молодая женщина уже сидит внутри паланкина, и подняли его на спину верблюда. Аиша была маленькой и очень легкой, поэтому отсутствие ее веса никто не заметил. Когда караван выступил, они увели фактически пустой паланкин.

Несколько мгновений Аиша стояла и смотрела в безбрежную пустоту пустыни. Рассвет уже сменялся сиянием утра, солнце бросало ослепительно белые лучи на каменистую землю. Нигде не было видно ни людей, ни каравана.

Она пожала плечами и села. Паниковать было бессмысленно. Пытаться догнать караван пешком — тоже. Гораздо разумнее

оставаться там, где ее видели в последний раз, и надеяться, что слуги обнаружат пустой паланкин и вернутся за ней.

Становилось теплее. Аишу сморил сон. Накрыв голову плащом, она свернулась под акацией и заснула.

Проснувшись, она увидела, что солнце уже высоко и она больше не одна.

С высоты седла высокого быстроногого дромадера на нее смотрел красивый молодой человек. Аиша протерла глаза. Незнакомец улыбнулся, заставил верблюда опуститься на колени и представился: Сафван ибн аль-Муатталь.

По рассказу самой Аиши, ей даже не пришлось называть себя. Сафван, по-видимому, узнал ее и обратился к ней как к Аише бинт Аби Бакр.

Он спросил, почему она одна посреди Аравийской пустыни. Аиша объяснила. Сафван рассмеялся и предложил отвезти ее на своем дромадере в Медину. Она с радостью согласилась. Он помог ей сесть, и они отправились в путь.

Тем временем мусульманский караван продолжал движение, совершенно не подозревая, что Аиши с ним нет. Исчезновение обнаружили лишь тогда, когда верблюд с пустым паланкином опустился на колени перед жилищем Мухаммеда.

Тут поднялась тревога. Погонщики были уверены, что выехали из лагеря вместе с Аишей, и объясняли ее исчезновение вмешательством джиннов. Поскольку за время перехода караван нигде не останавливался, это показалось многим единственным правдоподобным объяснением.

Мухаммед, не любивший подобные суеверия, уже собирался отправлять поисковый отряд, когда по узким улицам Медины появился верблюд, которого вел чрезвычайно красивый молодой мужчина. На спине верблюда, «прекрасная, как заря», сидела Аиша.

Верблюд опустился у входа в ее дом. Аиша сошла, улыбнулась Сафвану и вошла внутрь с таким беззаботным видом, словно путешествовать по пустыне с незнакомыми юношами было для нее обычным делом.

Мухаммед был настолько счастлив увидеть любимицу живой и невредимой, что встретил ее почти без расспросов. Для него история на этом закончилась. И, возможно, действительно закончилась бы, если бы в дело не вмешался Абдалла ибн Убей.

Никто из моих арабских друзей не рассказывал мне, как выглядел Абдаллах, и ни в одной прочитанной мною книге его наружность не описана, но он, должно быть, был неприятным человеком. Вероломный, злобный, невежливый и трусливый, он, кажется, соединял в себе нрав Мефистофеля, Яго, Урии Хипа и всех прочих злодеев истории и литературы. Удовольствием его жизни, по-видимому, было досаждать Мухаммеду.

Как только Абдалла услышал о необычном возвращении Аиши, он решил извлечь из этого пользу. Даже не пытаясь выяснить обстоятельства, он сразу стал намекать, будто Сафван — любовник Аиши. При этом говорил, что сам Аишу не осуждает: его будто бы удивляет лишь то, что красивая девушка едва шестнадцати лет так долго оставалась верна почти шестидесятилетнему мужу. А всякий, кто с ним не согласен, заявлял он, лицемер.

Лишь немногие подхватили сплетню. Среди них была Хамна, сестра Зейнаб бинт Джахш. Зейнаб, убежденная, что Сам Аллах устроил ее брак с Мухаммедом, считала, что должна занять место Аиши как любимая жена. До сих пор ей это не удавалось. Возможный скандал давал шанс изменить положение.

Она не желала Аише прямого вреда и, как выяснилось позднее, сама не верила клевете. Но пока Абдалла создавал основу для слухов, а Хамна распространяла их, Зейнаб не препятствовала происходящему. Так сплетни шли и внутри гарема, и снаружи. Очень скоро у каждого в Медине появилась собственная версия истории Аиши и Сафвана, причем при каждом пересказе подробности становились все ярче.

Как часто бывает в подобных случаях, муж узнал обо всем последним. Услышав слухи, Мухаммед не знал, что делать.

Мухаммед любил Аишу. Наряду с Хадиджей, хотя совершенно иначе, он любил ее сильнее, чем любую другую женщину своей

жизни. Ему было трудно заставить себя поверить в обвинения, которые теперь распространялись по Медине.

Мухаммед не мог поверить, что эта маленькая девушка, которая всегда была ему не только женой, но и близким другом, могла сознательно обмануть его. То, что он слышал, настолько тревожило его, что он не решался прямо обвинить Аишу и вместо этого начал ее избегать.

Аиша, тоже очень привязанная к Мухаммеду, заметила перемену, но не сразу поняла ее причину. Когда же выяснила, ее охватило негодование. Рыдая, она поклялась в своей невиновности и убежала в дом родителей. Мать и сестра утешали ее, уверяя, что красота всегда порождает зависть и сплетни. Если не отвечать на клевету и спокойно ждать, все само прояснится.

Абу Бакр молчал. Мухаммед не обсуждал с ним эту историю, и Абу Бакр заперся в комнате и читал Коран. Не советовался Мухаммед и с Омаром: возможно, он думал о его суровых принципах и опасался, что тот предложит развод или иное строгое решение. Зато он обратился к Али.

Али не был человеком, склонным к романтическим рассуждениям. Это был воин, преданный исламу, которому не нравилось, что женщины так активно вмешиваются в жизнь его главнокомандующего. Кроме того, на нем сказывалась неприязнь Фатимы к молодой мачехе. Поэтому на просьбу Мухаммеда дать совет Али ответил, что все женщины в сущности одинаковы и госпожа Аиша ничем от других не отличается.

Эти слова дошли до Аиши. Она их никогда не забыла. Тридцать лет спустя, когда возник вопрос о притязаниях Али на халифат, она выступила против него настолько решительно, что это способствовало кровопролитной гражданской войне среди мусульман Аравии. Я вижу отголоски этой давней обиды даже в позднейших расколах исламского мира.

Тем временем Сафван ходил по Медине и клялся, что никогда не проявлял ни малейшего интереса к Аише и до той встречи в пустыне вообще ее не видел. Особенно он злился на Хассана ибн Сабита, мусульманского придворного поэта, чьим стихам мы обязаны

многими современными свидетельствами об эпохе. Хассан был близким другом Мухаммеда, однако не смог удержаться и сочинил несколько колких строк о случившемся. Сафван избил его, но поэту, судя по всему, казалось, что оно того стоило.

Вообще в Медине почти никто не мог устоять перед искушением разбирать эту историю на части и складывать ее заново в собственной версии. Она занимала умы едва ли не сильнее политических споров ислама.

Наконец Мухаммед понял, что отчасти сам виноват в затянувшемся скандале. Пока он колеблется, слухи не прекратятся. Он обязан вынести решение — в пользу Аиши или против нее. Как на поле боя, он решил действовать твердо.

На следующем молитвенном собрании он включил в проповедь упрек:

«О люди! Какое дело другим до того, чтобы тревожить меня в вопросах моей семьи и несправедливо обвинять ее? Я сам не знаю о них ничего, кроме хорошего. И вы также оклеветали Сафвана — человека, о котором я не знаю ничего, кроме хорошего».

После этого он отправился к Аише и застал ее у родителей. Сев рядом с ней на циновку, он сказал:

«Аиша, ты слышала, что говорят о тебе люди? Бойся Бога. Если ты виновна, раскайся перед Богом, ибо Господь принимает покаяние Своих рабов».

Аиша некоторое время ждала, что родители встанут на ее защиту. Но они молчали. Тогда она вспыхнула и заявила Мухаммеду, что ей не в чем признаваться и он должен знать это лучше всех. Она говорила резко и горячо, а затем разрыдалась.

Мухаммед слушал, но не пытался утешить плачущую жену. Он пристально смотрел на нее, затем начал тяжело вздыхать. Вскоре глаза его закрылись, и он опустился на циновку. Абу Бакр накрыл его плащом. Некоторое время Мухаммед лежал в трансе. Аиша перестала плакать и тревожно наблюдала за его глубоким дыханием.

Вдруг он отбросил плащ и встал. Глаза его сияли возбуждением.

«Аиша! — воскликнул он. — Радуйся! Воистину, Господь объявил тебя невиновной».

Он быстро вышел из дома.

Встав перед мечетью, Мухаммед сообщил о новом откровении:

«Тех, кто клевещет на замужних женщин, а затем не приводит четырех свидетелей, наказывайте восемьюдесятью ударами и впредь не принимайте их свидетельства, ибо они бесчестны».

Еще несколько минут он говорил, развивая правила, касавшиеся подозрений в супружеской измене. Позднее эти нормы в значительных подробностях вошли в четвертую и пятую суры Корана.

Закончив, Мухаммед приказал применить только что установленное наказание к Хассану, Хамне и приятелю Абу Бакра по имени Мистал, которые помогали распространять сплетни об Аише. Никто не затаил из-за этого длительной злобы. Хассан сохранил прежнюю преданность Мухаммеду и позднее сочинил стихотворение, восхваляющее добродетели Аиши.

Абдаллу, который фактически и был главным источником неприятностей, не тронули. Он не являлся мусульманином и потому не подпадал под коранический закон. Кроме того, несмотря на растущую власть, Мухаммед все еще не считал возможным открыто вступить в конфликт с этим опасным интриганом. Свести с ним счеты ему так и не пришлось: Абдалла умер раньше Мухаммеда, до конца оставаясь «занозой в его боку».

Один вопрос так никогда и не получил окончательного практического ответа: была ли Аиша действительно невиновна?

Хамна до конца утверждала, что встреча с Сафваном была заранее условлена. Впрочем, она могла говорить это из обиды после «восьмидесяти ударов». Однако и в рассказе Аиши я вижу слабые места.

Почему Аиша, зная, что караван вот-вот отправится, ушла искать ожерелье, никому не сказав, и отсутствовала так долго? Здесь особенно важен вопрос времени.

Большому арабскому лагерю требуется немало времени, чтобы свернуться и выступить. Даже когда основная колонна верблюдов уже в пути, всегда остаются отставшие. Кроме того, караван движется медленно — около двух миль в час считается хорошей средней скоростью.

Поэтому, вернувшись и не увидев ни каравана, ни отставших, ни следов сотен людей и животных в почти открытой местности, Аиша должна была искать ожерелье по меньшей мере два часа. Затем, согласно ее словам, она заснула. Если предположить, что сон длился не больше часа, то откуда Сафван появился более чем через три часа после ухода Мухаммеда и войска? И почему он узнал Аишу в лицо, если позднее в Медине утверждал, что прежде никогда ее не видел?

Либо рассказ Аиши настолько прост и искренен, что именно поэтому кажется невероятным, либо Сафван и «ожерелье» каким-то образом связаны.

Но и против предположения о любовной связи есть серьезные возражения. Если Сафван и Аиша были любовниками, стали бы они вместе въезжать в Медину на глазах у всех, почти демонстрируя свою связь? Не логичнее ли было бы Сафвану на быстром дромадере догнать караван и сообщить, что Аиша осталась позади?

История остается неясной, и истины мы уже не узнаем. Я вспоминаю слова моего арабского друга Мадани, произнесённые в разговоре о мусульманских и христианских отношениях между мужчинами и женщинами: «Есть три следа, которые видит один Бог: след рыбы в воде, след птицы в воздухе и след мужчины в женщине».

В поздние годы Аиша говорила, что всем якобы было известно о бессилии Сафвана. Слова ли это невиновной женщины, виновной — или просто проявление ее легкомысленного и озорного чувства юмора?

Юмора у нее, безусловно, хватало. Однажды она снова потеряла ожерелье в пустыне и заставила всю армию Мухаммеда остановиться и искать украшение, пока его не нашли.

Говорят, именно эта выходка привела к разрешению использовать для ритуального очищения песок вместо воды. На поиски ушло столько времени, что наступил час молитвы, а войско еще не достигло колодцев, возле которых предполагалось остановиться.

Мухаммед очень серьезно относился к омовению. Каждой из пяти молитв должно было предшествовать очищение, причем он предпочитал проточную воду стоячей. Но из-за того, что войско

потратило часы на поиски ожерелья и воды рядом не оказалось, он разрешил использовать вместо нее песок.

Поэтому многие арабы-кочевники совершают очищение песком. Было ли причиной именно потерянное украшение или нет что это правило позволило арабам соблюдать чистоту и вдали от воды: там, где представители других народов в пустынных условиях быстро становятся грязными, араб продолжает поддерживать себя в чистоте.

Откровение о наказании клеветников и прелюбодеев побудило Мухаммеда сформулировать и другие нормы, связанные с браком и его расторжением.

В доисламские времена брак для араба прежде всего служил способом рождения сыновей. Без мужчин, способных пасти стада, кочевое племя не могло существовать. Женщины в этих общинах почти не обладали самостоятельным статусом. Мужчина мог иметь столько жен, сколько мог содержать. Старший сын вместе со стадами и шатрами наследовал вдов своего отца; связь сына с мачехой тем самым могла считаться не только допустимой, но и предписанной обычаем. Мекканская половая распущенность соперничала с Содомом и Гоморрой, а проституция не считалась постыдной.

Мухаммед постепенно менял этот порядок. Он поощрял браки физически здоровых людей независимо от их общественного положения или богатства. Он провозгласил брак одной из основ общества и осуждал супружескую измену, внебрачные связи и все, что ослабляло семью.

В Коране говорится:

«Он [Бог] создал для вас супруг из вас самих, чтобы вы находили у них покой, и установил между вами любовь и нежность».

А в наставлениях людям Мухаммед говорил:

«Бог повелевает вам хорошо обращаться с женщинами, ибо они — ваши матери, дочери и тетки. Самый совершенный мусульманин — тот, чей нрав лучше; а лучшие из вас — те, кто лучше всего обращается со своими женами».

Брачный обряд, по постановлению Мухаммеда, не должен был обязательно быть религиозной церемонией. И здесь на ранние исламские институты повлияла жизнь пустыни. Кочевник не мог

всякий раз, когда собирался жениться, найти священнослужителя или мечеть. Поэтому посредник и освященное место для заключения брака не требовались.

Достаточно было письменного договора между сторонами. Он охватывал все основные вопросы: приданое или брачный дар мужчины, имущество женщины, а также порядок распоряжения дарами и имуществом при разводе.

Эти установления учитывали интересы женщин больше, чем законы любой западной страны той эпохи. В сущности, и сегодня мусульманин имеет меньше прав на имущество жены, чем мужья во многих европейских обществах. Тринадцать столетий назад ислам предоставил женщине свободу и независимость от мужа в осуществлении её имущественных прав.

В Коране сказано:

«Отдавайте женщинам их брачные дары добровольно. Если же они сами уступят вам часть этого, пользуйтесь ею во благо и с удовольствием».

И в той же суре:

«Мужчинам принадлежит доля из того, что оставили родители и родственники, и женщинам принадлежит доля из того, что оставили родители и родственники; мало ли это или много — доля должна быть определена».

Мухаммед не одобрял браков своих последователей с язычницами, но не возражал против браков с иудейками и христианками. В Коране это подтверждается словами о дозволенности брака с целомудренными верующими женщинами и с целомудренными женщинами из тех, кому Писание было дано прежде.

Он также ясно установил, что мусульманин не должен иметь одновременно более четырех жен. Сам Мухаммед превысил это число отчасти из желания иметь сына, отчасти по политическим причинам. Аиша была единственной девственницей, ставшей его женой; остальные прежде были либо замужем, либо вдовами.

Мухаммед разработал подробные правила развода. Он не одобрял развод, как не одобрял и многоженство, но понимал, что полностью

исключить его невозможно. Особое внимание он уделял справедливому обращению с женщиной.

Во второй суре Корана говорится:

«Вы можете развестись с женами дважды. Удерживайте их достойно или отпускайте с добротой. Вам не дозволено присваивать что-либо из того, что вы им дали».

Читая эти и многие подобные постановления, изданные Мухаммедом при жизни, невольно удивляешься несправедливости ряда его критиков. Они словно намеренно стремились представить положение женщины в исламе исключительно в унизительном свете и выставить его на посмешище перед женщинами других стран.

Как бы ни досаждали ему жены, Мухаммед не мог быть жестоким к женщинам. Несмотря на ревность в гареме, проделки Аиши и требования других жен, он любил женское общество не только физически: женщины интересовали его как люди, и он уважал их ум. Он меньше всего хотел вернуть их в состояние почти рабской зависимости, из которого они только начали выходить.

Но в одном отношении он оставался строг: он их не баловал. Его гаремная жизнь была столь же аскетичной, насколько роскошной станет жизнь некоторых его преемников несколько столетий спустя.

Хотя Мухаммед тщательно следил за внешностью — подводил веки сурьмой, пользовался благовониями, красил волосы, когда они начали седеть, ухаживал за руками и ногами, — его пища, питье и быт оставались чрезвычайно простыми.

Основой еды были финики, хлеб и молоко, лишь иногда мясо. В сезон подавали огурцы и тыкву, но разнообразие было невелико. Из напитков Мухаммед особенно любил дождевую воду. Он охотно делился любой пищей с тем, кто оказывался рядом.

Не любил он, по-видимому, лук и чеснок. Не ел также крупных пустынных ящериц, которых кочевники считали лакомством. Отчасти это объяснялось поверьем, будто некоторые из сынов Израиля были превращены в ящериц.

Ели, сидя на циновке, и, как до сих пор принято у арабов, руками. Перед едой произносили молитву:

«О Господь, благослови эту пищу и дай мне пищу лучше этой».

Если подавали молоко, Мухаммед добавлял просьбу умножить его, говоря: «Ибо нет другого, что соединяло бы в себе и пищу и питье, кроме молока». А для гостей он добавлял: «Бог доволен теми, кто благодарит Его после еды и питья».

Такая умеренность не означала, что Мухаммед презирал хорошую еду. Напротив, он ее любил. По словам Аиши: «Посланник любил три вещи — женщин, ароматы и пищу».

Скромность стола объяснялась прежде всего ограниченными средствами, расходами на других людей и щедрой раздачей имущества. Даже когда добыча стала приходить почти каждую неделю и мусульмане начали богатеть, благотворительность поглощала столько, что у Мухаммеда почти ничего не оставалось. Он сам чинил сандалии и зашивал одежду.

Занимаясь домашними и юридическими делами, Мухаммед продолжал содержать животных. Помимо молочных верблюдиц у него было два быстрых дромадера. Один — знаменитая Аль-Касва, доставившая его из Мекки в Медину; другой, еще быстрее, назывался Аль-Адба. Были также мулы, ослы, а со временем и лошади.

На некоторых конях он состязался со своими кавалеристами и всегда ездил сам. Арабские скачки были длинными и проходили по неровной земле; никто не сдерживал коня, каждый стремился победить. Мухаммед часто выигрывал. Ему было уже пятьдесят семь лет, но в обращении с лошадьми он превосходил многих солдат.

У него имелось несколько участков в оазисах. Один был конфискован у Бени ан-Надир, другой завещал ему еврей по имени Мукейрик. Этот человек так и не стал мусульманином, но уважал Мухаммеда и хотел оставить знак признательности. После его смерти Мухаммед распорядился похоронить его возле мусульманского кладбища.

Жилище Мухаммеда оставалось непритязательным. Первоначальные маленькие домики у мечети расширили, чтобы разместить растущую семью. Но комнаты по-прежнему разделяли перегородки из пальмовых ветвей, обмазанных глиной; дверные занавеси делались из черной волосяной ткани.

На полу лежали ковры и несколько подушек, набитых зерном. Стены были голыми, одеял не было. Когда становилось холодно, обитатели укрывались дополнительным ковром или плащом.

Единственными предметами, которые можно было назвать «роскошью», были хрустальный кубок с серебряной отделкой, медный таз для умывания и гребень из слоновой кости.

Несколько рабов помогали женам, хотя основную домашнюю работу женщины выполняли сами. Был также личный секретарь — Зайд ибн Сабит. В первые мединские годы Мухаммед пользовался услугами евреев для письменной работы, но по мере углубления конфликта с иудеями заменил их этим образованным арабом. Именно Зайд впоследствии собрал разрозненные записи Корана и свел их в Священную книгу в той форме, которая стала общепринятой.

Тем, кто не жил среди арабов, такой довольно суровый быт трудно совместить с привычным представлением о гареме. Но это были люди пустыни, а жизнь пустыни не похожа на жизнь в других местах.

Для настоящего кочевника прием пищи не является чем-то само собой разумеющимся. Часто у него одна основная еда в день — вечером перед сном. Ее количество зависит от того, удачным ли был год, а значит, прежде всего от дождей. Обильные пастбища определяют состояние стад и наличие дичи. Но даже в хорошие годы мясо остается роскошью и появляется не ежедневно. Кочевники Аравии едят, чтобы жить.

Оседлым арабам, горожанам и жителям оазисов несколько легче: они могут дополнять постоянную зерновую пищу финиками и овощами. Однако и их благополучие в конечном счете зависит от кочевников и, следовательно, от дождя: только когда есть пастбища, кочевники располагают овцами и шерстью, которые можно продать и потратить деньги в оазисе.

У пустынного общества нет ничего общего с обществом где бы то ни было ещё. Будь то Аравия, Ливия или Сахара, образ жизни людей одинаков. Он остаётся таким же, каким был на протяжении веков. И он не может измениться, если только какой-нибудь изобретатель не создаст искусственный дождь.

Поэтому красивые молодые женщины гарема Мухаммеда, великие люди вроде Абу Бакра и Омара, солдаты и владельцы финиковых садов жили скромно не потому, что аскетичный или скупой вождь насильно навязывал им лишения. Они жили так, как жили люди пустыни.

Аллах стал их Богом. Аллах, как верили они, поведет их к плодородным долинам Тигра и Евфрата, к Нилу, Инду и Гвадалквивиру — название которого происходит от арабского выражения «Великая река». Но сама их пустыня не менялась.

Халифы недалекого будущего приспособятся к богатым странам, где текут реки и много пищи. Они станут жить в роскоши и полнеть. Но простые люди, благодаря которым ислам распространится по миру, продолжат тот же строгий образ жизни, что и основатель их веры.

Американскому, английскому или яванскому мусульманину жизнь Мухаммеда может показаться почти первобытной, подобной жизни отшельника. Она столь же трудно вообразима для них, как повседневная жизнь Иисуса для среднего христианина. Но арабу пустыни это был единственный знакомый способ существования.

ГЛАВА XVI

КОРАН

Хотя Коран уже неоднократно упоминался на этих страницах, до сих пор мы не рассматривали подробно ни его содержание, ни его роль в исламе.

Коран — необыкновенная книга. Он отражает Мухаммеда. В определенном смысле он и есть Мухаммед. И все же за пределами мусульманского мира и круга специалистов по исламу мало кто действительно представляет себе, что такое Коран. Несмотря на многочисленные хорошие переводы на английский, французский и немецкий языки, западные читатели редко прочитывают его целиком.

Я слышал, как Коран называли биографией Мухаммеда, сборником изречений наподобие высказываний Конфуция, сводом мусульманских законов или пересказом Библии. Даже биографы Мухаммеда зачастую избегают кратко и ясно объяснить сущность книги, на которой основан весь ислам.

Итак, не намереваясь добавлять новые суждения к тому, что уже сказали востоковеды, я попытаюсь определить, что в действительности представляет собой Коран.

Слово «Коран» происходит от арабского «кара'а» — «читать» или «декламировать». Хотя теперь вся книга называется Аль-Коран — «Коран», первоначально тем же словом обозначалось каждое отдельное откровение.

Коран состоит из 114 сур, или глав. Самая длинная насчитывает 286 аятов, самая короткая — три. Каждая сура имеет название, обычно взятое из какого-либо слова или выражения, встречающегося ближе к началу текста. При этом название вовсе не обязательно отражает тему суры.

Например, сура «Греки», начинается сообщением о поражении греков в соседней земле — намеком на их разгром персами в 615 году. Но уже через несколько аятов тема греков исчезает.

Самая длинная и одна из самых знаменитых сур, вторая, называется «Корова», хотя сама корова упоминается в ней лишь в

связи с жертвоприношением, которое, согласно книгам Чисел и Второзакония, повелел Моисей.

Каждая сура, за исключением девятой, начинается одной и той же формулой:

«Бисмиллях ир-Рахман ир-Рахим» — «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного».

В начале отдельных аятов постоянно появляется повеление «Скажи». Оно подчеркивает, что говорит Аллах, ибо каждая строка Корана рассматривается как божественное послание, переданное Мухаммеду с небес.

Например, сто четырнадцатая сура гласит:

«Во имя Бога, Милостивого, Милосердного.
Скажи: прибегаю к защите Господа людей,
Царя людей, Бога людей,
От зла отступающего искусителя,
Который нашептывает в груди людей,
Из джиннов и людей».

В те редкие моменты, когда курайшиты соглашались слушать Мухаммеда, они говорили, что Коран слишком хорош, чтобы быть его собственным произведением. Мухаммед отвечал, что они одновременно и правы, и неправы: книга действительно слишком велика, чтобы исходить от кого-либо, кроме Всемогущего.

В двадцать шестой суре сказано:

«Воистину, от Господа миров ниспослана эта Книга;
Верный дух [Гавриил] сошел с ней
На сердце твое, чтобы ты стал предостерегающим,
На ясном арабском языке».

Откровения, таким образом, приходили к Мухаммеду в Мекке и Медине в разное время через ангела Бога. По мере их получения слова записывали — но не на едином свитке или табличке, а на всем, что оказывалось под рукой.

«Первое издание» Корана оказалось разбросано по лопаточным костям овец, раковинам, кускам дерева и камня, полоскам кожи.

Отдельные тексты были нанесены на тонкие пальмовые ветви и обрывки пергамента. И словно этого хаотического способа фиксации было недостаточно, все эти фрагменты складывали в короб или ящик без нумерации и систематизации.

Лишь примерно через год после смерти Мухаммеда Абу Бакр, по совету Омара, поручил Зайду ибн Сабиту собрать эти записи и каким-то образом свести их в книгу, пригодную для чтения. Зайд выполнил работу, добавив отрывки, которые Мухаммед поручил друзьям запомнить, но не записал.

Я уверен, что Зайд добросовестно собрал все слова, которые Мухаммед когда-либо записал, продиктовал или доверил памяти своих соратников. Но редакторского порядка он почти не внес. Фрагменты извлекались из ящика один за другим и переписывались без внимания к хронологии. Поэтому поздние мединские суры оказались впереди ранних мекканских, а тематически связанные тексты — далеко друг от друга.

По моему мнению, единственной заметной системой стало расположение длинных и наиболее известных сур ближе к началу, а коротких — ближе к концу, словно их измеряли линейкой и выстраивали, как трубы органа. Не учитывались ни развитие тем, ни изменение стиля Мухаммеда с возрастом. В результате возникла внешне разрозненная композиция, по которой трудно проследить развитие идей и обстоятельства, влиявшие на автора.

Именно эта кажущаяся бессвязность побудила Вольтера назвать Коран «непонятной книгой, нарушающей здравый смысл на каждой странице».

Но у метода Зайда было одно большое достоинство — предельная честность. Он не пытался сгладить текст, вставить переходы, заполнить очевидные пробелы или скрыть детали, способные показаться невыгодными для ислама. Он работал с почти бесстрастной преданностью исходному материалу, и в результате получилась книга, действительно состоящая из слов ее автора и только его.

Подобное отсутствие привычного литературного порядка вообще не так уж необычно для арабской традиции. Можно услышать, как

мусульманин декламирует стихотворение или отрывок Корана, почти не обращая внимания на то, относится ли данный фрагмент к началу или к концу произведения.

Именно этот текст был передан Хафсе и объявлен стандартным, официально признанным вариантом Священной книги.

Однако сначала постановление соблюдалось не слишком строго. В копиях Корана, расходившихся по быстро расширяющемуся мусульманскому миру, появились варианты.

При халифе Османе проблема стала настолько серьезной, что мусульманский полководец Хузайфа, воевавший в Сирии, Армении и Ираке, предупредил: если немедленно не принять жестких мер, мусульмане начнут спорить о собственном Писании так же, как христиане.

Осман вызвал уже немолодого Зайда и поручил ему вместе с тремя учеными-курайшитами подготовить официальную редакцию по той главной копии, которая хранилась у Хафсы. Текст составили на мекканском диалекте, считавшемся самым чистым в Аравии. Непреднамеренным следствием этого, по моему мнению, стала стандартизация арабского языка.

Благодаря этому арабы огромного пространства и многие мусульмане других стран получили общую живую языковую основу, которой не дала своим последователям никакая другая религия.

Когда официальная редакция была закончена, все прочие копии приказали сжечь и заменить новой версией. Одновременно было строго предписано ничего не добавлять к тексту и ничего из него не удалять.

Этот приказ соблюдался чрезвычайно тщательно. Поэтому, я утверждаю, нет серьезных оснований сомневаться, что Коран, читаемый мусульманами во всем мире, соответствует редакции, подготовленной по экземпляру Хафсы.

Некоторые мусульмане утверждают даже, что до сих пор существуют экземпляры, выпущенные при халифе Османе в двадцать пятом году хиджры, через пятнадцать лет после смерти Мухаммеда. Хотя нет причин считать это невозможным, я никогда не встречал араба, который видел бы такой экземпляр.

Самая ранняя официально каталогизированная рукопись Корана относится к IX веку, то есть появилась через двести лет после смерти Мухаммеда. Однако это имеет существенное значение лишь для коллекционеров. Важно другое: Коран — единственное произведение, более двенадцати столетий сохранявшееся без искажения текста. Ни в иудейской, ни в христианской религии нет ничего, что хотя бы отдалённо можно было с этим сравнить.

Недостатком такой неизменности остается отсутствие хронологического порядка. Впрочем, позднейшие исследователи попытались частично исправить это для научного чтения.

Из высказываний последователей Мухаммеда можно заключить, что он сам, вероятно, предпочитал бы группировать откровения по темам, а не по времени. Однако многие востоковеды — как европейские, так и азиатские — публиковали издания Корана на разных языках, переставляя суры в предполагаемую историческую последовательность.

Это потребовало кропотливой работы, поскольку, помимо прочих трудностей, во всём Коране почти нет исторических или иных ориентиров. Имя Мухаммеда встречается лишь пять раз, а его современники упоминаются всего дважды. Подсказку для датировки сур даёт их тон.

Ранние суры прежде всего проникнуты поэтическим вдохновением. Строки эмоциональны, часто подчеркивается красота природы. В них чувствуется искренний искатель истины, человек, выражающий убеждения так, чтобы привлечь последователей. Образы и язык напоминают пастуха пустыни, мечтателя, поэта, пророка.

Когда у Мухаммеда появляется власть, суры все чаще принимают форму предостережений. Они становятся более прозаическими и доктринальными. Здесь уже говорит миссионер, стремящийся обращать людей.

По мере укрепления ислама перемена усиливается. Мекканский проповедник превращается в законодателя и воина, в руководителя, требующего повиновения. Поэтическая стихия отступает на задний

план. Появляются формулы о «дарах Бога и Посланника», об «угоде Богу и Посланнику».

Эволюцию мышления вдохновенного странствующего торговца в мышление правителя Аравии нигде нельзя увидеть яснее, чем при чтении сур в предполагаемом хронологическом порядке. Такое чтение опровергает насмешку Вольтера и подтверждает слова Гёте: «Всякий раз, когда мы приближаемся к Корану, он сначала снова отталкивает; постепенно, однако, он привлекает, изумляет и наконец заставляет восхищаться».

Тем, кому Коран кажется утомительным при чтении, следует помнить: изначально он не предназначался для тихого чтения глазами. Его следовало произносить вслух и слушать. Есть основания полагать, что Мухаммед придавал большое значение самой манере декламации. Он нередко говорил: «Красноречие подобно волшебству».

Это верно и сегодня. Арабские школьники заучивают Коран наизусть; многие сохраняют его в памяти. Мой друг из Сахары Мадани мог процитировать любое названное ему место. Я недостаточно хорошо знал Коран, чтобы проверить это, но у меня нет оснований сомневаться, что вся книга была у него в голове. Иногда в мечети я слышал, как молящиеся поправляли имама, когда он ошибался при чтении какого-нибудь отрывка.

Письменный текст Корана можно сравнить со стенографической записью импровизированной проповеди великого оратора. На бумаге исчезают интонация, эмоции, обстоятельства и атмосфера момента.

К этому прибавляется проблема перевода. Коран зависит не только от смысла и способа произнесения, но и от точной арабской фразировки. Как латинская Вульгата, по моему мнению, не передает мягкой красоты английского Нового Завета эпохи Елизаветы, и как некоторые переводы Ветхого Завета превращаются в сухую повторяющуюся хронику и свод законов, так и Коран, вынутый из арабской речи, теряет вдохновляющий ритм.

Тому, кто никогда не слышал звучной, величественной декламации Корана по-арабски или призыва к молитве с минарета, трудно объяснить, чего книга лишается в английском, французском

или немецком переводе. Это словно Шекспир на чужом языке или Вагнер по-итальянски.

Можно ли называть суры Корана поэзией — вопрос вкуса. Это, безусловно, не та поэзия, что касыда, классический образец доисламского стиха, но в Коране огромная эмоциональная сила, а рифма в арабском, как и в итальянском, часто возникает почти естественно.

Приводимая ниже первая половина восемьдесят первой суры обладает в арабском оригинале трепетным величием, которое трудно превзойти любому месту Библии короля Якова:

«Когда солнце будет свернуто,
И когда звезды падут,
И когда горы придут в движение,
И когда верблюдицы будут оставлены без присмотра,
И когда дикие звери соберутся вместе,
И когда моря закипят,
И когда души вновь соединятся со своими телами,
И когда листы Книги будут развернуты,
И когда небеса будут содраны, словно кожа,
И когда ад будет разожжен,
И когда рай будет приближен,
Тогда каждая душа узнает, что она совершила».

Название этой суры связано с образом «свернутого» солнца в первой строке.

Поэтические качества не мешают Корану одновременно быть сводом ритуальных, нравственных и гражданских норм, молитвенной книгой и повествованием о библейских событиях. В нем есть личные оправдания, упреки лицемерам, проклятия и возвышенные откровения о свойствах Бога.

Кроме того, в нем присутствует мистическая сила, оказавшая, по моему мнению, поразительное воздействие на арабов. Она помогла превратить простых пастухов, торговцев и кочевников в воинов и создателей империи, строителей Багдада, Кордовы и Дели, в ученых, правителей и математиков. Именно эта книга помогла им за несколько

десятилетий завоевать пространство, на расширение которого персам и римлянам потребовались столетия.

Финикийцы прежде уходили далеко от дома и создавали колонии там, где была торговля. Евреи тоже рассеивались по миру, но часто как изгнанники или пленники. Эти же арабы пришли в Африку, а затем в Европу со своей Книгой — как победители и правители.

В 657 году, когда в результате одного из последующих конфликтов мусульмане сражались с мусульманами и Муавия, сын Абу Софьяна, во главе сирийской мусульманской армии оказался близок к поражению от войск Али, он воспользовался символической силой Священной книги. Сирийцы уже колебались, когда получили приказ поднять экземпляры Корана на остриях копий. Увидев их, воины Али опустили оружие. Дальнейшее решили посредством арбитража.

В более позднее время когда кади — мусульманский судья — не находил в нормах, созданных Мухаммедом для арабских кочевников, прямого решения для дела в Рабате или Агре, он мог символически возложить Священную книгу на голову, признавая тем самым необходимость человеческого разума и развития права.

Эта книга направляет поступки седьмой части населения мира. До сих пор никто не сумел дать этому удовлетворительного объяснения.

Коран сопротивляется простому анализу. Его нельзя описать одним эпитетом, потому что даже внутри одной суры характер текста способен меняться. Значительная часть материала перекликается с Ветхим и Новым Заветами.

Здесь присутствуют сотворение мира, падение Адама, Ной, призвание Авраама, Исмаил и Исаак, Иаков и патриархи. Здесь говорится об избрании евреев как избранного народа, о Моисее, пророках и псалмопевцах, особенно о Давиде и Соломоне. Мухаммед не опускает и обещание прихода Мессии.

Что касается Нового Завета, Коран признаёт Иисуса обещанным Мессией. Он принимает его чудесное зачатие «дыханием духа Божьего». Признаются также непорочное рождение Девы Марии, чудесное рождение Иоанна Крестителя и его роль предтечи Иисуса, равно как отвержение и преследование Иисуса и его осуждение на

распятие. Наконец, Мухаммед рассказывает о телесном вознесении Христа на небо прежде его смерти и о его посредничестве там между Богом и людьми.[5]

Хотя в Коране имеется лишь одна прямая цитата из Библии — «Праведные рабы Мои наследуют землю» из Псалмов, — множество мест по формулировке близки к более ранним Писаниям.

Вот несколько характерных примеров.

Библия: «Жизнь за жизнь, зуб за зуб, ожог за ожог, рана за рану».

Коран: «Мы предписали им: жизнь за жизнь, глаз за глаз, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб, а за раны — возмездие».

Библия: «Прах ты и в прах возвратишься».

Коран: «Из земли Мы создали вас, и в нее же возвратим вас».

Еще одна параллель, по моему мнению, показывает сходство среды, из которой вышли Иисус и Мухаммед. Иисус говорил о потерянной овце и радости от ее нахождения; Мухаммед сравнивал радость Бога о покаявшемся грешнике с радостью кочевника, обнаружившего в пустыне потерявшееся животное.

Каким образом Мухаммед познакомился с иудейскими и христианскими Писаниями, остается неясным. Упоминается перевод, приписываемый Вараке, но нет прямых свидетельств, что Мухаммед им пользовался. Его беседы с Варакой касались преимущественно общих богословских вопросов, причем Варака умер до того, как Мухаммед начал систематически оформлять содержание откровений.

Самый ранний известный мне арабский перевод Ветхого Завета появился примерно через три столетия после смерти Мухаммеда, а официальный арабский перевод Нового Завета — еще позднее. По-видимому, необычайно развитая память арабов позволила Мухаммеду сохранить все услышанное во время путешествий. Это кажется почти невероятным достижением, но, по моему мнению, остается главным естественным объяснением, если не принимать безоговорочно божественное происхождение Корана.

[5] Суры 3 и 4.

Для тех, кто хотел бы познакомиться с языком и содержанием Корана, ниже приведены несколько отрывков, взятых из разных мест перевода Дж. М. Родвелла.

СУРА XIX — «МАРИЯ». В данном случае название действительно связано с содержанием; речь идет о Марии и чудесном зачатии:

«И упомяни в Книге Марию, когда она удалилась от своей семьи на восток и скрылась от них покрывалом. И Мы послали к ней Наш дух, и он предстал перед ней в облике совершенного человека [Гавриила].

Она сказала: “Я прибегаю от тебя к защите Милостивого; если ты богобоязнен — отойди от меня”.

Он сказал: “Я лишь посланник твоего Господа, чтобы даровать тебе сына”.

Она сказала: “Как будет у меня сын, если меня не касался мужчина и я не была распутной?”

Он сказал: “Так будет. Твой Господь сказал: это легко для Меня. Мы сделаем его знамением для людей и милостью от Нас. Это уже решенное дело”.

И она зачала его и удалилась с ним в далекое место. Родовые муки привели ее к стволу пальмы. Она сказала: “О, если бы я умерла до этого и была совершенно забыта!”

И голос воззвал к ней снизу: “Не печалься. Твой Господь устроил у твоих ног ручей. Потряси к себе ствол пальмы — на тебя упадут свежие спелые финики. Ешь, пей и радуйся. А если увидишь человека, скажи...”

«Воистину, я дала обет воздержания Милостивому и сегодня ни с кем не стану говорить».

И она пришла к своему народу, неся младенца. Они сказали:

«О Мария! Ты совершила нечто удивительное. О сестра Аарона! Твой отец не был дурным человеком, и мать твоя не была распутной».

Она указала им на младенца. Они сказали:

«Как можем мы говорить с тем, кто еще младенец в колыбели?»

И он сказал: «Воистину, я раб Бога. Он дал мне Книгу и сделал меня пророком. Он сделал меня благословенным, где бы я ни был, и

заповедал мне молитву и милостыню, пока я жив; и повелел быть почтительным к той, что родила меня, и не сделал меня гордым и развращенным. Мир был со мной в день, когда я родился, будет в день моей смерти и в день, когда я буду воскрешен к жизни».

«Таков Иисус, сын Марии. Таково истинное слово о том, в чем они сомневаются».

Сура III называется «Семейство Имрана» и не имеет отношения к Имрану, которого Мухаммед считал отцом Девы Марии. Цитируемые аяты обращены к иудеям и христианам:

«О люди Писания! Почему вы спорите об Аврааме, когда Закон и Евангелие были ниспосланы после него? Неужели вы не понимаете?

Вот вы спорите о том, о чем имеете знание; зачем же спорите о том, о чем знания не имеете? Бог знает, а вы не знаете.

Авраам не был ни иудеем, ни христианином. Он был тверд в вере, покорившимся Богу и не был из тех, кто придает Богу сотоварищей. Ближе всех к Аврааму — те, кто следует ему, этому Посланнику Мухаммеду и те, кто уверовал. Бог — покровитель верующих».

Вот отрывок из знаменитой длинной второй суры «Корова» о том, что внешние формы обряда сами по себе не составляют благочестия. Этот текст связан с изменением киблы — направления молитвы — с Иерусалима на Мекку:

«Благочестие не в том, чтобы обращать лица на восток или запад. Благочестив тот, кто верует в Бога, Последний день, ангелов, Писания и пророков; кто из любви к Богу расходует имущество на родственников, сирот, нуждающихся, путников, просящих и на освобождение; кто совершает молитву и дает установленную милостыню; кто верен своим обязательствам, когда берет их на себя, и терпелив в бедствиях, лишениях и во время испытаний. Таковы правдивые и таковы богобоязненные».

Из суры VII — «Аль-Араф», где в начале говорится об изгнании Сатаны с небес и падении Адама и Евы:

«И Сатана нашептал им [Адаму и Еве], чтобы открыть им наготу, скрытую от них, и сказал:

“Ваш Господь запретил вам это дерево лишь затем, чтобы вы не стали ангелами и не сделались бессмертными”.

И он поклялся им обоим: “Воистину, я даю вам добрый совет”.

Так он обманом соблазнил их. Когда они вкусили от дерева, им открылась их нагота, и они начали сшивать на себе листья сада. Тогда Господь воззвал к ним:

“Разве Я не запретил вам это дерево и не сказал, что Сатана — ваш явный враг?”

Они сказали: “Господи наш! Мы поступили несправедливо по отношению к самим себе. Если Ты не простишь нас и не помилуешь, мы окажемся среди погибших”.

Он сказал: “Сойдите вниз, будучи врагами друг другу. На земле будет ваше жилище и пользование до назначенного срока. На ней вы будете жить, на ней умрете и из нее будете выведены”».

Сура XXIV называется «Свет». Приведённые здесь три аята — попытка передать великолепный ритм арабского текста:

«Что касается неверующих, дела их подобны миражу на равнине, который жаждущий принимает за воду. Когда он приходит к нему, не находит ничего, но находит Бога, Который полностью рассчитывается с ним; ведь Бог скор в расчете.

Или подобны они мраку над глубоким морем: волны над волнами, а над ними облака; мрак поверх мрака. Если человек протянет руку, он едва увидит ее. Кому Бог не даст света, у того нет света.

Разве ты не видел, как Бог легко гонит облака, затем соединяет их, затем складывает их в массы? И ты видишь дождь, выходящий из их середины. Он низводит с неба облака, подобные горам и нагруженные градом, и поражает им кого пожелает и отводит его от кого пожелает. Блеск Его молнии едва не лишает зрения!»

Эти несколько фрагментов дают представление об огромном разнообразии тем Корана и о широте мышления Мухаммеда. Они заставляют задуматься, откуда он мог знать все это, когда успел осмыслить и каким образом научился создавать столь звучную ритмизованную прозу.

На предыдущих страницах уже описаны воспитание Мухаммеда, среда и занятия его молодости. Но ничто в этом, по моему мнению, явно не предвещало автора свода законов, религии и морали, сборника

древних легенд и рассказов, молитвенной книги — и все это на текучем, резонансном арабском языке.

«Возможно, — заключает он, — это действительно было божественное вдохновение».

Мухаммед говорил, что в природе есть чудеса более великие, чем всё, что можно совершить вне её, и что Коран сам по себе — чудо. Возможно, он был прав. Библию помогало писать множество людей. На это ушли многие столетия. Мухаммед написал Коран один. Ему потребовалось едва двадцать лет.

После смерти Мухаммеда люди спрашивали Аишу:

«Расскажи нам что-нибудь о характере Посланника».

«У вас есть Коран, — отвечала Аиша. — Разве вы не арабы и не читаете по-арабски?»

«Да, конечно».

«Тогда зачем спрашивать меня? Характер Посланника был не чем иным, как самим Кораном».

Чтобы понять характер Мухаммеда, оценить размах его достижений и меру его восприимчивости, необходимо изучить Коран.

ГЛАВА XVII

ДОГОВОР

(628 год после Рождества Христова)

Со времени бегства Мухаммеда из Мекки прошло шесть лет. Из бездомного изгнанника, не знавшего, переживет ли очередной день, он превратился в фигуру сравнительно большого значения в Аравии. Медина была под его властью, и многие племена, пасшие стада в окрестностях, уже проявляли склонность считать его своим правителем.

Некоторые по-прежнему придерживались типичного арабского недоверия к централизованной власти. Несколько племен оставались открыто враждебными. В отношении таких Мухаммед применял одну политику — силу. Теперь у него была небольшая мобильная армия на верблюдах и лошадях, и недружественные группы, зная это, ограничивались быстрыми набегами и отступлениями.

Два таких набега осенью 627 года заметно подорвали престиж Мухаммеда. В первом вождь бедуинов Ойейна проник в мединский оазис и окружил стадо молочных верблюдиц, принадлежавших самому Мухаммеду. Пастухов убили, женщин увели в плен. Мухаммед послал в погоню триста всадников, однако они сумели вернуть лишь половину добычи и не смогли наказать налетчиков.

Единственной, кто вернулся и рассказал о случившемся, была жена одного из пастухов. Ей удалось бежать на верблюдице. Добравшись домой, она объявила, что собирается принести животное в жертву. Мухаммед вмешался: зачем, спросил он, убивать животное, которое спасло ей жизнь? Женщина не смогла объяснить. Верблюдицу оставили в живых.

Мухаммед любил животных. Хотя в установленные дни он приносил жертвы, ему не нравилось убийство ради самого убийства, и он презирал жестокость к живым существам.

Жертвоприношение было древней традицией, которую оказалось невозможно полностью устранить из новой веры. Но даже здесь

Мухаммед не хотел лицемерия. Вместо обычной формулы «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного», произносимой перед смертельным ударом, он, употреблял формулу: «Во имя Бога. Бог превелик. Да даст тебе Бог терпение перенести испытание, которое Он тебе назначил».

Он установил как принцип, что с его собственными животными и животными его людей нельзя обращаться грубо. С трудом ему удалось прекратить обычай привязывать верблюда к могиле хозяина, чтобы тот умирал там. Он запретил использовать живых птиц в качестве мишеней на состязаниях в стрельбе. Он прекратил обрезание грив и хвостов лошадей в стране, где огромное количество насекомых делало такую практику особенно мучительной для животных.

Когда он видел, что ослов или мулов перегружают, он вмешивался. Единственными животными, которых он, не любил, были собаки — вероятно потому, что пустынные псы часто были больными, агрессивными и никем не содержались как домашние любимцы. Однако даже им не отказывалось в месте среди прочих созданий в раю.

Однажды Мухаммед рассказал историю о грешной женщине, которая увидела возле колодца собаку, умиравшую от жажды. Женщина сняла туфлю, привязала ее к поясу и зачерпнула воду для животного. За этот поступок ее грехи были прощены.

«Воистину, — говорил Мухаммед, — есть награда за добро, сделанное четвероногим, и за воду, которой их напоили. Есть награда за пользу всякому живому существу».

Согласно Корану, животные также образуют общины: «Нет ни одного животного на земле и ни одной птицы, летящей на крыльях, которые не были бы народами, подобными вам. К Господу своему они будут собраны».

Я утверждаю, что истинный араб заботится о лошади и верблюде почти как о семье, и связывает это отношение с примером основателя ислама.

Одним из любимых наставлений Мухаммеда было: «Бойтесь Бога в отношении этих бессловесных животных. Ездите на них, когда они способны нести вас, и слезайте, когда они утомлены».

Второй набег, угрожавший растущему авторитету Мухаммеда, совершили гатафаниты, участвовавшие в осаде Медины. На этот раз крупный отряд мусульман был застигнут врасплох, разбит и перебит. Ответные действия снова ограничились захватом стад, шатров и домашней утвари; враг почти не понес человеческих потерь.

Межплеменные набеги среди арабов начались задолго до Мухаммеда и продолжались после него. Этот обычай сохраняется и сегодня. Остановить ее могло лишь нападение чужеземца или неверного: племена объединялись против внешнего врага, изгоняли его, а затем снова принимались совершать набеги друг на друга. Это бессмысленное ремесло напоминает взаимное воровство белья, но для пустыни остаётся способом существования.

В сентябре Мекка и Медина снова столкнулись. Курайшиты, полагая, что Мухаммед занят местными распрями, отправили богатый караван вдоль морского побережья в Сирию. Мухаммед узнал об этом. Один из его мобильных отрядов, «словно охотничий сокол», обрушился на мекканцев и привез в Медину много серебра и верблюдов.

Среди пленников оказался Абу-ль-Ас, зять Мухаммеда.

Читатель помнит, что Абу-ль-Ас уже попадал в плен при Бадре. В качестве выкупа он тогда должен был отправить свою жену Зейнаб в Медину. За ней приехал Зайд, но перед отъездом некоторые курайшиты, все еще озлобленные поражением, жестоко обошлись с женщиной. Это привело к выкидышу, после которого Зейнаб так и не восстановила здоровье. Поэтому она оставалась под защитой отца.

Теперь, через три с половиной года, Абу-ль-Ас снова оказался пленником мусульман.

Хотя он так и не обратился в ислам, родственные связи тесно связывали его с семьей Мухаммеда. Он был не только зятем, но и племянником, поскольку Хадиджа приходилась ему теткой. Позднее родство еще усилится, когда его дочь станет второй женой Али. Разногласие в религии в этой семье было одним из тех противоречий, которые случаются между близкими и не уничтожают взаимного уважения.

В ту ночь, когда налетчики привели захваченный караван, Абу-ль-Асу удалось бежать. Он добрался до Зейнаб. Никто не мог быть счастливее ее при виде мужа. Она приняла его, а на следующее утро с плоской крыши дома объявила, что предоставляет пленнику убежище.

Мухаммед ничего об этом не знал, пока не услышал ее заявление. Он немедленно вынес вопрос на обсуждение общины в мечети. Все согласились даровать Абу-ль-Асу свободу.

Великодушие настолько тронуло молодого человека, что он вернулся в Мекку, уладил дела, а затем приехал обратно в Медину и принял ислам. Зейнаб прожила после этого недолго. Ее смерть стала большим горем и для отца, и для мужа. Но Мухаммеда утешало присутствие рядом родственника Хадиджи, чье обращение стало еще одним звеном цепи, которая все теснее окружала курайшитов.

В конце того же года впервые заметен политический интерес Мухаммеда к государствам за пределами Аравии. Он отправил посланника с приветствием Пророка византийскому императору Ираклию.

Посланник дошел лишь до Сирии, где римский наместник принял его с почестями, полагавшимися дипломату, и отправил назад с дарами. Наместник не представлял, кого именно представляет этот араб, и тем более не мог вообразить, что недалек день, когда уже его государю придется направлять делегации к этому почти неизвестному человеку. Но сам жест удовлетворил Мухаммеда и подчеркнул, как далеко он продвинулся за шесть лет.

Вероятно, осознание направления собственной судьбы побудило Мухаммеда всерьез обратиться к мысли, которую он давно обдумывал: к овладению Меккой.

Приближалась шестая годовщина хиджры, а перспективы убедить родной город мирным проповедованием оставались столь же слабыми, как прежде. Война и набеги лишь расширили пропасть между мусульманами и курайшитами. Абу Софьян по-прежнему непримиримо относился к Мухаммеду и его учению. Его поддерживали Хинд, Халид, Икрима, Амр и другие вожди курайшитов.

Конечно, можно было рискнуть всем, бросить армию на Мекку и взять город штурмом. Но даже успешный штурм Священного города противоречил чувствам Мухаммеда и мог не дать прочного результата. Оставался мир. Но как заключить его так, чтобы ни одна сторона не выглядела капитулировавшей?

Тогда Мухаммеду пришла блестящая мысль: почему бы не повести людей без боевого вооружения на ежегодное паломничество к Каабе? Если сделать это в священные месяцы, нападение на паломников будет нарушением всех арабских обычаев. Возможно, таким путем удастся войти в Мекку без унижения и сдачи с любой стороны.

Он обсудил план со своими ближайшими военными советниками. Все поддержали его. Затем Мухаммед предложил соседним племенам присоединиться. Некоторые согласились, но большинство проявило осторожность и осталось в стороне. Они привыкли связывать походы Мухаммеда с добычей, а это явно не было грабительским предприятием.

К февралю 628 года приготовления завершились. За пределами Медины построились около полутора тысяч паломников в двух кусках бесшовной белой ткани, предписанной для хаджа, со своими верблюдами. За исключением мечей в ножнах и луков со стрелами, они не были вооружены для сражения.

Единственной военной предосторожностью стало отправление вперед двадцати всадников-разведчиков, которые должны были предупредить о враждебном вмешательстве. Ни Аиша, ни Хафса не участвовали в экспедиции. Из жен Мухаммеда его сопровождала только Умм Салама.

это должно было быть величественное зрелище: множество мужчин, выстроенных перед колышущимися пальмами Медины. Среди них — мекканские изгнанники, бросившие все ради нового дела, и мединцы, рисковавшие многим ради идеала. В белоснежных ритуальных одеждах они сидели рядами на высоких дромадерах.

Ни панцири, ни шлемы не блестели на солнце; даже сабли были скрыты под левым бедром каждого всадника. Сбоку стояли семьдесят верблюдов без седоков, предназначенных для жертвоприношения и

украшенных церемониальными гирляндами. Среди них, словно иронический трофей, находился дромадер Абу Джахля, захваченный при Бадре.

Мухаммед ехал на Аль-Касве — той самой верблюдице, что когда-то увезла его из Мекки во время гонений, когда рядом с ним был лишь один верный старый друг. Теперь он объезжал длинные ряды последователей.

Многие лица были новыми, но немало людей стояли рядом с ним с первых месяцев ислама: верный Абу Бакр, огромный Омар, хитрый Осман, Али — Лев Аравии, Зайд, Билал, ветераны Бадра, Охода и Битвы у рва. Именно на них Мухаммед смотрел с особой гордостью и привязанностью. Благодаря им перед ним находилось живое доказательство, что его проповедь не была напрасной.

Первые этапы пути прошли спокойно. В Зуль-Хулейфе паломники сделали длительную остановку и вошли в состояние посвящения. Затем с криками «Лаббайка Аллах! Лаббайк!» — «Вот я перед Тобой, о Господь! Вот я!» — они пересекли границу священной территории вокруг Мекки.

Здесь спокойная атмосфера изменилась. Пришла весть: курайшиты не верят мирным заявлениям Мухаммеда. Более того, даже если он искренне намерен лишь совершить паломничество, Абу Софьян не позволит ему и его людям войти в Мекку ни при каких обстоятельствах.

Чтобы подчеркнуть решимость, против паломников выслали Халида ибн аль-Валида и Икриму ибн Абу Джахля с лучшим мекканским кавалерийским полком, полностью готовым к войне.

Мухаммед принял решение быстро. Он не собирался воевать с курайшитами, но и возвращаться не намеревался. Дождавшись темноты, он провел людей по трудной горной тропе, обошел Халида и снова появился у Худайбии — примерно в трех милях от Каабы. Там он разбил лагерь.

Воды было мало, но его люди привыкли к походной жизни и скоро расчистили несколько засорённых колодцев. После этого они расположились лагерем и стали ждать, что предпримут курайшиты.

Все сохраняли настороженность и были готовы ответить, если Халид и его конница появятся снова. Однако, узнав, насколько близко Мухаммед подошел к городу, мекканцы отозвали Халида. На некоторое время наступило затишье.

Мухаммед велел своим людям объяснять пастухам и местным жителям, которые приходили к Худайбии посмотреть, что происходит, что он прибыл в Мекку исключительно как паломник. Когда курайшиты начали убеждаться в искренности этих заявлений, они стали посылать представителей, чтобы выяснить, нет ли у Мухаммеда скрытых намерений. Всем он отвечал отрицательно и снова повторял, что пришел с миром.

Урва, зять Абу Софьяна, попытался запугать Мухаммеда и спровоцировать его людей. Он насмехался над паломническими одеждами мусульман и уверял, что его тесть ни при каких обстоятельствах не пустит эту «толпу» в пределы Мекки. В какой-то момент Урва так разгорячился, что схватил Мухаммеда за бороду.

Раздался возмущенный крик, сотни рук потянулись к мечам, скрытым под белыми одеяниями. Урва тут же отпустил бороду, поспешно простился, вскочил на коня и вернулся в Мекку.

Там он подтвердил рассказы предыдущих посланников: за несколько лет Мухаммед изменился до неузнаваемости. Презираемый прежде проповедник теперь держался как правитель; вокруг него существовало подобие двора. В этом спокойном и ясном государственном деятеле почти невозможно было узнать одинокого мечтателя, которого совсем недавно выгнали из Мекки.

«Да ведь эти люди дерутся друг с другом за чашку воды, в которой их вождь омылся, — рассказывал Урва. — Они пьют ее, промывают ею раны. В их глазах священно все, чего коснулось тело Мухаммеда».

Было ли всё именно так, как рассказывал Урва, или нет, несомненно, что этот обычай сохранился у некоторых потомков Мухаммеда. Воду из ванны Ага-хана благоговейно сохраняют, разливают по бутылкам и рассылают верующим по всему миру.

Такое поклонение человеку было непривычно для курайшитов и произвело сильное впечатление. Но уступать они все равно не хотели.

Они немного опасались того, что может сделать Мухаммед, однако еще больше боялись потерять лицо.

Он уже не позволил им разгромить Медину, а во время похода десятитысячной армии фактически заставил их уйти ни с чем. Теперь допустить его в Мекку с полутора тысячами последователей, которые внешне были паломниками, но по численности представляли настоящую армию, казалось недопустимым.

В мусульманский лагерь отправили предложение: если Мухаммед уйдет сейчас, то сможет вернуться в следующем году и совершить паломничество. Мухаммед ответил, что готов обсуждать подобный вариант, но хочет знать подробности.

Ответа не последовало, возникло своего рода равновесие. Вокруг Каабы курайшиты спорили. Всякий раз, когда наиболее воинственные члены совета предлагали выйти и силой прогнать Мухаммеда, один взгляд на холмы, где мерцали костры мусульманского лагеря, быстро охлаждал пыл.

В конце концов следующий шаг сделал Мухаммед. Он поручил Омару возглавить делегацию в Мекку.

Омар возразил. В городе было слишком много его личных врагов, и почти каждый мог сослаться на какую-нибудь кровную месть как оправдание убийства. Мухаммед признал разумность довода и позвал Османа.

Осман не возражал. Во-первых, он не бывал в Мекке много лет. Переселение в Абиссинию произошло до наиболее жестоких преследований, и у него не было столь глубоких личных конфликтов с курайшитами. Во-вторых, он принадлежал к омейядской семье и был родственником Абу Софьяна.

Осман незаметно отправился в Мекку, где двоюродный брат взял его под защиту. Но курайшиты оказались столь же тверды в решении не допустить Мухаммеда в Священный город в этом году. Осман тоже проявил упорство, и переговоры затянулись на несколько дней и ночей.

В лагере мусульмане начали тревожиться. Вскоре распространился слух, что Осман убит.

Мухаммед собрал паломников. Стоя под акацией, он призвал их поклясться отомстить за Османа, если с ним действительно случилось несчастье. Один за другим все пятнадцать сотен подходили к вождю, вкладывали руку в его ладонь и приносили клятву.

Однако до того, как начались необдуманные действия, Осман вернулся. Ему не удалось изменить позицию курайшитов, но вместе с ним прибыл человек, уполномоченный мекканским советом обсуждать условия договора. Его звали Сухейль ибн Амр.

Сухейль был знаком Мухаммеду еще по ранним мекканским годам и во время гонений примкнул к противникам мусульман. При Бадре он попал в плен, бежал, но был пойман снова. Жизнью он был обязан Мухаммеду, который держал его связанным в своем доме, пока не пришел выкуп.

Они не испытывали друг к другу симпатии. Но Сухейль являлся официальным полномочным представителем, и все, на что он согласится, должно было быть утверждено курайшитами.

После долгих переговоров основные условия договора сформулировали так:

Мухаммед и его люди немедленно возвращаются в Медину. В следующем году они могут прийти вновь и получают три дня для совершения обрядов вокруг Каабы. На эти три дня курайшиты покидают город и располагаются за его стенами. Паломники входят без боевого оружия, за исключением мечей в ножнах, которые путникам разрешалось носить для самозащиты.

С марта 628 года между мусульманами и курайшитами устанавливается десятилетнее перемирие. В течение этого времени караваны Мекки и Медины могут безопасно проходить по территории друг друга.

Еще одно условие особенно не нравилось мусульманам: любой мекканец, который без согласия семьи убежит в Медину ради принятия ислама, должен быть возвращен в Мекку.

Когда основные и второстепенные пункты были согласованы, позвали Али, чтобы он записал документ. Мухаммед начал диктовать привычной мусульманской формулой:

«Во имя Бога, Милостивого, Милосердного».

Сухейль остановил его. Он не привык к такому обращению и потребовал заменить вступление традиционной арабской формулой:

«Во имя Твое, о Боже!»

Мухаммед согласился и продолжил:

«Во имя Твое, о Боже! Вот условия мира между Мухаммедом, Посланником Аллаха, и...»

Сухейль снова прервал его. На этот раз он был одновременно раздражен, насмешлив и, возможно, впечатлен. Человек, за голову которого менее шести лет назад назначали награду, теперь с полной уверенностью официально называл себя Посланником Бога.

Несмотря на плотные ряды мусульман вокруг и мечи под их паломническими одеждами, Сухейль сказал:

«Если бы я считал тебя Посланником Бога, я бы не воевал с тобой. Сейчас не время спорить об этом. Пиши так, как принято у арабов: твое имя и имя твоего отца».

Среди слушавших паломников прокатился недовольный гул. Но Мухаммед не обратил внимания и продиктовал:

«Между Мухаммедом ибн Абдаллой и Сухейлем ибн Амром».

Когда Али закончил и была изготовлена копия, представители подписали соглашение. Затем поставили подписи свидетели: от мусульман — Абу Бакр, Омар и Осман; от курайшитов — Хувайтиб ибн Абд аль-Узза и Микраз ибн Хафс. Добавили отметку, что текст записан Али. После этого прикрепили глиняные печати.

Оригинал остался у Мухаммеда, копию передали Сухейлю для хранения в архивах Мекки.

Посольство курайшитов попрощалось с мусульманами по древнему арабскому обычаю и вернулось в город под традиционные пожелания мира от вчерашних врагов. Но за этими словами со стороны многих мусульман стояло мало искреннего удовлетворения.

Большинство паломников, и особенно Омар, были глубоко унижены тем, что Мухаммед, по их мнению, уступил курайшитам почти по каждому пункту. Им казалось невероятным: вождь привел их сюда, тот самый вождь, который прежде не боялся преследовать даже победившего его противника, — и теперь остановился в нескольких милях от цели.

Еще более унизительным выглядело то, что он по требованию мекканского посланника согласился не употреблять привычную формулу о Боге и убрал из договора собственный титул.

Омар дошел до того, что спросил:

«Ты действительно Посланник Бога?»

Мухаммед без раздражения ответил, что да.

Когда Омар заметил, что сегодняшние уступки заставляют в этом сомневаться, Мухаммед спокойно сказал: время покажет, что он поступил мудро.

Омар не успокоился. Он пошел к Абу Бакру. Тот, знавший Мухаммеда лучше всех, подтвердил: время все объяснит. Но горячий характер Омара уже разгорался. Он стал выяснять настроение других мусульман и обнаружил у многих то же недовольство. Впервые с возникновения ислама появились признаки открытого неповиновения.

Мухаммед приказал паломникам обрить головы, принести предназначенных животных в жертву и совершить положенные обряды прямо там, где они находились. Люди отказались. Приказ повторили трижды — без результата.

Для Мухаммеда это был крайне опасный момент. Он не мог позволить, чтобы неповиновение стало привычкой. Но если применить силу к собственным последователям, последствия могли оказаться еще хуже.

Он вошел в шатер Умм Саламы и рассказал ей о происходящем. Та дала простой совет: не спорить с людьми и не читать им новых проповедей. Пусть он сам выйдет и начнет обряд. Они последуют за ним.

Мухаммед принял совет.

Надев чистую паломническую одежду, он вышел из шатра в белый свет пустыни. Повернув лицо к Мекке, мерцавшей внизу, он обрился и остриг ногти. Затем подошел к жертвенным животным в ярких гирляндах, выбрал верблюда Абу Джахля, стреножил его и нанес смертельный удар. После этого так же спокойно продолжил жертвоприношение, молитвы и земные поклоны.

Из-под акаций солдаты с угрюмым любопытством наблюдали. Возможно, они ожидали увещевания. Но Мухаммед проходил весь ритуал так, словно их вовсе не замечал.

Когда он закончил установленную молитву и громко поблагодарил Бога за милости этого дня, люди начали подниматься. После мгновения напряженной тишины раздался общий крик. Все сразу стали брить головы — себе и друг другу, причем в такой спешке, что многие порезали кожу. Еще через несколько минут лагерь наполнился ревом верблюдов: паломники бросились совершать жертвоприношения.

Мухаммед наблюдал за происходящим так, словно никакого неповиновения и не было. Когда все обряды завершились, он приказал сворачивать лагерь, сел на Аль-Касву и повел караван обратно в Медину.

Он не разговаривал с Омаром. Ему нечего было доказывать. Он знал, что прав, и был уверен: договор это покажет.

В действительности договор стал шедевром дипломатии Мухаммеда и настоящей победой. Почти никто, кроме, возможно, Сухейля, не сопоставил настоящее с прошлым так, как это сделал Мухаммед.

Люди забыли побои и камни, ночное бегство, укрытие в пещере, опасное изгнание с несколькими десятками последователей. Контраст между тем временем и нынешним положением был поразителен.

Сам факт, что курайшиты вообще соглашались вести с Мухаммедом переговоры, признавали его человеком, достойным официального внимания, и фактически признавали главой самостоятельной арабской общины, был огромным достижением.

Но кроме личной победы над людьми, когда-то клявшимися захватить его живым или мертвым, Мухаммед видел далеко идущие последствия соглашения, которых большинство мусульман не замечало.

Он не был человеком, готовым срывать большие цели из-за мелких формальностей. Он напоминает Генриха IV, который ради французского престола принял католичество и якобы сказал недовольным гугенотам: «Париж стоит мессы».

Если Сухейль не мог примириться с тем, что бывший странствующий торговец называет себя величественным титулом, это не имело решающего значения. Если привычное мусульманское обращение к Богу раздражало слух курайшита, из-за этого не стоило разрушать договор.

Главное — получить законный доступ в Мекку. Мухаммед понимал: в тот день, когда он и его люди смогут войти в Священный город, недалек будет момент, когда они окажутся там постоянно. Тогда уже он станет определять, кто и как поклоняется у Каабы и какими словами следует обращаться к Богу и к Его Посланнику.

Еще важнее было влияние мира с Меккой на соседние племена. И здесь Мухаммед оказался прав. Через несколько дней после подписания документа, вызвавшего такое недовольство внутри собственной армии, к нему стали приходить вожди окрестных племен и приносить клятву верности.

Омар был поражен. За одну неделю обращенных в ислам оказалось больше, чем за многие предыдущие месяцы.

Чтобы окончательно убедить последователей, что условия Сухейля были приняты правильно, Мухаммед сообщил новое откровение. Оно вошло в сорок восьмую суру, названную «Победа»:

«Воистину, Мы даровали тебе явную победу, чтобы Бог простил тебе прежние и последующие ошибки, завершил Свою милость к тебе и направил тебя прямым путем...

Бог был доволен верующими, когда они приносили тебе клятву под деревом. Он знал, что было в их сердцах, ниспослал им спокойствие и наградил близкой победой...»

Но даже если этих духовных подтверждений было недостаточно, один из самых неприятных пунктов договора — о возвращении мекканских перебежчиков — вскоре был фактически отменен самими курайшитами.

Молодой мекканец по имени Абу Басир бежал от семьи в Медину, чтобы принять ислам. Вскоре вслед за ним прибыли представители его родственников и потребовали вернуть беглеца. Как ни неприятно было Мухаммеду, подпись обязывала его соблюдать договор, и он передал молодого человека посланцам.

По дороге в Мекку Абу Басир одолел охранников. Одного убил, другого заставил бежать обратно в Медину. С окровавленным мечом в руке он снова явился к Мухаммеду и заявил: Мухаммед исполнил свое обязательство и отправил его назад; следовательно, теперь ответственность за дальнейшие действия с него снята.

Мухаммед некоторое время молчал, затем улыбнулся и сказал, словно ни к кому конкретно не обращаясь:

«Вот разжигатель войны! Если бы только у него нашлись сторонники...»

После этого он отпустил Абу Басира.

Тот быстро понял возможный смысл слов. В Медине находились пятеро его мекканских друзей. Он собрал их, коротко посовещался и увел в пустыню. Через несколько дней небольшая группа уже располагалась на сирийском караванном пути вдоль побережья Красного моря.

Поскольку между Меккой и Мединой теперь был мир, торговля быстро ожила. Длинные вереницы верблюдов и мулов снова выходили из Мекки с дорогими товарами. Казалось, возвращаются времена Хашима и Абд аль-Мутталиба. Но ненадолго — на дороге уже действовал Абу Басир.

Скоро другие молодые мекканцы, которые из-за договора не могли бежать прямо в Медину, услышали о происходящем и присоединились к нему. Вскоре путь стал для мекканских караванов опаснее, чем во время открытой войны с Мединой.

При этом обвинить Медину или ее вождя в нарушении договора было невозможно. Даже если сообщали, что Мухаммед улыбался, услышав об очередном успехе Абу Басира, сама улыбка договор не нарушала.

В конце концов положение стало настолько тяжелым, что делегация курайшитов прибыла к Мухаммеду и попросила его вмешаться. Мухаммед сначала отказывался: это, говорил он, не его дело. Но мекканцы продолжали просить.

Наконец он согласился — при условии, что пункт договора, обязывавший отказывать в убежище новообращенным из Мекки, будет отменен. Курайшиты приняли условие. Мухаммед доказал, что

он столь же способный государственный деятель, как дипломат и полководец.

Разбойников немедленно вызвали в Медину. Все подчинились, кроме Абу Басира. На одном из набегов изобретательный молодой человек получил рану и уже не оправился. Перед смертью, однако, он услышал похвалу Мухаммеда за услуги мусульманскому делу и обещание доли мученика в раю.

Сожалея о потере потенциального вождя, Мухаммед в целом был доволен положением. Все складывалось даже спокойнее, чем он ожидал. В следующем году он должен был войти в Мекку. А дальше могло случиться что угодно.

Пока же ему предстояло многое сделать, чтобы закрепить недавние успехи. Оставалось также свести два-три небольших счёта с теми, кому ещё не хватило ума признать его Посланником Божьим.

ГЛАВА XVIII

ПОСОЛЬСТВА

(628 год после Рождества Христова)

Мухаммед не дожил до расцвета могущества мусульманской империи. При жизни у него, строго говоря, еще не было убедительных оснований быть уверенным, что такая империя вообще возникнет. Но он верил в нее — так же, как верил в свое вдохновение тогда, когда имел всего четырех последователей.

Теперь, видя быстрые обращения отдельных людей и целых племен после возвращения из Худайбии, он убедился, что близится время, когда мир будет готов к исламу.

Оставались местные группы, не признававшие его власть, но он считал, что с ними сумеет разобраться. Его мысли все чаще обращались к народам за пределами нынешних владений. Ему казалось, что им достаточно лишь услышать призыв, чтобы принять новую веру.

Для этого были выбраны посланники. Некоторые традиции рассказывают, что подобно апостолам Иисуса в день Пятидесятницы, заговорившим на разных языках, послы Мухаммеда чудесным образом получили дар языков.

Я оставляю это на усмотрение читателя, но отмечает практическую сторону выбора: Мухаммед предпочитал бывших торговых путешественников. Эти люди уже бывали за границей, знали обычаи чужеземцев и не растерялись бы за пределами привычной пустыни, как могли бы растеряться Абу Бакр или Омар. Кроме того, они умели объясняться с греками, римлянами и персами.

Чтобы вручить послам знак полномочий, Мухаммед велел изготовить большую серебряную печать, или медаль, с выгравированными словами: «Мухаммед — Посланник Бога». Это была простодушная, незамысловатая идея, немало развеселившая Абдаллаха ибн Убайя и его друзей. Однако это не помешало печати вскоре приобрести большее значение, чем римский орёл.

Первое посольство вновь направили к Ираклию. На этот раз его остановили в Босре, где наместник принял послание и переслал императору. Серебряная печать заинтересовала Ираклия, и он велел перевести письмо. Его, удивило, что неизвестный ему араб призывает отказаться от почитания Иисуса и Марии и принять истинную веру в единого Бога. Ираклий сохранил письмо и печать как любопытную редкость, но никаких дальнейших шагов не предпринял.

Следующее посольство отправилось к персидскому двору. Хосров к тому времени был убит своим сыном Сироем, который и получил необычное послание Мухаммеда. Сироеса раздражило не столько содержание, сколько форма обращения: «Мухаммед, сын Абдаллы, Посланник Аллаха — Хосрову, царю Персии».

Его возмутило, что пустынный араб поставил собственное имя впереди имени царя. Он разорвал письмо и приказал наместнику Йемена:

«В Медине есть безумец из племени курайшитов, выдающий себя за пророка. Вразуми его или пришли мне его голову».

Услышав об этом, Мухаммед только пожал плечами и сказал:

«Как он разорвал письмо, так Аллах разорвет его империю».

Предсказание осуществилось быстро: менее чем через двадцать лет Персия оказалась под властью мусульман, а ее судьбу определяли люди, воспитанные тем самым «безумцем из курайшитов».

Вождь Бени Ханифа, христианского племени центральной Аравии, принял посланников гостеприимно и одарил их, но поставил условие: он присоединится к исламу лишь в том случае, если получит долю власти. Мухаммед ответил, что не дал бы ему даже части неспелого финика. К ответу он добавил проклятие. На следующий год честолюбивый вождь умер.

В Абиссинии послам было легче. Негус с первых дней призвания дружелюбно относился к мусульманам и давал им убежище. При его дворе еще жили около шестидесяти мусульман, среди них Джафар, сын Абу Талиба и брат Али.

Это не помешало Мухаммеду передать Негусу то же послание, что римлянам и персам. Говорят, Негус принял благочестивые предложения Мухаммеда и последовал им. Исторические сочинения

этого не подтверждают. Хотя абиссинцы глубоко уважали Мухаммеда и его дело, они уже были христианами-несторианами, чьи основные убеждения мало отличались от мусульманских. Кроме того, абиссинцы и сегодня остаются христианами. Что бы ни произошло между арабами и абиссинцами, всё проходило весело и сердечно.

У посольства была еще одна, менее религиозная задача. Среди мусульманок, живших в Абиссинии, находилась Умм Хабиба, дочь Абу Софьяна. Она была вдовой Убейдаллы ибн Джахша — одного из первых обращенных и первых беженцев из Мекки. Его мать была дочерью Абд аль-Мутталиба, поэтому он приходился Мухаммеду родственником; кроме того, он был братом Зейнаб, чья история с Зайдом и Мухаммедом вызвала скандал.

Мухаммед решил еще сильнее переплести родственные связи и жениться на вдове. Политический расчет тоже был очевиден: это задевало Абу Софьяна и одновременно укрепляло положение Мухаммеда в Мекке. Абу Софьян мог сколько угодно осуждать союз, но теперь презираемый им когда-то проповедник становился его зятем.

Услышав о браке, Абу Софьян только заметил:

«Этот верблюд настолько неукротим, что никакой намордник его не удержит».

Умм Хабиба была рада браку с Мухаммедом, и Негус провел церемонию по доверенности. Затем Джафар и остальные беженцы приготовились сопровождать невесту в Медину.

Еще одно посольство отправилось в Египет. Римский наместник Мукаукис отнесся к письму Мухаммеда серьезно и принял посланников вежливо, хотя не дал обещания принять ислам. Перед их отъездом он передал Мухаммеду ценные дары: украшения, египетский лен, мед, масло, ослицу, белого мула и породистого жеребца. К обычным подаркам он добавил двух красивых коптских сестер — Марию (Марьям) и Ширин.

Было ли Мукаукису известно о восприимчивости Мухаммеда к женской красоте или он просто дополнял и без того разнообразный набор даров, неизвестно. Каковы бы ни были его побуждения, он не

мог выбрать подарка, который больше порадовал бы Мухаммеда и вызвал больший переполох в его доме.

Едва увидев светлокожую, кудрявую Марию, Мухаммед увлекся ею. То же самое произошло с поэтом Хассаном. Мухаммед быстро устранил опасность соперничества, отдав Хассану сестру Марии — Ширин.

По неизвестной причине Мухаммед не женился на Марии, а ввел ее в свой дом как наложницу. Протест был почти единодушным. От Аиши до Зейнаб все жены объявили себя возмущенными и сплотились против Марии. Жизнь сделали настолько неприятной, что Мухаммед поселил ее отдельно, в верхней части Медины. Но и это вызвало недовольство. Гарем решил ненавидеть Марию, и конфликт едва не завершился всеобщим разводом.

Вероятно, Мария была не единственной причиной кризиса: она появилась в момент, когда ревность между женами уже достигла предела. Чтобы поддерживать мир, Мухаммед выделил каждой жене по одной ночи по очереди. Когда он выезжал из Медины, женщины бросали жребий, кто будет сопровождать его. Но это не мешало ему чаще предпочитать Аишу, и та прекрасно знала о своем влиянии.

В гареме по-прежнему существовали два лагеря. Аиша, Хафса и Сауда держались вместе против остальных. Сауда примкнула к двум более влиятельным женам отчасти потому, что они пришли в дом сразу после нее, а отчасти ради защиты. Она старела и никогда не считалась красавицей. Покровительство Аиши уменьшало опасность развода; чтобы еще надежнее сохранить ее, Сауда даже уступила любимице свою ночь с Мухаммедом.

Положение Аиши оставалось прочным. Почти обо всем Мухаммед готов был разговаривать с ней. Исключением была Хадиджа. Ее он всегда ставил отдельно от молодых женщин, которые возбуждали, развлекали и одновременно мучили его. Он продолжал заботиться о родственниках Хадиджи и раздражал Аишу, называя первую жену лучшей из женщин.

Однажды в Медину приехала сестра Хадиджи Хала. Голосом она напоминала Хадиджу. Когда Мухаммед услышал ее во дворе, его

охватило сильнейшее волнение. После ухода гостьи Аиша раздраженно сказала:

«Почему ты постоянно вспоминаешь этих скучных курайшитов? Почему все думаешь о той беззубой старухе, которую Аллах заменил тебе женщиной лучше?»

Лицо Мухаммеда потемнело, и он сурово ответил:

«Нет! Аллах не заменил ее лучшей. Она поверила в меня, когда меня отвергали. Когда меня называли лжецом, она называла меня правдивым. Когда я был беден, она делилась со мной богатством. Другой такой, как Хадиджа, никогда не будет».

Во всем остальном Аиша позволяла себе в гареме очень многое. Однажды она даже сорвала один из браков Мухаммеда еще до его осуществления.

Невесту звали Асма. Она была сестрой влиятельного пустынного вождя из Неджда. Мухаммед послал за ней специальный эскорт верблюжьего корпуса. К удивлению и досаде Аиши и Хафсы оказалось, что эта политическая невеста еще и очень красива. Аиша решила избавиться от нее и привлекла Хафсу к заговору.

Они отпустили рабынь и заявили, что сестру столь великого вождя и потомка царей к свадьбе должны готовить только любимые жены Посланника. Пока они покрывали руки ничего не подозревавшей девушки хной, расчесывали ей волосы и умащивали духами, они разговаривали с ней ласково и по-сестрински.

Между прочим они посоветовали: когда Мухаммед приблизится к ней как муж, надо сказать: «Я прибегаю от тебя к защите Аллаха!» Тогда, уверяли они, он станет уважать ее гораздо больше, чем если она сразу покорится, как другие женщины.

Несчастная девушка, никогда не видевшая такой бурной жизни и не знакомая с интригами гарема, последовала совету. Она не знала, что формула придумана Аишей и означает отказ женщины от супружеской близости.

Мухаммед растерялся, услышав эти слова. Он решил, что ослышался, и снова приблизился. Асма повторила фразу. Она настойчиво, почти механически произносила то, чему ее научила Аиша. Наконец Мухаммед отступил. На следующий день Асму

отправили обратно в Неджд. Она так и не поняла причины и позднее жаловалась на отсутствие галантности у Посланника ислама.

Поэтому, когда теперь Аише пришлось принять в качестве соперницы коптскую рабыню, главным «преступлением» которой было то, что она красивее большинства арабок, ярость Аиши трудно было сдержать. Другие жены тоже были против Марии, хотя выражались менее открыто. Атмосфера в доме становилась все напряженнее.

Взрыв произошел в тот день, когда Хафса застала Марию с Мухаммедом в собственных покоях Хафсы. Уже через четверть часа весь гарем превратился в хаос. Мухаммед напрасно пытался успокоить женщин обещаниями и увещеваниями. Ничего не действовало. Наконец он сам потерял терпение.

«Ад населен женщинами!» — воскликнул он и добавил: «Вы, женщины, меньше боитесь Аллаха, чем меня. Я не стану посещать вас целый месяц!»

После этого он удалился в небольшую башенку возле мечети и заперся.

Такая вспышка обычно мягкого Мухаммеда подействовала на гарем как ведро холодной воды. Поначалу жены уверяли друг друга, что он вернется, как только остынет. Они разошлись по комнатам и стали ждать. Но Мухаммед не вернулся ни ночью, ни на следующий день, ни следующей ночью.

По Медине пошел слух, будто он отказался от всего гарема. Город закипел сплетнями и встречными сообщениями так же, как во времена истории с ожерельем Аиши.

Абу Бакр и Омар то ругали дочерей, то мрачно сидели дома. Помимо тревоги за вождя, развод с Аишей и Хафсой мог полностью изменить будущее обеих семей.

Когда прошло более трех недель, Омар не выдержал. Он проник в башню и спросил, развелся ли Мухаммед с женами. Сначала тот не отвечал. Наконец, увидев раздраженное нетерпение Омара, покачал головой.

Омар с облегчением вышел и сообщил людям, толпившимся у мечети в ожидании новостей, что разрыв временный. Он успокоил и Абу Бакра.

К концу четвертой недели Мухаммед снова появился в гареме. Он сразу вошел к Аише и сел на ее циновку. Он не улыбался и смотрел укоризненно. Но Аиша вместо того, чтобы смутиться, рассмеялась:

«Мне казалось, ты сказал, что уйдешь на месяц?»

Мухаммед тоже не удержался от улыбки, обнял ее и ответил:

«В этом месяце всего двадцать восемь дней».

Примирение не заставило его отказаться от Марии. Она продолжала жить отдельно, и Мухаммед регулярно посещал ее. Через год Мария родила ему сына Ибрахима. Мухаммед был счастлив и не понимал мрачного настроения, которое эта новость вызвала в гареме.

Ребенок умер, не успев научиться ходить, и Мухаммед тяжело переживал смерть сына. Мария оставалась с ним до конца и пережила его примерно на пять лет.

Не следует, однако, думать, что постоянные семейные неприятности превращали Мухаммеда в мужа, полностью подчиненного женам. С учетом обстоятельств он обращался с ними довольно умело и хорошо понимал женскую психологию.

Особенно мудро одно из его наставлений:

«Будьте снисходительны к женщинам, созданным из ребра. Если попытаетесь выпрямить ребро, вы сломаете его. Принимайте женщин такими, каковы они есть, со всеми их изгибами».

Он не разделял цинизма Абу Бакра, который, несмотря на четыре брака, якобы говорил:

«Женщины — зло, но величайшее зло в том, что без них нельзя».

Дело в том, что Мухаммед был разносторонним человеком. Он мог направить ум и силы на что угодно. С одной стороны, он отправлял посольства к правителям цивилизованного мира; с другой — посвящал себя кудрявой наложнице и навлекал на себя гнев множества ревнивых жён. Одновременно он создавал армию, способную быстро передвигаться и наносить сильные удары.

Он обучал младших командиров, приучал людей к дисциплине, улучшал оружие. Тактика обычных бедуинских набегов постепенно

уступала место более организованной войне. В августе 628 года Мухаммед решил испытать новую военную машину против еврейского поселения Хайбар, контролировавшего дорогу в Сирию.

Евреи Хайбара не были мирными и неопытными людьми. Как и многие их единоверцы той эпохи, они умели сражаться и могли дать бой любому арабскому племени.

У этого похода было три причины.

Во-первых, Мухаммед не желал иметь рядом враждебные еврейские общины. По его мнению, несмотря на предупреждения, они при каждом удобном случае создавали мусульманам трудности. Особенно это относилось к Бени ан-Надир. После того как Мухаммед позволил им спокойно покинуть Медину, часть племени переселилась в Хайбар и затем поддержала курайшитов.

Во-вторых, Мухаммед хотел вознаградить людей за разочарование в Худайбии.

Наконец, вероятно, он хотел испытать армию в настоящей операции.

Хайбар представлял собой область садов, полей и финиковых рощ, среди которых стояли несколько крепостей. В центре находилась главная цитадель, выдержавшая уже не одну осаду. Поход должен был показать, насколько армия соответствует ожиданиям Мухаммеда.

Мусульманское войско насчитывало около шестнадцати сотен хорошо вооруженных воинов. Почти двести были хорошими всадниками, остальные имели быстрых дромадеров. Как обычно, рядом с Мухаммедом были Абу Бакр, Омар, Осман, Али и Зайд. Умм Салама вытянула счастливый жребий и снова сопровождала армию.

С ними были и другие женщины. Возможно впервые в истории войн Мухаммед сознательно взял жен мусульманских солдат для ухода за ранеными. Женщины и раньше сопровождали армии — как наложницы или как вдохновительницы воинов, подобно Хинд при Оходе, — но здесь им отводилась медицинская роль на поле боя.

Впервые армия несла большое мрачное знамя Окаб — Черный Орел, сшитое из плаща Аиши. В будущем оно станет одним из знаменитых символов ислама, знаменем Халида и его легкой сарацинской конницы.

Несколько племен, отказавшихся участвовать в мирном походе на Мекку, теперь предложили свои услуги. Мухаммед отказал. Если они не пожелали участвовать в предприятии без добычи, сказал он, то нет причины позволять им присоединяться теперь, когда добыча вероятна.

От Медины до Хайбара чуть больше ста миль. Обычная армия прошла бы путь примерно за пять дней. Мухаммед понимал, что победить хорошо укрепленного врага можно прежде всего внезапностью. Он преодолел расстояние тремя форсированными переходами и достиг территории противника до рассвета четвертого дня.

Никто не подозревал о приближении. Первым предупреждением стали мусульманские шлемы и панцири, заблестевшие в лучах восходящего солнца. По садам, полям и крепостям пронесся крик:

«Мухаммед! Великий Иегова! Мухаммед и его воины!»

Люди разбежались и укрылись в городках и крепостях.

Мухаммед знал, что на этот раз не будет легкой эффектной победы и простого измора гарнизона голодом. Он сталкивался с сильными воинами и должен был использовать все полководческие способности, а его люди — проявить всю храбрость.

Кампанию он начал с последовательного захвата небольших укреплений. Затем подошел к Аль-Камусу, главной крепости Хайбара. Она выглядела грозно: стены были словно высечены из самой скалы, все подступы тщательно защищены, внутри находился хорошо вооруженный гарнизон с достаточными запасами.

Перед атакой Мухаммед собрал армию и произнес молитву:

«О Аллах! Господь семи небес и всего, что они покрывают! Господь семи земель и всего, что они несут! Господь злых духов и тех, кого они вводят в заблуждение! Господь ветров и всего, что они рассеивают! Просим Тебя предать в наши руки этот город и богатства его земель. К Тебе обращаемся за помощью против этого народа и всех опасностей, окружающих нас».

«Аминь!» — ответили роты и отряды.

После короткой молитвы началась тяжелая работа войны. Очень скоро Мухаммед понял, что задача сложнее, чем предполагалось, а положение усугубляет снабжение армии пищей.

Арабы редко брали с собой большие запасы. Они рассчитывали на гостеприимство друзей и добычу у врага. Но пока внешние крепости одна за другой падали, евреи успели сжечь посевы и загнать скот за стены главной цитадели.

Осадная война была непривычна для кочевников, выросших на быстрых набегах. Защита рва у Медины почти ничему не научила их в вопросе штурма крепостей. Тем не менее Мухаммед проявил способность быстро осваивать незнакомые условия. На месте изготовили несколько простых осадных приспособлений. Самыми эффективными оказались тараны из пальмовых стволов, которые в конце концов пробили небольшую брешь.

Абу Бакр повел туда смелую атаку, но был отброшен. Затем попробовал Омар. Он дошел до входа в брешь, однако тоже вынужден был отступить, потеряв многих людей.

Наконец к стене двинулся Али с Черным знаменем. Во время атаки он выкрикивал:

«Я Али, лев; как лев, ревущий в пустыне, я взвешиваю врагов на весах великана».

Али не был гигантом ростом, но недостаток высоты компенсировался шириной плеч и огромной силой. В тот день он выглядел особенно внушительно: алый кафтан, блестящие нагрудный и спинной панцири, остроконечный шлем с серебряными украшениями. В правой руке он держал собственную саблю Мухаммеда — Зульфикар, доверенную ему вместе с черным знаменем.

Один за другим еврейские ветераны бросались на Али; один за другим отступали ранеными или падали. Штурм главной крепости вступал в решающую фазу.

Перед Али выступил лучший еврейский воин, человек по имени Мархаб, возвышавшийся над остальными. На нем был двойной панцирь, а поверх шлема — толстый тюрбан, закрепленный огромным драгоценным камнем. Золотой пояс удерживал два меча, однако в этот

момент Мархаб не пользовался ими: он поражал противников длинным трехзубым копьем.

На мгновение сражение словно остановилось. Воины обеих сторон оперлись на оружие и стали смотреть на поединок.

Мархаб, подобно библейскому Голиафу, никогда не терпел поражения. Уже один его огромный рост пугал противников до того, как они приближались. Трезубое копье сбивало с толку даже искусных мечников.

Мархаб атаковал первым. Али, непривычный к такому оружию, сначала отступил. Затем собрался и начал фехтовать с противником. Обманное движение, удар и отражение атаки — и копье вылетело из рук Мархаба. Прежде чем тот успел выхватить один из мечей, сабля Али рассекла его голову вместе со шлемом и тюрбаном.

Увидев гибель своего чемпиона, защитники отступили за стены. Мухаммед дал сигнал к общему штурму. Мусульмане ринулись вперед, Али возглавлял натиск. В поединке он потерял щит и, чтобы заменить его, сорвал с петель дверь и нес ее перед собой. Впрочем, теперь она почти не понадобилась. Поток мусульман хлынул через брешь, жители укрывались в домах, а тех, кто не сдавался, убивали.

Город разграбили. Не обнаружив сокровищ, которые ожидали найти, мусульмане пытали вождя Хайбара и затем казнили его. Остальных евреев изгнали, за исключением молодой жены вождя — Сафии.

Сафия была дочерью главы Бени Корайза, погибшего после Битвы у рва. Это была очень красивая и расчетливая молодая женщина. Когда ее привели к Мухаммеду, она сразу дала понять, что предпочитает дружелюбные отношения. Мухаммед набросил на нее свой плащ, что означало принятие под защиту. Когда вскоре он отделил ее от остальных пленниц, солдаты поняли: в гареме появится еще одна жена.

Свадебный пир совместили с празднованием взятия Хайбара. Иудеи запасли в крепости много хорошей пищи на случай осады, и теперь ею щедро кормили мусульманских воинов, которые до этого долго жили на половинном пайке.

После пира Мухаммед подвел своего верблюда к Сафии, заставил животное опуститься и подставил женщине собственное согнутое колено как ступеньку. Так он помог ей сесть в седло и отвез в свадебный шатер.

Появление Сафии едва не вызвало очередную бурю в гареме. Но она оказалась столь же умной, сколь красивой, и действовала тактично и твердо. Быстро разобравшись во внутренних союзах дома Мухаммеда, она решила держаться стороны Аиши и Хафсы.

Это не было легко. Ей приходилось терпеть колкости из-за еврейского происхождения, несмотря на принятие ислама. Однажды, отвечая на особенно язвительный выпад Аиши, Сафия сказала:

«Как я могу быть ниже тебя, если Аарон — мой брат, Моисей — мой дядя, а Мухаммед — мой муж?»

Аиша почувствовала себя поставленной на место. С этого времени Сафия стала четвертой участницей лагеря, который позднее выступал против линии Али. Она прожила еще около сорока лет после смерти Мухаммеда и участвовала в политической жизни Медины.

Пока же наступил медовый месяц возле Хайбара — и едва не закончился бедствием, которое, могло изменить историю ислама.

У Мархаба, убитого Али, была сестра по имени Зейнаб. В отличие от Сафии, она вовсе не собиралась примиряться с победителями. Она ненавидела мусульман и особенно Мухаммеда. Зейнаб приготовила козленка для мединского командования, тщательно отравив мясо.

Мухаммед любил жареного козленка и охотно взял первый кусок. Но едва начал жевать, как вскрикнул и выплюнул мясо:

«Оно отравлено!»

Лишь один из его офицеров успел начать есть и проглотил несколько кусков. Через несколько минут он корчился на полу, а примерно через час умер. Мухаммед испытывал сильную боль и довольно долго страдал от последствий яда, но остался дееспособен.

Когда Зейнаб привели к нему, Мухаммед спросил, почему она это сделала. Ее ответ, даже если не был полностью искренним, показал присутствие духа:

«Ты причинил моему народу тяжкие несчастья. Ты убил моего отца и дядю, брата и мужа. Я сказала себе: если этот человек

действительно пророк, он узнает, что мясо отравлено, и не станет его есть. Если же он самозванец, то умрет — и всему миру будет лучше».

Современники расходились в рассказах о ее судьбе. Одни говорили, что Зейнаб казнили; другие — что Мухаммеду понравилась ее логика и он отпустил ее.

После падения Хайбара и получения огромной добычи — животных, доспехов, ковров, оружия — оставалось возвращаться в Медину. Плодородные еврейские земли разделили. Половина стала своего рода государственным владением под управлением Мухаммеда, другую распределили между воинами, участвовавшими в осаде.

Казна наполнилась золотом, как и личные средства вождя. Ведя армию домой, Мухаммед мог подводить итог: почти во всех отношениях положение складывалось в его пользу. Если последствия еврейского яда не сократят его жизнь, большинство его целей казалось уже достижимым.

Когда впереди показались пальмы Медины, склонившиеся под ветром, его ожидал еще один приятный сюрприз. Во время похода вернулись из Абиссинии двоюродный брат Джафар и другие беженцы. Увидев возвращающуюся армию, они выбежали навстречу. Встреча была радостной.

Последний раз Мухаммед видел этих людей в полутемных переулках Мекки, когда они маленькими группами тайно уходили в изгнание. Никто не осмеливался громко прощаться, никто не знал, увидятся ли они снова. Теперь приветствия были шумными, наполненными смехом.

В гареме ждала Умм Хабиба. Она была уже не так молода и не обладала красотой Марии или Сафии, поэтому сразу не стала причиной нового конфликта. Все понимали: интерес Мухаммеда к ней в значительной степени политический.

Но сама Умм Хабиба сознательно примкнула к Умм Саламе, Зейнаб и Фатиме. В политических конфликтах после смерти Посланника она станет ожесточенной, порой опасной противницей Аиши.

Пока же спокойствие армии и общины распространилось и на гарем. Сафия и Умм Хабиба были приняты, и, несмотря на последствия отравления, Мухаммед чувствовал себя уверенно. Теперь он ждал великого дня, когда поведет своих людей обратно в родной город.

ГЛАВА XIX

ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА

(629 год после Рождества Христова)

Успех не вскружил Мухаммеду голову, но сделал его несколько самоуверенным. Он постоянно думал о первом возвращении в Мекку. В воображении он видел себя победителем, возвращающимся во славе и доказывающим мекканцам, что они ошибались, а он был прав.

Этот образ когда-нибудь воплотится, но еще не в седьмом году хиджры, соответствовавшем 629 году христианской эры.

Зимой 628 года состоялось несколько небольших военных операций под командованием Абу Бакра и Омара. С наступлением нового года Мухаммед объявил, что намерен воспользоваться правами, полученными по договору Худайбии, и совершить паломничество в Мекку.

В феврале 629 года мусульмане снова построились перед оазисом Медины в белых паломнических одеждах. Все участники прошлогоднего похода, пережившие Хайбар, были здесь. К ним присоединились многие новые люди, заполнившие потери и увеличившие численность.

Когда Али провел подсчет, оказалось более двух тысяч арабов, чья заявленная цель состояла лишь в поклонении в Священном городе. Каждый ехал на дромадере; сбоку шли украшенные гирляндами жертвенные верблюды.

Согласно договору, паломники не несли оружия, кроме мечей в ножнах. Но Мухаммед все-таки не исключал ловушки со стороны Абу Софьяна. Поэтому впереди основного каравана двигалась сотня всадников под командованием Мухаммеда ибн Масламы, участника почти всех войн ислама.

Позади каравана следовал резерв с доспехами, луками и стрелами.

На этот раз Абу Софьян, по-видимому, действительно намеревался соблюдать договор. Как только стало известно, что мусульмане близко, он приказал освободить Мекку. Горожане с

коврами и запасами пищи поднялись по крутым склонам окружающих холмов и разбили там временный лагерь.

Непримиримые противники Мухаммеда ушли еще дальше, чтобы вообще не видеть, как мусульмане совершают обряды у их святынь. Большинство же жителей расположилось на скалах и наблюдало.

Медленно мусульманская колонна появилась из ущелья, входившего в Мекку с севера. Впереди спокойно ступала Аль-Касва. Мухаммед, много раз проходивший по этой дороге с сирийскими караванами, не смотрел ни вправо, ни влево.

Рядом ехали его ближайшие соратники — Абу Бакр, Омар, Осман и Али, Зайд; чуть позади — Билал. За ними через теснину двигались остальные паломники.

Когда они увидели Каабу, раздался крик:

«Лаббайк Аллах! Умма лаббайк! Мы здесь, о Аллах! Мы здесь!»

У ограды Бейт Аллах караван остановился. Когда все подтянулись, сформировали процессию и медленно вошли в святилище.

Мухаммед первым подъехал к углу Каабы и коснулся Черного камня посохом. Затем начал семь кругов вокруг святыни. Это был древний ритуал, существовавший задолго до ислама и имевший параллели в других религиях — обход священного огня, дерева или стен.

Во время обхода паломники повторяли:

«Нет Бога кроме Аллаха. Он поддержал Своего раба и возвысил Свой народ. Один Он обратил в бегство войско союзников».

После этого Мухаммед повел людей к холмам Сафа и Марва и семь раз проехал между ними. Этот обряд напоминал о Хаджар, которая, по преданию, металась между двумя местами в поисках воды для Исмаила.

Затем выстроили и закололи жертвенных животных. После этого паломники обрили головы.

Основная часть людей закончила начальные обряды малого паломничества, но оставались те, кто нес охрану на случай предательства. Мухаммед заменил их другими, чтобы и они смогли совершить те же действия.

Ночь паломники провели в Мекке. Они почти не разговаривали и держались вместе. Долгожданное возвращение почему-то не соответствовало ожиданиям.

Восточный город гораздо сильнее зависит от присутствия жителей и их постоянной уличной жизни, чем западный. Базар, разговоры на плоских крышах, кофейни, музыка, движение мужчин и женщин, ослов, верблюдов, мулов и лошадей придают городу характер. Пустая главная улица и закрытые лавки для западного человека могут означать лишь выходной день, но на Востоке такая тишина воспринимается почти как знак эпидемии или национальной катастрофы.

К этой призрачной атмосфере добавлялось личное чувство. Многие арабы возвращались домой после семи лет отсутствия. Религиозный раскол отделил их от друзей и родственников, с которыми они поссорились. Все же многие надеялись, что паломничество принесет хотя бы некоторое примирение.

Этого не произошло. Абу Софьян не стал перекрывать им путь оружием, но нанес другой удар: паломники не могли даже посетить собственные дома. Все двери и окна были заперты. В городе остались лишь немногие женщины и старики, которые не показывались наружу.

Мусульмане сбились вокруг Каабы, надеясь, что Мухаммед сделает что-нибудь, чтобы разрядить унылое напряжение.

Он ничего не сделал. Вместо этого удалился во внутреннее помещение Каабы и остался там в размышлении. Святилище по-прежнему было полно идолов, но он словно не замечал их. Для него это прежде всего был храм, воздвигнутый Авраамом единому Богу.

Тоска его спутников по домам почти не приходила ему в голову. За исключением первых лет брака с Хадиджей, он сам редко знал спокойную домашнюю жизнь мекканца. Он постоянно путешествовал или скрывался от преследований. Мекка означала для него прежде всего богоустановленный центр новой веры.

Когда настало время утренней молитвы, Мухаммед вышел из уединения. Он позвал Билала и велел ему подняться на крышу Каабы.

Стоя в белом солнечном свете, отражавшемся от каменных холмов, бывший чернокожий раб, первый муэдзин ислама, начал призыв. Над безмолвным городом прозвучало:

«Ла илаха илла-Ллах! Мухаммад расул Аллах!»

Слова о единстве Бога и миссии Его Посланника распространились на восток и запад, север и юг, до мекканцев, сидевших на скалах.

Сцена была драматичной. Каждый житель знал, что прямо под ногами Билала внутри святилища стоят сотни языческих идолов. Но никто не протестовал; никакой гром не разразился и земля не содрогнулась. Кааба оставалась неподвижной, пока человек, который несколько лет назад носил воду как вьючное животное, провозглашал с ее крыши веру, которую прежние хозяева города считали осквернением.

Паломников охватило вдохновение. Вчерашняя тревога исчезла. Они окружили Каабу. Когда все две тысячи заняли места, Мухаммед возглавил молитву. Тысячи глубоких голосов повторяли слова, которым он учил еще в первые годы ислама. Руки поднимались и опускались, тела склонялись в одном ритме.

После молитвы люди некоторое время сидели в молчании, затем медленно разошлись. Теперь сердца их были спокойны. Разочарование предыдущего вечера исчезло перед убеждением, что дома, друзья и родственные связи значат меньше, чем принадлежность к истинной вере.

В меньшей степени то же впечатление передалось и мекканцам. Некоторые открыто выражали интерес. Абу Софьян начал беспокоиться — именно этого он боялся. Он внимательно следил за сроком и утром четвертого дня паломничества отправил Сухейля и Хувайтиба, подписавших договор, потребовать от Мухаммеда покинуть город.

Мухаммед, пребывавший в мирном настроении, предложил задержаться еще немного. Посланники отказались. По договору было разрешено три дня; они закончились. Он должен уйти немедленно.

Мухаммед пожал плечами и приказал готовить эвакуацию. Но был раздражен. Он надеялся на какой-либо шаг к примирению с

курайшитами. Кроме того, существовала личная причина: он собирался жениться в последний раз.

Его одиннадцатой и последней женой стала Маймуна бинт аль-Харис, родственница его дяди Аль-Аббаса и тетка Халида — того самого д'Артаньяна курайшитов. Маймуне было двадцать шесть, она была вдовой.

Переговоры о браке вел Аль-Аббас, который еще не был мусульманином, но сохранял отношения с Мухаммедом по семейным и прагматическим причинам. Маймуна была привлекательной женщиной и приносила с собой связи в Мекке, которые Мухаммеду были полезны.

Мухаммед хотел, чтобы курайшиты приняли участие в свадьбе, но неправильно оценил их настроение. Единственным их желанием было, чтобы он ушел. Поэтому он повел людей примерно на десять миль от Мекки, к месту Сариф, где и состоялась свадьба.

Маймуну сопровождала Сальма, вдова Хамзы, остававшаяся в Мекке, и ее незамужняя дочь Омара. Молодая и красивая Омара сразу привлекла внимание соратников Мухаммеда; особенно Али хотел взять ее в жены. Однако Мухаммед распорядился иначе и отдал ее старшему двоюродному брату Джафару.

Маймуна пережила Мухаммеда и остальных оставшихся жен, но не сыграла большой роли ни в его личной жизни, ни в развитии ислама. Больше всего ее запомнили потому, что она завещала похоронить себя на месте собственной свадьбы. Ее могилу можно увидеть неподалеку от Сарифа, в долине Вади Фатима.

Две тысячи паломников продолжили путь в Медину. Несмотря на сильное впечатление от молитвы у Каабы, многие все еще считали паломничество неудачей и думали, что Мухаммед ведет себя с курайшитами слишком осторожно.

Сам он был уверен в обратном. И снова события быстро подтвердили его расчет.

Наступало лето. Мединицы начинали работу до рассвета, чтобы избежать дневной жары. Однажды с юга появились два всадника с небольшой свитой. Они были полностью вооружены и носили курайшитское снаряжение. Крестьяне встревожились еще сильнее,

когда в первом узнали Халида ибн аль-Валида, во втором — Амра ибн аль-Аса. В Медину отправили гонцов предупредить Мухаммеда о приближении двух самых известных врагов мусульман.

Мухаммед выслушал сообщение без тревоги. Он находился в мечети, когда Халид, Амр и их люди прибыли. Они приветствовали его и попросили принять их в братство ислама.

Вскоре за ними пришел Осман ибн Тальха.

Мухаммед испытывал глубокое удовлетворение. Два курайшитских полководца, сражавшиеся против него почти в каждой битве и однажды победившие его своей тактикой, теперь становились офицерами его армии. Осман ибн Тальха, один из хранителей Каабы, означал первое серьезное отступничество от старого религиозно-политического лагеря Мекки.

Вскоре за этими вождями последовало множество менее известных курайшитов. Мухаммед снова почувствовал, что быстро приближается время, когда он сможет забыть о договоре и будет принят всеми, кроме, возможно, Абу Суфьяна и нескольких непримиримых стариков.

Но окончательный момент еще не наступил. Прежде чем Мухаммед смог осуществить замысел, ему пришлось пережить несколько неожиданных неудач. Казалось, словно Аллах испытывает Своего Посланника почти до самого конца.

Несколько походов против племен, еще не принявших ислам, закончились неудачно или не дали результата. Эти мелкие неприятности сами по себе не имели большого значения для общей политики Мухаммеда. Но когда в Муте, в Палестине, был убит его посланник — сыном местного эмира, правившего от имени императора Ираклия, — Мухаммед решил отомстить.

Мута находилась примерно в ста милях к югу от Иерусалима, возле Мертвого моря, далеко за пределами владений Мухаммеда и вообще обычной зоны арабского политического контроля. Здесь господствовали римляне. Римские гарнизоны и местные вспомогательные части под командованием римских офицеров поддерживали порядок. Это была опытная армия, привыкшая к организованной войне и соответствующим образом вооруженная.

Для Мухаммеда это, похоже, не имело решающего значения. Он верил в своих солдат и, знакомый главным образом с пустынной войной, едва ли представлял, насколько иной может быть настоящая армия империи.

Он собрал три тысячи вооруженных людей на верблюдах с некоторым количеством конницы. Главнокомандующим назначили Зайда; вторым — Джафара. Если оба погибнут или будут ранены, командование должен был принять Абдалла ибн Раваха, один из старых сторонников. Халид впервые участвовал в походе в составе мусульманской армии, но его еще не рассматривали как возможного главнокомандующего.

Самоуверенность, невежество или простодушие, с которыми Мухаммед вёл это дело, трудно согласовать с его обычной практичностью. Он отправлял поход против самых прославленных воинов мира и ставил во главе не Али, не Омара и даже не Абу Бакра, а своего бывшего раба, который, при всём своём мужестве, никогда ещё не занимал такого положения.

Римское правительство узнало о готовящемся вторжении на имперскую территорию и решило показать этому безумцу из Медины, что ему следует ограничить свои безрассудства аравийскими пустынями. Местные гарнизоны были призваны к оружию. Через несколько дней внушительная армия из двухсот тысяч воинов, оснащённых по последнему слову военного дела, стояла наготове под командованием Феодора, брата императора.

Тем временем Зайд и его три тысячи воинов на пустынных верблюдах, вместе примерно с двумястами всадников, весело двигались к Сирии, рассчитывая внезапно ударить по врагу, разбить его и вернуться с добычей.

Поэтому у Маана они были потрясены известием, что римляне сочли угрозу достаточно серьезной и выставили отборные части. Мусульмане остановились и начали обсуждать дальнейшие действия.

Зайд и Джафар указывали: задача похода состояла в наказании местного правителя, а не в войне с римскими легионами. Абдалла возражал. Мухаммед послал их сражаться с неверными; если Аллах действительно с ними, какая разница, насколько они уступают

числом? Кроме того, как глупо они будут выглядеть, если проедут сотни миль и вернутся в Медину без результата.

Вероятно, именно последний аргумент убедил колеблющихся.

Приказали продолжать движение. Небольшая арабская армия направилась к месту Белка, где, по сообщениям, находились силы противника.

С первыми палящими лучами солнца над унылым берегом Мертвого моря впереди показалась римская армия. Арабская колонна остановилась. Никто из мусульман прежде не видел одновременно столько воинов, такого снаряжения, панцирей и оружия, такого порядка. Они с изумлением смотрели, как строй за строем солдат в шлемах и нагрудниках маневрируют, словно единый организм.

Отказаться от боя уже было трудно. Оставалось надеяться, что Аллах не покинет их. Единственное преимущество можно было получить выбором позиции. Поэтому мусульмане отступили на более удобную местность возле деревни Мута.

Одновременно вперед двинулись римские фаланги. Подобно тяжелым машинам, они медленно накатывались на легко вооруженных арабов.

Зайд не выдержал ожидания. Он забыл о выгодной позиции и приказал атаковать.

Если бы мусульман было больше исход мог оказаться иным. Пехота и конница двигались с огромной скоростью и нанесли серьезный урон плотным римским построениям. Но против подавляющего численного превосходства поддерживать такой натиск долго было невозможно.

Зайд получил смертельную рану. Джафар бросился к нему и поднял знамя. Руку, державшую древко, отсекли. Он перехватил знамя другой рукой — и потерял ее тоже. Тогда прижал ткань к телу окровавленными обрубками. Удар меча свалил его, следующий убил.

Абдалла занял место Джафара. Сражение кипело вокруг него, пока он тоже не погиб.

Назначенных командиров больше не осталось. Молодой офицер схватил знамя и закричал:

«Собирайтесь, мусульмане! Ко мне!»

Вокруг знамени вновь завязалась отчаянная схватка. Но день был проигран, строй начал распадаться.

Тогда Халид проявил свои полководческие способности. Голосом и личным примером он собрал деморализованных людей. Он не мог превратить поражение в победу, но остановил бегство и панику. Медленно, сражаясь за каждый участок земли, используя складки местности и каждую удобную позицию, он выводил войско с поля боя.

К наступлению ночи у него оставался сильно потрепанный отряд — но это все еще была организованная армия.

Утром, дав людям отдохнуть, Халид проявил дерзость и сам двинулся вперед против неприятеля. Этот ложный маневр заставил римлян предположить, будто мусульмане получили подкрепление, и они отошли на более удобные позиции для встречи атаки.

Но Халид не собирался рисковать остатками войска, спасенными лишь удачей и искусным командованием. Он весь день создавал видимость активности возле римских позиций, а с наступлением темноты как можно быстрее повел людей назад к Медине.

Тела Зайда и Абдаллы найти не удалось, но тело Джафара было обнаружено и доставлено домой.

Весть о поражении опередила возвращавшихся. За пределами оазиса их встретили насмешками и улюлюканьем. Для меня это еще одно свидетельство того, насколько мало арабы знали о внешнем мире и насколько слепо верили в превосходство своего дела. Они не представляли себе, что такое римская армия, и не понимали, почему мусульманское войско вообще могло отступить, не разгромив врага.

Именно такой дух позднее станет одной из причин поразительных побед. Мусульманин воспринимал себя как человека, исповедующего единственного истинного Бога и следующего за Его Посланником. Смерть в бою обещала рай. Поэтому репутация противника переставала казаться решающей, а гибель превращалась скорее в награду, чем в несчастье.

Услышав насмешки, Мухаммед вышел навстречу войску и сразу встал на сторону солдат. Он прекратил улюлюканье и похвалил Халида. Офицерам и рядовым он сказал, что вскоре представится

возможность вернуть то небольшое количество престижа, которое они могли потерять при Муте.

Но о смерти Зайда и Джафара он не мог говорить спокойно. Особенно тяжело переживал гибель Зайда. Более тридцати лет тот был его другом и спутником: одним из первых принял ислам, оставался рядом в самые тяжелые годы Мекки и в начале мединского периода, участвовал во всех войнах и принес немало личных жертв ради своего вождя.

Теперь его не было. Мухаммед плакал открыто.

Джафару устроили торжественные военные похороны. Армия построилась в полном составе. Мухаммед произнес надгробную речь и заверил присутствующих, что Джафар находится в раю.

Завершая речь, он прославил Халида и присвоил ему титул «Меч Бога». Под этим именем Халид станет известен и страшен противникам. Хотя в дальнейшем он одержит множество впечатляющих побед во главе отборной конницы что едва ли какая-либо из них превзошла по мастерству спасение небольшой армии неопытных кочевников из боя против войск великой империи.

Не дав никому долго рассуждать о поражении, Мухаммед снова перешел в наступление. Как после Охода он погнался за победившими мекканцами, так и после Муты ответил активными действиями.

Амр ибн аль-Ас получил под командование экспедиционный корпус на верблюдах и был отправлен к сирийской границе. Целью были кочевые племена, которые, по сообщениям, собирались воспользоваться поражением при Муте и напасть на мусульман.

Амр двигался быстро и за десять дней достиг подступов к Сирии. Там выяснилось, что сведения верны: значительная сила готовилась перейти в Аравию.

Он трезво оценил обстановку и не поддался фанатичным советам некоторых подчиненных. Послав гонца к Мухаммеду, Амр сообщил: если получит подкрепление, отвечает за результат; если нет, сделает все возможное, но это может закончиться второй Мутой.

Мухаммед немедленно выслал отряд под командованием Абу Убейды, вместе с которым шли Абу Бакр и Омар. Такой набор знаменитых имен мог бы выглядеть как недоверие к недавно

обращенному Амру. Но прежде чем кто-либо из прибывших командиров успел высказать мнение, Амр напомнил: именно он назначен начальником экспедиции и останется им, пока жив.

Никто не стал спорить. В этом проявился демократический дух ранних мусульман.

На следующее утро Амр атаковал. Противник не знал о подкреплении, был застигнут врасплох и разбит. Амр отправил Мухаммеду гонца с доброй вестью, но сразу назад не вернулся. Некоторое время он оставался у сирийской границы, совершал набеги и мелкие операции, демонстрируя, что неудача при Муте затронула лишь небольшую часть мусульманских сил.

Когда он убедился, что это поняли все окружающие племена, Амр вернулся в Медину.

За этим последовало широкое подчинение племен по всей стране. Кочевые вожди, еще недавно клявшиеся умереть прежде, чем признать Мухаммеда, теперь приезжали в Медину и приносили присягу. Их встречали дружелюбно, выслушивали жалобы и просьбы.

К концу 629 года Мухаммед чувствовал, что может рассчитывать на большую часть племенных союзов от границ Йемена до границ Сирии.

Он решил, что настал момент положить конец дерзости Абу Софьяна. Он терпел ее шестнадцать лет и не видел причины терпеть семнадцатый. Нужен был лишь законный повод разорвать договор.

Повод неожиданно дали сами курайшиты.

ГЛАВА XX

ОТРЕЧЕНИЕ АБУ СОФЬЯНА

(630 год после Рождества Христова)

В январе 629 года племя Бени Бакр, союзное курайшитам, напало и разграбило другое племя, принесшее присягу Мухаммеду. Среди нападавших находились курайшиты, скрывавшие свою принадлежность. Уцелевшие поспешили в Медину и потребовали защиты и возмездия.

Мухаммед с довольной улыбкой заверил: они его получат.

Весть дошла до Мекки. Через несколько минут после получения сообщения собрался городской совет. Заседание было тревожным. На этот раз не было громких призывов к войне, пустых угроз Мухаммеду и показной храбрости.

Курайшиты понимали: если никто немедленно не предложит по-настоящему умного решения, Мекка вскоре перестанет быть независимым городом. Но такого решения не было.

Единственное, что оставалось, — обратиться к лучшим чувствам Мухаммеда и попытаться договориться. Это было последнее, чего хотелось старым вождям. Но с Халидом и Амром уже на другой стороне, при сотнях племен, принявших ислам, дипломатия казалась единственным выходом.

Следующий вопрос был: кого послать?

Все члены совета без исключения ненавидели Мухаммеда. Почти двадцать лет он нарушал их покой. Они перепробовали все способы уничтожить его, и каждый провалился. Теперь предстояло признать, что он оказался прав, просить прощения и снисхождения. Это было горько, но сделать должен был кто-то достаточно авторитетный, чтобы Мухаммед поверил в серьезность обращения.

Взгляды обратились к Абу Софьяну.

Он протестовал. Как может он, главный враг этого «лжепророка» и смешного бывшего коммивояжера, унижаться перед ним? Но чем дольше Абу Софьян спорил, тем сильнее совет убеждался: именно он и должен ехать.

Кроме того, была Умм Хабиба. Абу Софьян давно не видел дочь, и, возможно, родственная привязанность к отцу сохранилась, несмотря на ее брак с Мухаммедом.

В конце концов он согласился на неприятную миссию и отправился в Медину.

Там унижения продолжились. Мухаммед прекрасно понимал, насколько плохо обстоят дела у курайшитов, если они вынуждены послать своего главного вождя. Поэтому он просто отказался принять Абу Софьяна.

Тот, уже проглотивший немало гордости, пришел в ярость. Но никто не обращал внимания. Он посетил Абу Бакра, Омара и Али — все отнеслись к нему одинаково холодно. Пошел к Фатиме — и там не получил поддержки. Его собственная дочь, когда отец вошел к ней, первым делом свернула циновку Мухаммеда, чтобы на ней не сел неверный.

Убедившись, что никто не намерен обсуждать с ним договор, Абу Софьян вышел во двор мечети и громко объявил:

«Слушайте меня, люди! Я гарантирую всем мир и защиту!»

Мухаммед, едва повысив голос, заметил:

«Это говоришь ты, а не мы, о Абу Софьян».

Когда Абу Софьян вернулся в Мекку и рассказал о поездке, жители пришли в уныние. Но даже тогда они не представляли, насколько мало времени остается до удара Мухаммеда.

Теперь у Мухаммеда была сила, которую действительно можно было назвать армией. Офицерами служили люди, шесть лет участвовавшие с ним в боях и набегах. Они знали его методы, верили ему и себе.

Рядовые были в основном кочевыми погонщиками верблюдов и всадниками, суровыми людьми пустыни, для которых сражение было почти спортом. Запрет алкоголя, ограничение бесконтрольного грабежа и постоянная служба сделали их дисциплинированнее. К природной выносливости добавились хорошее вооружение и снаряжение.

Для похода на Мекку Мухаммед мог собрать десять тысяч обученных воинов и примерно столько же животных.

Но, несмотря на размеры армии, он не хотел рисковать. Поход держали в тайне. Дороги к Мекке перекрыли, передвижения

кочевников контролировали, разведка следила за людьми. Единственная попытка предупредить неприятеля была сорвана.

Хатиб, один из ранних последователей, беспокоился о семье в Мекке и отправил рабыню с письмом-предупреждением. Разведка Мухаммеда узнала об этом, женщину перехватили и вернули. Хатиб едва не поплатился жизнью; его пощадили, когда он напомнил, что сражался при Бадре.

1 января 630 года армия выступила. Аз-Зубайр с двумястами всадниками шел в авангарде. Основные силы вел Мухаммед. В тылу двигалось несколько женщин, среди них Зейнаб и Умм Салама.

Омар отвечал за координацию марша. С большим умением он проводил войско малолюдными проходами через каменистые холмы. Не разрешались трубы, приветственные крики и шум.

Примерно на полпути разведчики сообщили о группе мужчин и женщин, двигавшихся из Мекки. Во главе оказался неугомонный Аль-Аббас. Он не объяснил, откуда знает о походе, а просто приветствовал племянника так, будто встретить его посреди Аравийской пустыни во главе десятитысячной армии было совершенно обычным делом.

С Аль-Аббасом была вся семья. Поговорив о дороге, он столь же непринужденно сообщил, что решил принять ислам. Затем он и родственники произнесли исповедание веры.

Мухаммед, понимая, что дядя всегда умел идти за сильной стороной, но в целом сохранял дружелюбие, добродушно сказал:

«Дядя, ты последний из переселенцев, как я последний из пророков».

Аль-Аббас пожал плечами. Он отправил семью дальше в Медину, а сам присоединился к мусульманской армии.

День за днем войско приближалось к цели. У Мар аз-Захран оно остановилось в пределах видимости Мекки. Только тогда Омар разрешил разводить костры.

Курайшиты, не имевшие понятия о масштабах замысла, с ужасом увидели северные холмы, покрытые тысячами красных огней. Они, правда, не могли поверить, что каждый костер означает настоящих солдат. Возможно, это была хитрость, призванная преувеличить численность.

Чтобы проверить, Абу Софьян, Хаким — один из племянников Хадиджи — и Будейль, вождь одного из немногих местных племен, сохранивших союз с курайшитами, отправились на разведку.

Не успели они приблизиться к лагерю, как в темноте показалось большое белое существо. Мекканцы уже думали, как защищаться, но оно остановилось рядом и оказалось Аль-Аббасом на белом муле Мухаммеда.

Аль-Аббас опасался, что курайшиты предпримут безрассудную попытку сопротивления и будут уничтожены. Поэтому он каким-то образом одолжил мула и выехал предупредить тех, кого встретит, о силе мусульман.

Увидев Абу Софьяна, он посоветовал тому немедленно поехать с ним и сдаться Мухаммеду до рассвета, когда начнется наступление на Мекку.

У Абу Софьяна осталось слишком мало гордости, чтобы спорить. Он сел на мула позади Аль-Аббаса. Два других мекканца повернули назад, чтобы сообщить городу о происходящем.

Когда знакомый белый мул Посланника въехал между кострами лагеря, солдаты со всех сторон вскакивали и отдавали почести, не понимая, кто сидит позади Аль-Аббаса.

Абу Софьян заметил, кто сидел на муле, только когда они добрались до Омара. Тот, с присущей ему воинственной горячностью, радостно фыркнул и уже приготовился отрубить Абу Софьяну голову. Аль-Аббасу пришлось немедленно вмешаться и заявить о своем праве покровительства над спутником. Омар неохотно отступил, и мул двинулся дальше к шатру Мухаммеда.

Мухаммед никак не выдал своих чувств, когда дядя приветствовал его и сообщил, кто находится снаружи. Он не смел показать, насколько его обрадовала эта новость. Теперь он не только мог с лихвой вернуть все унижения, которым Абу Софьян подвергал его в прошлом, но и получил возможность добиться сдачи Мекки без кровопролития. Хотя для похода была собрана огромная армия, Мухаммед не жаждал физической мести и не хотел причинять боль людям, причинившим боль ему. Он не хотел новых братоубийственных убийств.

Он сказал лишь:

— Отведи его в свой шатер и приведи ко мне утром.

Аль-Аббас исполнил приказ и большую часть ночи убеждал Абу Софьяна, что дни независимой от Мухаммеда Мекки окончены. Сразу после утренней молитвы он привел пленника к Мухаммеду.

Несколько мгновений Мухаммед рассматривал Абу Софьяна, который стоял перед ним — отчасти униженный, отчасти разгневанный и все еще не вполне избавившийся от презрения. Затем Мухаммед спросил:

— Абу Софьян, неужели ты до сих пор не понял, что существует лишь один Бог?

Абу Софьян кивнул.

— Если бы это было не так, я не оказался бы в нынешнем положении, — пробормотал он.

— А я не являюсь Посланником этого Бога? — продолжил Мухаммед.

Абу Софьян заколебался. Он тревожно огляделся. Признать это было для него почти невыносимо. Аль-Аббас быстро вмешался:

— Сейчас не время колебаться! Поверь и засвидетельствуй, иначе…

— Иначе, — закончил Омар, грозно стоявший у входа в шатер, — голова твоя будет отделена от тела.

Абу Софьян больше не медлил и произнес исповедание веры.

Мухаммед несколько минут молчал. Ему трудно было поверить, что один из самых непримиримых гонителей мусульман признал его. Конечно, это признание было сделано из страха, но сама мысль о том, что он теперь внушает страх человеку, столько раз пытавшемуся его уничтожить, казалась почти невероятной.

Наконец он сказал:

— Поспеши в Мекку, Абу Софьян, и скажи людям, чтобы они оставались в своих домах. Все, кто так поступит, будут в безопасности.

Абу Софьян вышел. Лагерь уже пришел в движение. Роты, эскадроны, батальоны и полки выстраивались в строй. Солнце сверкало на отполированных шлемах и стальных нагрудниках. Сотни племенных знамен колыхались на ветру. Высокие верблюды ревели, лошади ржали и били копытами землю. Абу Софьян никогда прежде не видел такого множества людей, животных и столь хорошего вооружения.

Заметив всадников в темных кольчугах с длинными копьями, неподвижно сидевших в седлах, он спросил, кто они.

— Это личная стража Мухаммеда, отобранная из лучших воинов Мекки и Медины, — ответил Аль-Аббас.

Абу Софьян не стал слушать дальше. Он поспешил вниз по каменистому склону к Мекке, собрал городской совет и рассказал обо всем, что увидел. Он предупредил, что сопротивление бессмысленно. Серьезных возражений почти не последовало. Большинство мекканцев уже не хотели сражаться. Их впечатлило поведение мусульман во время паломничества предыдущего года; они устали от войны, а некоторые начали считать, что с самого начала ошибались в отношении Мухаммеда.

Мужчины, женщины и дети разошлись по домам, закрыли двери и стали ждать торжественного вступления мусульман.

Тем временем Мухаммед оделся и вооружился, словно для битвы. На нем была алая туника, поверх которой блестела кираса, на голове — шлем с острием, обмотанный черным тюрбаном. Кроме меча, другого оружия при нем не было.

Он сел на Аль-Касву и выехал осматривать войска. Перед началом марша он передал Али большое знамя, которое тот уже храбро нес при Хайбаре.

Несмотря на исповедание веры Абу Софьяном, Мухаммед доверял ему не больше, чем во время битвы при Оходе. Поэтому он не стал подвергать армию риску внезапной атаки мекканцев и приказал окружить город, войдя в него одновременно с четырех сторон.

С юга Халид вел конницу союзных бедуинских племен; с севера двигалась другая группа кочевников на верблюдах под командованием Аз-Зубейра; с запада шли мединцы под началом Саада ибн Обады; с востока — Абу Обейда во главе ветеранов-переселенцев. За последним отрядом ехал Мухаммед со своим штабом, а Али командовал черными бронированными копейщиками, столь впечатлившими Абу Софьяна.

Полки и отряды, действуя с точностью хорошо обученных войск, двинулись от лагеря. Колонны медленно спускались по проторенным дорогам к Священному городу. Нигде не встречалось сопротивления, и казалось, что Мухаммед получит именно ту бескровную победу, на которую рассчитывал.

Но неожиданно на колонну Халида напали.

Сафван ибн Омейя, Сохейль ибн Амр и Икрима ибн Абу Джахль не смогли спокойно сидеть дома, пока человек, которого они считали нарушителем договоров, овладевал их городом и их свободой. Им было безразлично, насколько велика его армия: они были воинами, и инстинкт требовал сражаться.

Их несчастьем было то, что они выбрали именно колонну Халида. Против другого командира им, возможно, удалось бы добиться временного успеха; против этого стремительного воина у них не было шансов. Едва осыпались первые мекканские стрелы, как тысяча сабель сверкнула, выхваченная из ножен. Прижавшись к шеям лошадей, всадники бросились вперед. Прежде чем Мухаммед успел послать гонца, чтобы остановить то, чего он так старался избежать, на земле лежали два мусульманина и двадцать восемь мекканцев.

В это время Мухаммед наблюдал за занятием Мекки с возвышения немного ниже кладбища, где были похоронены Абу Талеб и Хадиджа. Здесь он велел поставить свой шатер и оставался, пока город не был полностью занят.

Все происходящее казалось ему невероятным. Отсюда он видел дом Абд аль-Мутталиба, где играл ребенком; дом Абу Талеба, где вырос; дом Хадиджи, где был так счастлив. Он видел переулки, по которым ходил юношей, и место, откуда когда-то отправился с первым караваном. Он не мог сосчитать, сколько раз возвращался по этой дороге из торговых путешествий или направлялся мимо этого места к одиноким бдениям на горе Хира.

Теперь все это было его. Потомок старого Хашима, чей род постепенно утратил былое влияние, возвращал имени прежнее величие. Сегодня он, Мухаммед ибн Абдаллах ибн Абд аль-Мутталиб ибн Хашим, Посланник Господа, стал хозяином Мекки.

Убедившись, что мусульманские войска полностью контролируют город, Мухаммед сменил воинское облачение на одежду паломника, сел на Аль-Касву и поехал к Каабе. Там он повторил обряды предыдущего года: прикоснулся к Черному камню и семь раз обошел святыню.

Затем он позвал тех немногих, кто верил в него еще до Хиджры, людей, которые когда-то стояли рядом с ним на этом самом месте и рисковали жизнью ради его дела. Наступил момент осуществить

намерение, возникшее еще в первые годы его миссии: уничтожить идолов Каабы.

Один за другим 360 каменных идолов, включая великого Хубала и изображения Авраама и Исмаила, выносили из святилища и разбивали. При уничтожении каждого из них Мухаммед повторял слова Корана:

— Истина пришла, и ложь исчезла. Воистину, ложь обречена исчезнуть.

Некоторые мекканцы, вышедшие посмотреть на происходящее, с трудом скрывали ужас при виде этого святотатства. Но когда последняя древняя статуя была повержена и никакой беды не произошло, они с облегчением переглянулись. Они побежали за соседями, оставшимися дома, и вскоре площадь возле Каабы наполнилась людьми, желавшими увидеть все собственными глазами.

Тем временем Мухаммед приказал стереть изображения со стен святилища.

После этого по городу прошел глашатай, объявивший, что все желающие принять благодать ислама должны уничтожить домашних идолов. После бесславного поражения каменных богов у Каабы мекканцы без колебаний начали выбрасывать свои изображения из окон.

Затем Мухаммед вызвал Османа ибн Талху и вернул ему ключи от Каабы, восстановив его в наследственной должности хранителя. Одновременно он возвратил своему хитрому дяде Аль-Аббасу обязанности хранителя колодца Земзем.

Аль-Аббас принял назначение без замечаний и продолжал вести себя так, словно он и ислам с самого начала составляли одно целое. Этот двуличный приспособленец за всю жизнь не совершил ничего выдающегося, если не считать умения так долго поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами, однако его имя навсегда вошло в летописи ислама. Он был прямым предком династии халифов Аббасидов, при которых арабская цивилизация и культура достигли наивысшего расцвета. Аббасиды, правившие примерно со столетия после смерти Мухаммеда до середины XIII века, подарили Багдаду его сказочный золотой век. Харун ар-Рашид — Аарон Справедливый — был одним из многих прославленных потомков Аль-Аббаса: плута, но

единственного человека в ту пору мекканских смут, который никогда не терял чувства юмора.

После этих назначений Билал во второй раз поднялся на крышу Каабы и призвал к молитве. Его голос разнесся над плоскими крышами Мекки во все стороны света. Когда последние слова призыва стихли, Мухаммед повернулся к очищенной святыне и начал молитву. За ним повернулись солдаты поблизости, затем воины на улицах и склонах — десять тысяч человек, подтверждая свою веру в единого Бога и Его Посланника Мухаммеда.

После небольшой паузы Мухаммед отправился на невысокий холм возле Каабы, где стал принимать присягу новых обращенных среди мужчин и женщин Мекки.

Первым подошел Абу Кухаф, отец Абу Бакра, опираясь на руку сына. Мухаммед заметил старому другу, что не следовало утруждать пожилого человека — лучше было бы самому прийти к нему. Во время всей церемонии он подчеркивал, что остается обычным человеком, сыном родителей из племени курайшитов.

За прошлые обиды было наказано очень мало людей. Лишь четверо, обвиненные в убийствах, были казнены. В числе объявленных вне закона находился Вахши, убивший Хамзу при Оходе. Он успел скрыться, а когда позже вновь предстал перед Мухаммедом, уже принял ислам, что спасло ему жизнь.

Самым удивительным оказалось обращение Хинд. Она не успела бежать из Мекки и смело предстала перед Мухаммедом. Когда он увидел её поднятые на него прекрасные глаза, он не смог подавить жеста отвращения. Гордость покинула Хинд. Она упала к ногам Мухаммеда, умоляя о прощении. Публичное унижение женщины, которая больше всех старалась его очернить, удовлетворило его. Он простил убийцу Хамзы и принял её в число мусульман. Но Хинд так и не уверовала; до самой смерти она ненавидела и презирала Мухаммеда.

Икрима, сын Абу Джахля, сначала бежал. Узнав, что Мухаммед проявляет милосердие к обращенным, он вернулся и встретил благожелательный прием от своего давнего кровного врага.

У этого были практические причины. Признание Мухаммеда Посланником Аллаха сыном Абу Джахля само по себе было важной победой. Кроме того, растущей мусульманской армии требовались

первоклассные офицеры, а Икрима считался одним из лучших воинов Аравии. Вскоре после обращения ему дали командование. Он оправдал решение Мухаммеда и впоследствии погиб в бою за ислам.

Многие из новых обращенных вскоре стали даже более ревностными, чем те, кто принял ислам в ранние годы гонений.

Сразу после сдачи Мекки Халид и Амр были отправлены уничтожать идолов и священные рощи в соседних селениях и оазисах. Они исполнили приказ, но, при встрече с людьми, медлившими принять новую веру, особенно Халид нередко прибегал к убийствам.

Это противоречило намерениям Мухаммеда. В самой Мекке он проявил сдержанность и великодушие, простив множество прежних обид. Услышав, каким образом Халид распространяет ислам, Мухаммед поднял глаза к небу и воскликнул:

— О Господь! Я невиновен пред Тобой в том, что сделал Халид!

Он подтвердил свое неодобрение и практически: осудил Халида и послал деньги в качестве компенсации родственникам убитых.

Когда все церемонии завершились, Мухаммед оглядел город, залитый золотым вечерним светом. Вокруг стояли те немногие верные, кто был с ним с самого начала. Теперь они выглядели иначе: были расслаблены, разговаривали свободно, уже не напоминая людей, которым постоянно приходится следить, не застрял ли меч в ножнах.

Мухаммед протянул руки к освещенным солнцем крышам города и произнес:

— Ты для меня самое дорогое место на земле и самое прекрасное. Если бы твой народ не изгнал меня, я никогда бы тебя не покинул.

Мекканцы встретили эти слова с благодарностью и слезами. Но мединцы встревожились.

— Теперь Мухаммед победитель и хозяин родного города, — говорили они. — Наверняка он останется здесь и оставит Медину.

Эти разговоры дошли до Мухаммеда. Он поспешил успокоить людей, которые помогли ему тогда, когда у него почти не было друзей:

— Нет! Когда вы поклялись мне в верности, я поклялся жить и умереть с вами. Я не был бы слугой Бога и Его Посланником, если бы оставил вас. Где живете вы, там буду жить и я; там же я и умру.

Он сдержал это обещание. До своей смерти он возвращался в Мекку лишь дважды.

Теперь он был изнурен и нуждался в отдыхе. За несколько дней он стал одним из самых могущественных правителей Аравии. Вскоре, по моему выражению, он соединит в себе духовную и светскую власть, станет основателем государства, империи и веры. Но больше всего его радовала мысль о том, что Кааба — центр его религиозного мира — очищена от идолов.

Даже если бы он умер в ту ночь, он мог считать главную часть своей миссии выполненной.

Но Мухаммед не умер. Ему оставалось жить еще некоторое время. И всё же вершиной его карьеры был тот золотой вечер, когда почти все, к чему он стремился, оказалось достигнуто.

Редко человеку удается при жизни осуществить все свои замыслы; еще реже тот, кому это удается, сохраняет прежнее чувство меры. В тот январский вечер 630 года, восьмого года Хиджры, Мухаммед лег спать на своей циновке так же просто, как когда-то во времена торговых поездок на службе у Хадиджи бинт Хувайлид.

ГЛАВА XXI

СОЗДАНИЕ АРМИИ

(630–631 годы после Рождества Христова)

Можно было бы подумать, что после взятия Мекки все дальнейшее окажется лишь послесловием к вершине его судьбы. Но вышло иначе. Одно напряженное событие следовало за другим в и без того бурной жизни Мухаммеда.

Хотя большинство мекканцев приняло ислам, некоторые старые семьи этого не сделали. Они признали Мухаммеда своим вождем, но не видели необходимости разделять его веру. Такой порядок не соответствовал его замыслам ни для Священного города, ни для любой другой арабской общины. Мухаммед не стремился к светской власти ради нее самой, однако считал свою миссию перед Богом незавершенной, пока окружающее его общество не станет мусульманским.

Он уже думал вновь отправиться с проповедью, когда пришли неожиданные вести.

Мусульманское командование предполагало, что падение Мекки станет сигналом для всей остальной Аравии к безусловному подчинению. Произошло обратное.

Большое племя Хавазин, кочевавшее вокруг Ат-Таифа, где Мухаммед когда-то безуспешно искал убежища от гонений, всегда считало его самозванцем. Гордые горцы сумели сохранить независимость и теперь решили нанести удар прежде, чем Мухаммед окончательно подчинит Аравию и положит конец их свободе. Они призвали к оружию многочисленные родственные кланы, жившие в тех же горах. Среди них были и саадиты, у которых Мухаммед провел раннее детство.

Узнав о восстании, Мухаммед решил ударить быстро, пока оно не разрослось. Средства для этого у него были: после взятия Мекки армия пополнилась отрядом Абу Софьяна и насчитывала около

двенадцати тысяч человек. Во главе этих сил Мухаммед выступил против союза племен Ат-Таифа.

Противник также быстро мобилизовался и собрал значительные силы. Чтобы уравновесить преимущество мусульман в коннице и боевом опыте, хавазинцы использовали гористую местность.

Чтобы попасть в плодородные долины за горами Аутас, где эти племена пасли верблюдов и овец, необходимо было пройти через узкое ущелье Хунайн. Это было мрачное место с отвесными склонами, где большая армия могла двигаться лишь небольшими группами. Конница после входа в теснину почти не имела пространства для маневра; верблюжьи отряды также оказывались в невыгодном положении.

Мусульманский авангард возглавлял Халид со своими еще не вполне испытанными бедуинскими всадниками. За ним теснилась основная масса конницы, верблюжьих отрядов и пехоты. Мухаммед ехал на белом муле в конце колонны вместе с ветеранами.

Он находился позади не ради собственной безопасности. На этот раз Мухаммед был настолько уверен в своей армии, что не ожидал серьезной опасности. Поход казался почти большой набеговой операцией, способной дать новобранцам опыт, а солдатам — добычу. Так же смотрели на дело и его офицеры.

Поэтому, когда хавазинцы обрушили с высот лавины камней, вслед за ними выпустили тучи стрел, а затем с криками бросились вниз с мечами, в темном ущелье мгновенно начался хаос.

Подобная тактика не раз обращала в бегство даже отличные войска. И не раз отличные войска позволяли завлечь себя в такую ловушку. Вспомним Роланда в Ронсевальском ущелье, Вара в Тевтобургском лесу и то, как Лоуренс Аравийский много веков спустя успешно применял сходный прием.

Недалеко от этих мест Лоуренс Аравийский много веков спустя применял подобную тактику против германо-турецких сил. Теперь же Мухаммед видел, как его блестящий авангард мчится назад в беспорядке, словно охваченное паникой стадо. За считанные минуты гордая армия, еще недавно уверенно входившая в ущелье, превратилась в толпу дезорганизованных людей, которых рубили

появлявшиеся будто из самих темных скал кричащие племенные воины.

Мухаммед напрасно приказывал и умолял солдат остановиться и перестроиться. Паника, погубившая немало лучших войск в истории, овладела ими. Остановить бегство было все равно что пытаться удержать приливную волну.

Мухаммед был настолько потрясен, что призвал ветеранов, сохранивших строй, последовать за ним даже на смерть. Он обнажил меч, пришпорил мула и поехал навстречу плотным рядам противника, которые сами оказались стеснены узостью прохода. Аль-Аббас бросился за племянником, схватил мула за узду и громовым голосом начал кричать мусульманам, напоминая им, кто они и за что сражаются.

Голос Аль-Аббаса, по моему выражению, был громче сотни труб. В замкнутой каменной долине он многократно отражался эхом. Бегущие мусульмане начали останавливаться. Аль-Аббас кричал еще громче. Люди повернулись лицом вверх по ущелью. Те, кто сражался при Хайбаре и Муте, почувствовали стыд. С той же яростью, с какой только что искали спасения, они теперь ринулись на врага.

— Йа лаббайк, Аллах! Вот мы, о Господь! Йа лаббайк! — кричали они, поднимаясь по склону.

По моему мнению, мусульман, идущих в атаку с готовностью умереть за свое дело, трудно было остановить. Так произошло и в то февральское утро 630 года. Беспорядочная паника превратилась в отчаянное сражение. Горные племена сражались упорно, но под натиском хорошо вооруженных и вновь собравшихся в строй противников стали отступать. Вскоре уже они бежали так же быстро, как незадолго до того мусульмане.

Разгром оказался полным. Мухаммед всей массой армии вытеснил противника из ущелья в открытую долину. Там хавазинцы попытались удержаться, но теперь оказались беззащитны перед конницей. Отступление превратилось в резню, а уцелевшие бросились спасаться бегством. Их лагерь перешел в руки мусульман.

Среди добычи оказалось около шести тысяч стариков, женщин и детей, четыре тысячи серебряных монет, сорок тысяч овец и коз и

двадцать четыре тысячи верблюдов. Это была одна из самых впечатляющих побед Мухаммеда.

Сам он, однако, не спешил праздновать. Он чувствовал примерно то же, что после Охода. Если бы не громовой голос его дяди, он и его ветераны могли погибнуть в ущелье. Он увидел опасность самоуверенности. В Коране этот урок был выражен словами о дне Хунайна, когда многочисленность войска не принесла пользы и люди обратились в бегство.

Среди пленных после битвы оказалась иссохшая пожилая женщина, потребовавшая, чтобы ее отвели к Мухаммеду. Увидев его, она фамильярно обратилась к нему по имени. Сначала он не понял, кто перед ним, пока женщина не представилась Шеймой — его молочной сестрой со времен жизни среди Бени Саад.

Мухаммед сразу пригласил Шейму сесть рядом с ним на циновку, как в те дни, когда они оба были детьми в лагере пастухов. Немного позже к шатру главнокомандующего добралась и Халима. Она была уже очень стара и согнута годами, но разговаривала со своим знаменитым воспитанником почти так же, как полвека назад. Мухаммед принял ее с таким же почтением. Все трое сидели на одной циновке и смеялись, вспоминая детские истории, сохранившиеся в памяти Халимы.

Однако встреча с живыми свидетелями прошлого не помешала Мухаммеду сурово расправиться с племенами, бросившими вызов его власти. Особенно он хотел преподать урок жителям Ат-Таифа, которые десять лет назад обошлись с ним столь жестоко. Кроме того, он считал, что уничтожение знаменитого идола Аллат окончательно убедит других арабов в бессилии каменных изображений.

Но жители Ат-Таифа были крепкими воинами. Они заперлись в хорошо укрепленном городе, имели достаточно оружия и припасов. Мухаммед предпринимал разные виды атак, применял новые осадные приспособления и массовые штурмы, но все попытки проваливались. Потери начали тревожно расти. Погибли некоторые из лучших офицеров; Абу Софьян потерял глаз.

Наконец, разорив финиковые сады и виноградники, Мухаммед решил снять осаду. Он отвел войска к Аль-Джиране, где распределил

добычу. Новообращенным он выделял доли не меньшие, чем старым соратникам. Особенно щедро были вознаграждены Абу Софьян и Икрима.

Мухаммед даже послал Малику, главному военному вождю племен Ат-Таифа, предложение вернуть его личное имущество, если тот сдастся и примет ислам. Малик понимал, что рано или поздно капитуляция неизбежна, и согласился. Убедить своих людей последовать за ним он не сумел, но для Мухаммеда уже одно его личное присоединение было достаточным успехом на тот момент.

Старые соратники, однако, были недовольны.

— Посмотрите, — говорили они, — сколько подарков он раздает этим новичкам, а нам оставляет лишь обычную долю!

Услышав об этих разговорах, Мухаммед, как обычно, решил не ждать развития недовольства. Он собрал ансаров и мухаджиров и обратился к ним:

— Я пришел к вам человеком, которого называли лжецом, но вы поверили мне; меня преследовали, а вы защитили; я был беспомощен, а вы помогли. Неужели вы думаете, что я этого не помню? Что я способен быть неблагодарным? Вы жалуетесь, что я дарю подарки этим людям, а вам — нет. Да, я даю им земные блага, чтобы завоевать их земные сердца. Вам же, тем, кто был верен, я отдаю самого себя. Они возвращаются домой с овцами и верблюдами; вы возвращаетесь с Посланником Господа. Клянусь Тем, в Чьих руках душа Мухаммеда: если весь мир пойдет одной дорогой, а вы — другой, я останусь с вами. Так кого же из вас я вознаградил больше?

Искренность этих слов глубоко тронула ветеранов.

— О Посланник Аллаха, мы довольны, — ответили они.

С практической точки зрения Мухаммед был прав. Новообращенные племена еще мало понимали смысл ислама; на них сильнее всего действовали сила и добыча. Сначала их следовало привязать к новому порядку, а углубление веры могло прийти позднее.

Когда эти дела были улажены, Мухаммед вернулся в Мекку, чтобы завершить паломнические обряды, прерванные походом. После этого он повел войско обратно в Медину.

Маршрут проходил через Абву, где была похоронена его мать. Мухаммед остановил армию и некоторое время сидел возле могилы Амины. Прошло пятьдесят четыре года с тех пор, как он, маленький мальчик, держался за руку чернокожей Бараки, пока жители деревни засыпали песком и камнями тело его матери, завернутое в саван.

Но он помнил эту сцену. Помнил слезы кормилицы-рабыни. Тогда ребенок еще плохо понимал, что означало ее горе; смерть была для него столь же непостижима, сколь привычна теперь. Сейчас он сожалел, что мать не дожила до появления новой веры и не смогла, в его понимании, обрести в ней спасение.

Возвращение в Медину было триумфальным. Мекка пала, битва при Хунайне завершилась победой. Аиша и Хафса с облегчением увидели мужа живым и невредимым. Они, несомненно, ревновали к Зейнаб и Умм Саламе, сопровождавшим поход, но любопытство заставляло их слушать рассказы двух жен о лагерной жизни.

Мухаммед тоже был рад увидеть Аишу. Уже через несколько часов после прибытия он вернулся к обычному распорядку, включая посещение жен. Ни одно из событий последних месяцев не изменило его повседневного образа жизни. Теперь имелись и большие средства, и военная слава, но богатство раздавалось бедным, а победу отмечали все той же простой пищей в почти пустых помещениях мечети.

Отношения между правителем без короны и его воинами оставались такими же непосредственными, как в дни лишений и неудач.

Остаток весны и начало лета 630 года были посвящены установлению законов, их распространению и приему делегаций племен, прибывавших приносить присягу. Затем в разгар лета, накануне своего шестидесятилетия, Мухаммед предпринял, вероятно, самое тяжелое физическое испытание в своей жизни: мобилизовал огромную армию людей, лошадей и верблюдов и повел ее через раскаленные пустыни Аравии, чтобы показать византийскому императору, что времена, когда Рим мог «побеждать, сидя на месте», закончились.

Причиной стало следующее.

Быстрые победы Мухаммеда и его уже очевидное господство в Аравии убедили императора Ираклия, что после Муты следовало бы продолжить наступление и вторгнуться в Аравию. Возможно, думал он, еще не поздно. Ираклий призвал сирийские племена собраться под римскими знаменами и помочь уничтожить новую арабскую силу.

Мухаммед мог либо позволить римлянам войти в пустыню и встретить их там, где ему будет удобно, либо нанести удар первым. Первый вариант был легче, но мог привести к отпадению части недавно присоединившихся племен. Он выбрал второй. Решение встретило почти всеобщее неодобрение.

Даже выросшие в безводной стране арабы не были неуязвимы для жары. Те, кто мог летом увести стада в горы, делали это. Остальные прятались днем в любой тени и старались пасти животных до восхода и после заката. Поэтому перспектива идти в доспехах через безводные, опаленные солнцем пространства до самой Сирии, чтобы там встретиться с грозным противником, никого не воодушевляла.

Большинство рядовых мусульман считало такой поход бессмысленным. Многие отказались участвовать. Абдаллах ибн Обей, болезненно переживавший успехи Мухаммеда, вновь активно разжигал недовольство. Он рисовал ужасы летней пустыни еще мрачнее, чем они были, и уверял, что после изнурительного перехода арабов ожидает неизбежное поражение. Он говорил, что Мухаммед якобы утратил рассудок от мании величия: ни один здравомыслящий уроженец Аравии не задумал бы подобного.

Мухаммед не стал принуждать людей. Еще с первых походов он предпочитал, чтобы за ним шли те, кого вела убежденность. Но оправдания встречал язвительно. Когда некоторые просили оставить их из-за жатвы, он отвечал:

— Ваша жатва длится один день. А что будет с вашей жатвой в вечности?

На жалобы о летнем зное он возражал:

— В аду жарче.

Старая гвардия проявила прежнюю верность. Омар принес свои сбережения. Осман дал тысячу золотых монет. Абу Бакр пожертвовал

четыре тысячи драхм — почти все, что имел. Даже Аль-Аббас внес крупную сумму.

Наконец подготовка завершилась. Когда тени пальм начали удлиняться, Мухаммед построил войска. Несмотря на отсутствие многих племен, перед оазисом собралась армия больше всех прежних: тридцать тысяч всадников на верблюдах, десять тысяч конницы и огромный транспортный обоз — более сорока тысяч людей и животных.

Сравнение поражало. При Бадре у него было около трехсот плохо вооруженных фанатиков; при Оходе — семьсот; при Хайбаре, всего двумя годами раньше, под мусульманским знаменем шли около шестнадцати сотен.

Абдаллах ибн Обей, верный своей прежней тактике, тоже появился на сборе. Как обычно, он и его сторонники двинулись вместе с армией, а затем, едва войска отошли от Медины, дезертировали. На этот раз он еще и попытался посеять смуту.

На время отсутствия Мухаммед назначил Али командующим гарнизоном Медины. Вернувшись в оазис, Абдаллах распустил слух, будто Али оставили потому, что Мухаммед ему завидует. Услышав об этом, Али сел на быстрого дромадера и догнал армию. Мухаммеду пришлось тактично объяснить заместителю, что он оставил его в Медине именно потому, что хотел иметь там испытанного руководителя на случай племенного восстания.

Али вернулся и вытащил Абдаллаха из дома. Он предупредил его: если Мухаммед по непонятным причинам терпел его интриги, то он, Али, терпеть их не намерен.

Переход через пустыню оказался суровым испытанием. Марши начинались только после захода солнца, но облегчение было небольшим. Сумерки избавляли от прямых солнечных лучей, раскалявших шлемы и панцири, однако ночи были слишком коротки, чтобы земля успела остыть. Днем тень давали лишь скалы, которых невозможно было коснуться от жара. Земля обжигала ноги, словно угли. Недостаток воды усиливал страдания, а горячий ветер делал существование почти невыносимым.

Даже самые старые кочевники не помнили такого испытания жарой и лишениями.

Мухаммед, на мой взгляд, проявил исключительную стойкость. Он не был кочевником и уже не был молод. Помимо физической тяжести перехода, на нем лежала ответственность за десятки тысяч людей и животных. Но он не дрогнул. Немногим более чем за неделю он привел всю армию с обозом к Табуку, на границу Византийской империи. Для одного погонщика такой переход был бы трудным; для командира сорокатысячной массы людей и животных — выдающимся организационным достижением.

Табук оказался плодородным оазисом. Сады, пальмы и обилие воды казались измученным воинам раем. И еще лучше было то, что никаких римлян там не оказалось. Население встретило их дружелюбно, а армия предалась купанию и лечению израненных ног.

Поскольку сражаться было не с кем, Мухаммед послал подвижные отряды в соседние районы требовать подчинения местных вождей. Иудеи, христиане и язычники один за другим являлись в лагерь и принимали новые условия без серьезного сопротивления. Только один отряд вернулся с окровавленными копьями — отряд Халида.

Под его командованием находились новые полки мусульманской конницы, всего около пяти тысяч человек. Халид двигался так быстро, что застал влиятельного христианского вождя Окейдира за городскими стенами, на охоте. Верный своим принципам, Халид перебил всех, кого мог, кроме Окейдира. Ему он сохранил жизнь лишь при условии безоговорочной капитуляции.

Окейдир подчинился и был доставлен к Мухаммеду вместе с двумя тысячами верблюдов, восемьюстами овцами и козами и большим запасом оружия. Мухаммед принял его столь сердечно и настолько иначе, чем тот ожидал после знакомства с Халидом, что Окейдир добровольно отказался от христианства и принял ислам.

Несколько месяцев Мухаммед оставался в Табуке, принимая присягу племен со всей округи. Поскольку римляне так и не появились, он предложил штабу пойти и поискать их. Омар выступил против. Главная задача похода — предотвратить вторжение в Аравию — уже была выполнена; кроме того, племена от Красного моря до

долины Евфрата признали власть Мухаммеда. Лучше, считал Омар, не испытывать удачу дальше.

Мухаммед согласился. Обратный переход к Медине был предпринят в относительно прохладном декабре.

Жители Медины встретили армию шумным ликованием. Едва показалась пыль длинной колонны, горожане вышли из оазиса, крича, распевая песни и приветствуя возвращавшихся.

Но Мухаммед не вел себя как торжествующий завоеватель. Когда люди окружили его мула, он обращался к ним по именам, позволял детям карабкаться на стремена, садиться перед ним и позади него. Он выглядел скорее как отец огромной семьи, вернувшийся с охоты.

Не участвовали в празднике лишь те, кто счел поход слишком жарким. Им было не только стыдно, но и досадно: армия понесла мало потерь и вернулась с большой добычей.

Мухаммед занял по отношению к уклонившимся суровую позицию. Он наложил на них своего рода запрет и велел старым соратникам не общаться с ними. Это было фактически общественное и религиозное отлучение: их не допускали к обычной жизни мечети и исключали из социальных связей. В Коране появились суровые строки о тех, кому легкая добыча и близкое путешествие были бы привлекательны, но долгий путь заставил их остаться дома.

Около месяца Мухаммед поддерживал этот бойкот. Затем снял запрет и простил виновных. Он был уверен, что отныне проблема массового уклонения от походов больше не повторится.

Вскоре произошло еще одно событие, облегчившее его положение. Абдаллах ибн Обей заболел и умер вскоре после возвращения армии из Табука. Несмотря на прежние интриги, Мухаммед несколько раз навещал его и произнес молитвы перед погребением. Когда неизменно суровый Омар возразил, Мухаммед пожал плечами:

— Неважно, молишься ты за лицемера или нет. Если человек лицемер, Бог знает это и не простит его, даже если молиться весь день и всю ночь.

Мухаммед мог позволить себе великодушие. Со смертью Абдаллаха в Медине фактически не осталось политического

соперника. Через несколько дней после его похорон прежняя оппозиция признала Мухаммеда единственным вождем.

Вскоре пришло еще одно удовлетворение. Ат-Таиф все еще не сдавался. Хотя осада была снята, а вождь Малик перешел на сторону мусульман, город продолжал держаться. Вооруженные отряды совершали набеги, сады и финиковые рощи разорялись, стада захватывались, но жители упорно не открывали ворот.

Наконец делегация прибыла в Медину и предложила сдать город при условии, что им разрешат сохранить идола Аллат.

Мухаммед покачал головой.

Послы попросили оставить Аллат хотя бы на три года, затем на два, потом — на один.

— Ни на одну неделю! — ответил Мухаммед.

Ничто не могло изменить его решения. В конце концов послы устали спорить и согласились на безоговорочную капитуляцию.

Однако в вопросе уничтожения Аллат Мухаммед им не доверял. Поэтому он отправил Абу Софьяна и Аль-Могиру ибн Шубу, одного из ранних обращенных, проследить за выполнением этого пункта договора.

Выбор Абу Софьяна был политически тонким жестом: человек, еще недавно бывший непримиримым противником ислама, теперь должен был собственноручно уничтожить языческую святыню.

Когда Абу Софьян поднял кирку и приготовился ударить каменное изображение, нервы подвели его. То ли он все еще боялся сверхъестественной кары, то ли опасался реакции жителей Ат-Таифа, но удар не достиг цели, и под радостные крики язычников он растянулся на земле. Возник опасный момент, который мог вновь поколебать хавазинцев. Но Аль-Могира был рядом.

Аль-Могира был ветераном ислама. Он выхватил кирку и разбил Аллат на куски. Затем позвал спутников, сел на верблюда и уехал, оставив женщин Ат-Таифа оплакивать останки своей покровительницы.

С наступлением нового года вновь пришло время паломничества в Мекку. На этот раз Мухаммед сам не поехал. Вместо себя он отправил Абу Бакра и Али — и сделал это не случайно.

Хотя большая часть Мекки и племен Аравии уже приняла ислам, оставалось немало язычников, которые по привычке продолжали совершать мекканское паломничество. Идолов в Каабе уже не было, но это не мешало им соблюдать прежние языческие обряды. Следует помнить, что, хотя религия арабов изменилась, значительная часть древней церемониальности была сохранена или приспособлена к новой вере.

Мухаммед никогда не отвергал культ Каабы как таковой: он считал ее посвященной Аллаху еще со времен Авраама. Но он не хотел, чтобы сохранение древних обрядов понималось как разрешение на язычество. Поэтому он решил: язычники должны либо принять его учение, либо лишиться права посещать Мекку.

Сам Мухаммед не считал нужным лично заниматься тем, что в его нынешнем положении казалось сравнительно второстепенной административной задачей. Он остался в Медине, поручив подробности своим ближайшим соратникам.

Когда паломничество подходило к заключительной стадии, Али собрал людей и объявил новый указ Мухаммеда. По сути это было общее заявление о положении немусульман на территории, контролируемой исламом.

Язычников, отказавшихся принять ислам, следовало предавать смерти. Иудеи и христиане не должны были расставаться с жизнью. Против них надлежало вести войну, но после покорности мусульманам и уплаты дани им разрешалось сохранить свою веру. Указ завершался следующими словами:

«Мне велено объявить вам, что ни один неверующий не войдёт в рай. После этого года ни один неверующий не совершит паломничества. У кого есть договор с Посланником, он будет соблюдаться до истечения срока. Племенам даётся четыре месяца, чтобы они могли безопасно вернуться домой. После этого обязательства Посланника прекращаются».

Когда Али закончил, паломники разошлись. Группами, караванами и поодиночке они отправились в свои земли, разнося весть: отныне ислам становится верой, определяющей религиозный порядок всей Аравии. Начиная с конца девятого года Хиджры,

соответствовавшего 631 году христианской эры, человек, не признававший учение Мухаммеда, больше не имел права вступать на священную территорию Мекки.

Этот приказ остаётся в силе и в 1946 году, через тысячу триста пятнадцать лет после его обнародования.

ГЛАВА XXII

ПОСЛЕДНЕЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

(632 год после Рождества Христова)

Я начинаю главу с рассуждения о взаимоотношениях ислама и христианства. Он утверждает, что установленное Мухаммедом отношение к христианам в основном сохранялось на протяжении столетий и что западные представления об исламе часто не учитывали это.

Безоговорочно осуждая идолопоклонство, мусульманская вера безоговорочно признаёт христианство. Во второй суре Корана, а затем снова в пятой Мухаммед писал:

«Воистину, верующие, иудеи, сабии и христиане — кто из них верует в Бога и Последний день и поступает праведно, — не познают страха и не будут опечалены… И ты непременно найдёшь, что ближе всех по любви к ним [верующим в ислам] те, кто говорит: “Мы — христиане”».

Рассуждая об условиях, при которых иудеи и христиане могли оставаться на мусульманской земле и считаться частью общины, Мухаммед добавил:

— Тот, кто причинит несправедливость иудею или христианину, будет иметь меня своим обвинителем.

Снова и снова он призывал к терпимости по отношению к вере, столь похожей на его собственную. Во всех договорах с христианами он неизменно гарантировал им свободу богослужения.

Когда Омар стал халифом и взял Иерусалим, он строго приказал не причинять вреда ни христианам, ни их церквям. Когда мусульмане вторглись в Испанию в VIII веке, всё христианское пользовалось уважением. Так продолжалось до распада арабского владычества в Европе в XV столетии. Когда же христиане снова взяли верх, этот порядок прекратился. На смену мусульманской благосклонности пришли насильственные обращения, совершавшиеся Святой инквизицией.

Эта деятельная нетерпимость прекратилась, но её зародыш остался. Между тем причин для неё нет. В конце концов, спор между исламом и христианством — это спор близких родственников, и, как большинство подобных споров, он основан главным образом на недоразумении. Попытками опорочить Мухаммеда ничего не достичь. Отмахнувшись от Корана как от груды бессвязных нелепостей, тоже ничего не добиться. Беспристрастное изучение ислама даст гораздо больше. Как несколько лет назад писал Амир Али, этот ясно мыслящий член Тайного совета короля Георга:

«Истинный мусульманин — истинный христианин в том смысле, что он признаёт служение Иисуса и старается воплотить нравственное учение, которое тот проповедовал. Почему же истинному христианину не воздать должное Проповеднику, завершившему дело прежних учителей?»

Почему же нет? Почему люди Запада должны утверждать, что их верования достовернее верований других религиозных общин? Правда, в мире насчитывается 585 миллионов христиан против 300 миллионов мусульман. Но из этих 585 миллионов не более 70 процентов сколько-нибудь регулярно исполняют свои религиозные обязанности, тогда как 95 процентов было бы ближе к доле мусульман, соблюдающих ислам так, как его установил Мухаммед тысячу триста тринадцать лет назад, когда собирался совершить прощальное паломничество в Мекку.

Однако прежде чем отправиться в путь, ему предстояло принять посольства правителей, которые, пусть и не все принимали ислам, признавали светскую власть Мухаммеда.

Среди них были один из сирийских наместников Ираклия и царь Омана. Эти люди, как и многие другие, увидели предвестие грядущего и правильно его истолковали. Безопасность в Аравии зависела от доброй воли Мухаммеда.

На юг, в Йемен, был послан Али. Его задачей было убедить жителей, что время воспринимать Мухаммеда и его людей всего лишь как торговцев миновало. Али прежде не поручали подобной миссии, и он не был от нее в восторге. Сражаться он был готов с кем угодно — от курайшита до римлянина, но проповедь его пугала.

Мухаммед заверил племянника, что вдохновение придет. Положив одну руку ему на рот, а другую на грудь, он помолился:

— О Аллах! Развяжи его язык и направь его дух.

Чтобы укрепить уверенность Али, ему дали триста хорошо вооруженных всадников.

Это оказалось удачей. Али был столь же плохим проповедником, сколь хорошим воином. Жители Йемена смеялись над всем, что он говорил; некоторые бросали камни. Когда в него стали пускать стрелы, он решил, что проповеди, возможно, и сильнее мечей, но его представлениям об обращении неверующих они не соответствуют. Через несколько минут Книгу сменило копьё.

К концу дня жители Йемена уже сожалели, что не позволили ему продолжать говорить. Возвращаясь в Медину, Али вел с собой пленников и стада и доложил Мухаммеду, что Йемен вошел в исламскую политическую орбиту.

Из другого южного государства, Хадрамаута, прибыли княжеские послы, чтобы присоединиться к делу ислама. Это порадовало Мухаммеда даже больше, чем союз с Оманом. Жители Хадрамаута принадлежали к богатому, цивилизованному народу, обитавшему в великолепных городах над Аденским заливом. Их дома, должно быть, были отцами и дедами современных небоскрёбов. Сегодня, как и тогда и за много столетий до того, архитектура этих городов больше напоминает Нью-Йорк будущего, чем Аравию.

Хадрамаутцы были опытными путешественниками и торговцами. Их принятие ислама способствовало распространению новой веры далеко за пределами Аравии — в Юго-Восточную Азию. Я связываю с этими торговыми путями распространение ислама в Малайе, на Яве и Филиппинах и объясняет происхождение испанского названия «моро» для мусульман южных Филиппин через средиземноморское слово «мавр».

И так продолжалось. С севера, юга, востока и запада племена, государства и княжества присылали делегатов, чтобы подтвердить свою верность этому безвестному человеку пустыни. Никому не казалось странным, что человек, чьё ремесло не поднималось выше занятий странствующего торговца, не обладавший особой умственной

культурой и первоначально ничем не заявлявший притязаний на власть, занял столь высокое положение. Это принимали как нечто само собой разумеющееся — тогда, как и теперь. Несомненно, так будет продолжаться со всё возрастающим рвением до конца света.

Ни один иудей, буддист или христианин не видел, чтобы его вера росла у него на глазах с такой чудесной быстротой. Ни один другой религиозный вождь не был столь вознаграждён при жизни. Кажется, словно Бог пожелал подчеркнуть, что Мухаммед был последним из Его пророков, а ислам — последней из Его религий. За исключением Бригама Янга, с тех пор ни один выдающийся человек не пытался основать новое вероучение. В Аравии появилось несколько самозванцев, но последователей у них было немного, а власть их оказалась недолговечной.

Один из них, Мусайлима, обладал даром красноречия. Его проповеди, которые он объявлял боговдохновенными, привлекали последователей. Других он завлекал, обманывая фокусами. Он написал собственный Коран, который ничего собой не представлял, но отличался оригинальностью: душу человека он помещал в животе!

Однажды, почувствовав себя достаточно сильным, Мусайлима направил Мухаммеду посольство с письмом:

— От Мусайлимы, пророка Аллаха, Мухаммеду, пророку Аллаха. Давай разделим мир: половина будет твоей, половина — моей.

Ответ Мухаммеда был кратким:

— От Мухаммеда, Пророка Аллаха, Мусайлиме-лжецу. Земля принадлежит Богу; Он дарует ее тому из Своих рабов, кому пожелает.

На этом Мухаммед счел вопрос закрытым. Мусайлима, однако, продолжал проповедовать и набирать сторонников. Уже при Абу Бакре он стал достаточно серьезной угрозой, чтобы против него отправили Халида с армией. После тяжелого боя силы Мусайлимы были разбиты, а сам он погиб от руки Вахши — того самого человека, который когда-то убил Хамзу при Оходе, — причем, по преданию, тем же копьем.

Но подобные эпизоды оставались относительно небольшими проявлениями соперничества. В следующие века ислам уже сам будет

распространяться далеко за пределы земель, известных его основателю.

К этому времени Мухаммед начал чувствовать усталость. Вероятно, у него не было ясного предчувствия близкой смерти, но он не хотел оказаться неподготовленным. Поэтому он распорядился совершить полное, торжественное паломничество в Мекку — большое паломничество, которое не совершал со времени Хиджры.

В начале марта 632 года, облаченный в простые белые одежды паломника без швов, Мухаммед собрал своих последователей. На призыв откликнулось около сорока тысяч человек. Девять его оставшихся в живых жен также отправились в путь в носилках на верблюдах. Из старой гвардии отсутствовал только Али, находившийся с миссией в Йемене; он успел прибыть в Мекку к началу основных обрядов.

Огромная процессия двигалась по пустыне неторопливыми переходами. Теперь уже не было необходимости высылать передовую охрану или постоянно ожидать нападения. На сотни миль вокруг политическая власть принадлежала мусульманам. Там, где раньше стояли лишь кочевые лагеря, появились мечети; встреченные по дороге пастухи почти наверняка принадлежали к новой вере.

Это был торжественный итог долгих лет труда и опасностей. Мухаммед словно перестал ощущать возраст, а Аль-Касва, которая девять лет назад несла его в бегстве из Мекки, теперь спокойно шагала в составе триумфального паломничества.

На десятый день они достигли Сарифа, в нескольких милях от Мекки. Здесь паломники омылись и отдохнули. На следующее утро караван начал спускаться по каменистым склонам бесплодных холмов, окружавших Священный город.

Когда первые солнечные лучи осветили Каабу, Мухаммед прошел через ворота Бени Шейба — те самые, через которые раньше вошел в город как завоеватель. Увидев святилище, он поднял руки и произнес молитву, прося Господа умножить достоинство и славу этого дома и увеличить честь, благочестие и добро тех, кто приходит сюда совершать большое и малое паломничество.

Мухаммед уже не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы семь раз обойти Каабу пешком, поэтому совершил обход верхом на Аль-Касве.

В последующие дни он исполнил обряды большого паломничества, с тех пор соблюдаемые во всех подробностях. Более того: когда по независящим от него обстоятельствам, никак не связанным с культом, Мухаммеду приходилось торопиться при исполнении некоторых церемоний, эту поспешность запоминали — и повторяют до сих пор!

Никакого письменного предписания о совершении паломничества не существует. Присутствовавшие тогда запомнили всё и передали другим. Когда в 1853 году сэру Ричарду Бёртону удалось обойти запрет немусульманам посещать Мекку, он прошёл в точности тот же обряд, который Мухаммед исполнил в 632 году, включая непреднамеренную поспешность.

Первым этапом паломники отправились из Мекки в Мину. Там были совершены молитвы и проведена ночь. На следующее утро процессия, значительно увеличившаяся за счет мекканцев, двинулась к горе Арафат примерно в десяти милях от города.

Согласно арабской традиции, именно на Арафате Адам и Ева вновь встретились после долгой разлуки, последовавшей за изгнанием из Эдема. Это не гора в привычном смысле, а большой гранитный массив высотой примерно двести футов, возвышающийся над каменистой котловиной среди холмов. Подъем был достаточно пологим, чтобы Аль-Касва смогла донести Мухаммеда до вершины.

С возвышения Мухаммед объявил собравшимся, что Арафат и окружающая долина являются священными местами паломничества. После этого он произнес молитвы, завершив их словами о том, что религия доведена до совершенства, милость исполнена и ислам установлен как вера.

Этот этап паломничества занял больше времени, чем предполагалось, и следующей стоянки достигли поздно. Поэтому Мухаммеду пришлось наскоро объединить послеполуденную и закатную молитвы. Ему не пришло в голову объяснить, что это вызвано обстоятельствами и что при лучшем расчёте времени этого

можно было избежать. Паломники приняли поспешность за нечто исполненное таинственного смысла. Так она стала одним из нелогичных обычаев, о которых сэр Ричард Бёртон писал двенадцать столетий спустя.

На рассвете следующего дня десятки тысяч паломников совершили утреннюю молитву вместе с Мухаммедом, после чего процессия вернулась в Мину. По пути Мухаммед громко повторял:

— Я здесь, о Господь! Я здесь! Нет иного Бога, кроме Тебя. Я здесь! Хвала, благословение и власть принадлежат Тебе. Никто не разделяет их с Тобой. Я здесь, о Господь! Я здесь!

Затем, повысив голос, Мухаммед спросил:

— Знаете ли вы, какой сейчас месяц? Какая это земля? Какой сегодня день?

Люди ответили:

— Священный месяц. Священная земля. Великий день паломничества.

После каждого ответа Мухаммед говорил, что столь же священными и неприкосновенными Бог сделал жизнь и имущество каждого человека по отношению к другому — до того дня, когда люди встретят своего Господа.

— Пусть присутствующий передаст это отсутствующему, — продолжил он. — Возможно, тот, кому расскажут, запомнит лучше того, кто услышал сам.

Он сделал паузу, пока толпа молча слушала. Затем объявил об отмене старой системы периодического добавления дополнительного месяца, которой арабы пользовались для согласования календаря с временами года. Отныне мусульманский календарь должен был оставаться лунным, а значит, религиозные даты будут постепенно переходить из одного сезона в другой.

После этого он завершил проповедь словами о том, что время вернулось к установленному Богом порядку. Сатана, сказал он, уже отчаялся когда-либо вновь стать предметом поклонения в этой земле, но может добиться повиновения в меньших делах, которым люди склонны не придавать значения; поэтому следует остерегаться его.

— Воистину, я исполнил свою миссию. Я оставил среди вас ясное руководство — Книгу Бога и явные установления. Если вы будете крепко держаться их, то не собьетесь с пути.

Он снова замолчал, а затем с сильным волнением воскликнул:

— О Господь! Я передал свое послание и завершил свое дело!

Десятки тысяч паломников ответили словно один человек:

— Да, воистину, ты это сделал.

И Мухаммед снова воскликнул:

— О Господь, прошу Тебя, будь этому свидетелем.

После этого паломники стали расходиться и молча двинулись по каменистой дороге в сторону Мекки, находившейся примерно в пяти милях. Мухаммед задержался немного, чтобы отдохнуть и поразмышлять. Затем вместе со штабом и женами также направился в город.

Он прежде всего подошел к колодцу Земзем и выпил чашку его горьковатой воды. После этого вошел внутрь Каабы и некоторое время молился. В непроветриваемом святилище было жарко, и, выйдя, Мухаммед снова почувствовал жажду. Он остановился у первой открытой двери и попросил пить.

У хозяина оказалась только вода, в которой вымачивали изюм и финики перед раздачей паломникам. Сын аль-Аббаса, аль-Фадль, уговаривал своего двоюродного брата пройти до их дома, где было вдоволь свежей воды и молока. Но Мухаммед не захотел ждать и выпил воду, мутную от финиковой пыли. Некоторые паломники это запомнили, и сегодня многие считают, что выпить чашку такой загрязнённой жидкости — часть паломнического обряда.

Мединскому отряду дали три дня на отдых перед возвращением. Атмосфера в Мекке теперь была совсем иной, чем при прежних посещениях. Родственники встречались с родственниками, друзья узнавали друг друга без прежнего настороженного взгляда на пояс в поисках спрятанного меча. Устраивались угощения, и братство, о котором проповедовал Мухаммед, теперь проявлялось на практике. Город, возможно, стал менее беспечным и шумным, чем во времена Абу Джахля и Абу Лахаба, но, по моему мнению, отношения между людьми стали искреннее.

Мухаммед был счастлив и спокоен. Он завершил паломничество и установил ритуал, который, как он надеялся, переживет его. Но, несмотря на окончание официальных церемоний, оставалось одно личное дело, которое он хотел совершить перед возвращением в Медину.

После последней вечерней молитвы он незаметно ушел от толпы, расходившейся с площади Каабы. Сев на мула, выехал из Мекки по северной дороге. Вскоре за спиной остались узкие улицы Священного города с их смехом и праздничным шумом. Он поднялся по каменистой тропе, по которой столько раз возвращался молодым торговцем из дальних поездок, и оказался в открытой пустыне, где слышался только ветер в кустарнике.

Через некоторое время Мухаммед повернул на запад. Несколько десятков шагов привели его к двум грубым камням, отмечавшим начало и конец могилы. Он остановился и посмотрел вниз. Здесь лежал Абу Талеб — человек, который защищал его, но умер, так и не приняв ислам. Племянник мог лишь вспоминать его с благодарностью и надеяться, что проявленная им доброта не будет забыта в ином мире.

Дальше земля становилась еще более каменистой. Тропы почти не было, мул спотыкался в темноте. Примерно четверть мили Мухаммед пробирался среди камней и кустарника, пока не достиг другой могилы. Она была столь же проста: три необработанных камня — у головы, у ног и посередине.

Мухаммед спешился и сел рядом.

Под твердой сухой землей лежала Хадиджа — его любимая жена, первая уверовавшая, женщина, к которой, в моей интерпретации, он был привязан сильнее всего.

Он молча помолился, затем завернулся в плащ и долго сидел неподвижно, погруженный в воспоминания. Ему словно вновь открылась вся его жизнь.

Детство среди кочевников; годы у Абд аль-Мутталиба, затем у Абу Талеба. Первые удивительные поездки в чужие страны, открытие мира за пределами пустыни и курайшитов. День, когда Хадиджа позвала его и доверила ему свои караваны и торговые дела. С этого момента закончилась его беззаботная молодость. После брака и

появления свободного времени впечатления, накопленные в путешествиях, начали складываться в идеи, постепенно изменившие всю его жизнь.

Он вновь видел пещеру на горе Хира и слышал страшные слова Гавриила. Вспоминал, как Хадиджа утешала его, а Варака, Али, Абу Бакр и Зейд заявляли о своей вере. Слышал насмешки и оскорбления мекканцев, затем угрозы смерти, вынудившие его бежать.

Перед ним возникала Медина: первая мечеть, первый дом, Бадр, Оход, Ров, Хайбар. Число последователей росло, пока круг воспоминаний снова не привел его к Мекке.

Мухаммед закрыл глаза, потрясенный невероятным успехом своей жизни. Ему казалось, что он видит и будущее. Старые соратники — верный Абу Бакр, суровый Омар, молчаливый Осман — один за другим будут руководить общиной после него; рядом с ними Али, Халид, Амр. С их походами его учение распространится в Персии, Египте и Месопотамии. Потом знакомые лица исчезнут, их сменят новые, но движение продолжится через Северную Африку к Атлантике, через Испанию в Европу, на восток — к Индии, Китаю, Малайе и островам, в Восточную и Западную Африку.

Здесь я сознательно пишу как человек XX века, оглядывающийся назад на последующую историю ислама и вкладывающий это знание в воображаемое видение Мухаммеда у могилы Хадиджи.

Мухаммед открыл глаза. Вокруг не было воинов его видения. Белый мул дремал в нескольких шагах, небо было темным и усеянным звездами, ветер шевелил камни и сухую траву кладбища.

Напряжение Мухаммеда спало. Он нежно коснулся земли, покрывавшей Хадиджу. Благодаря ей всё это произошло, благодаря ей всё это ещё произойдёт. Долго Мухаммед оставался неподвижен. Он не двигался, пока не уверился, что эта любимая им женщина знает: вопреки всему, что могло свидетельствовать об обратном, она была единственной, кто когда-либо по-настоящему что-то значил для него.

ГЛАВА XXIII

СМЕРТЬ МУХАММЕДА

(июнь 632 года после Рождества Христова)

Смерть, по-видимому, легче приходит в жарком климате, чем в холодном. В северных широтах редка та безболезненная агония, которая встречается в аравийских пустынях.

Арабы умирают достойно, не причиняя хлопот. Они угасают, как огонь в детской комнате. Их уходу из мира не предшествуют стадии старческого слабоумия и дряхлости. Здесь нет столь обычной для западных обществ обязанности ухаживать за немощным, жалующимся стариком. Будь он кочевым вождём или купцом, он отходит в иной мир, щадя свою семью и друзей.

Возраст араба мало заметен. Ему может быть шестьдесят или восемьдесят, а образ жизни почти не изменился с молодости. Потом как-то вечером он почувствует упадок сил. На следующий день останется в доме или шатре. Через неделю умрёт. Несколько часов спустя его похоронят на кладбище оазиса или под грудой камней в пустыне. Все будут с благодарностью вспоминать его и желать ему добра на том свете. Никто не вздохнёт с тем облегчением, с каким на Западе так часто провожают наконец старого докучливого человека.

Этот разумный взгляд и отсутствие суеты прежде всего объясняются тем, что мусульманин не испытывает страха перед смертью. Напротив, он видит в ней благословенное избавление от всех тягостных сложностей земной жизни. Он вспоминает слова Мухаммеда:

«Мир для мусульман подобен тюрьме и голоду, и, когда они покидают его, можно сказать, что они покидают голод и тюрьму».

Мухаммед умер согласно обычаю. Почти до самых последних часов он продолжал служить своему народу…

Вскоре после возвращения из Мекки он начал готовить новый поход против Сирии. Поражение при Муте все еще не давало ему покоя, а смерть Зейда от рук византийских войск оставалась личной

раной. Теперь, когда Аравия была в основном подчинена, он решил ответить.

Чтобы придать походу символический смысл, Мухаммед назначил главнокомандующим сына Зейда — Усаму. Усама был сыном Бараки, бывшей кормилицы Мухаммеда и первой жены Зейда. Это был способный молодой человек, который позднее оправдает доверие, но тогда ему было всего около двадцати лет.

Ветеранам не нравилась мысль идти против все еще грозных римлян под командованием юноши с небольшим военным опытом. Однако Мухаммед не уступил. В моей интерпретации, он хотел показать, что возраст и общественное положение не обязательно делают человека хорошим командиром и что заслуги должны значить больше происхождения.

Он вызвал Усаму в мечеть, передал ему знамя ислама и пожелал принести ему честь. Усама принял знамя и без дальнейших споров принял командование.

Армия выступила днем 27 мая и остановилась на ночь в Аль-Джурфе неподалеку от Медины. Дальше она некоторое время не двинулась: утром пришло известие, что Мухаммед серьезно заболел.

Точная причина его последней болезни неизвестна. Некоторые последователи связывали ее с отравленным мясом, поданным ему в Хайбаре. Это маловероятно: попытка отравления произошла четырьмя годами ранее, Мухаммед выплюнул мясо почти сразу и после этого демонстрировал отличную физическую выносливость — пережил поход к Табуку, кампанию против хавазинцев, осаду Ат-Таифа и взятие Мекки.

Некоторые предполагают, что Мухаммед умер от тяжёлой малярии. Или это был брюшной тиф? По сохранившимся сообщениям, симптомы были следующими: сильнейшая лихорадка, острые боли в кишечнике и спине. Болезнь развивалась стремительно и быстро закончилась смертью. Он прошёл через те же стадии, через которые на Востоке проходили миллионы людей до введения прививок против брюшного тифа. К тому же у него было достаточно возможностей заразиться такой болезнью.

Из-за нехватки воды в пустыне арабы привыкли пить всё, что найдётся. В девяти случаях из десяти это, по-видимому, не причиняет им вреда. Мы видели, как в Мекке Мухаммед утолил жажду водой из ведра, где мыли грязные финики. Мы знаем, что в Медине он пил из открытого водоёма возле мечети. Надо также понимать, что за свои шестьдесят два года этот человек прожил вчетверо больше, чем обыкновенный человек. Организм, перенёсший гонения и лишения и никогда не знавший отдыха, наконец начал сдавать.

Какой бы ни была болезнь, утром после передачи знамени Усаме он проснулся с сильной головной болью и жгучими болями внутри. Затем появилась слабость и головокружение. Однако он не показывал окружающим, насколько ему плохо, и поначалу продолжал исполнять обязанности и посещать жен по установленному порядку.

Он все же почувствовал, что болезнь может оказаться последней. Фатиме он сказал, что ему, вероятно, осталось жить недолго. Когда дочь заплакала, он утешил ее:

— Почему ты плачешь, дочь моя? Утешься: из моих близких ты первой присоединишься ко мне.

Фатима действительно умерла примерно через шесть месяцев после отца.

На вторую ночь болезни, находясь в комнате Маймуны, Мухаммед вышел из дома при мечети в сопровождении слуги и снова направился на кладбище.

Некоторое время он сидел среди грубых надгробий мужчин и женщин, умерших в вере, а затем обратился к ним в молитве. Он говорил, что и они, и он получили исполнение обещанного Господом, что их удел теперь лучше удела оставшихся, и просил Бога помиловать лежащих в могилах.

Повернувшись к слуге, он добавил:

— Мне был предложен выбор: продолжить эту жизнь и затем войти в рай или уже сейчас встретиться с моим Господом. Я выбрал встречу с Господом.

Затем снова обратился к мертвым:

— Мир вам, обитатели могил. Да простит Бог нас и вас. Вы ушли раньше, а мы следуем за вами.

После этого он вернулся к Маймуне. На следующий день ему стало хуже. Жар усилился, боли не прекращались. Мухаммед понял, что нуждается в постоянном уходе, и решил, что хочет находиться у Аиши.

Когда Мухаммед высказал это желание, рядом случайно оказался аль-Аббас, который попытался его отговорить. Было очевидно, что Мухаммед умирает, и дяде пришло в голову: если Пророк ислама покинет этот мир на руках сестры его жены, последствия могут оказаться любопытными. И действительно могли. Преемник во главе верующих ещё не был назначен, и любой намёк — например, последние минуты в доме родственницы аль-Аббаса, который извлёк бы из этого всё возможное, — мог быть истолкован как выражение воли Мухаммеда.

Но Мухаммед еще сохранял достаточно сил, чтобы настоять на своем. Опираясь на Аль-Аббаса и Али, он перешел в комнату Аиши.

Аише было едва за двадцать. Она никогда прежде не ухаживала за тяжело больным и не была близко знакома со смертью. Тем не менее она полностью посвятила себя последним дням мужа. Ее забота, заметно приободрила Мухаммеда: на некоторое время силы вернулись, мысли прояснились.

Узнав, что Усама все еще не выступил в Сирию и что ветераны продолжают критиковать его назначение, Мухаммед вновь проявил прежнюю решительность. Он попросил воды, омылся, оделся и вышел в мечеть.

Община как раз собралась на общую молитву. Мухаммед возглавил ее как обычно, а затем обратился к людям:

— Люди! Что я слышу? Некоторые из вас недовольны тем, что я назначил Усаму командовать сирийским походом? Если вы осуждаете назначение Усамы, вы должны были бы осуждать и назначение его отца Зейда. Клянусь Господом, Зейд был достоин командования, и сын его достоин тоже. Усама дорог мне, как дорог был его отец. Относитесь к нему хорошо: он один из лучших среди вас.

Он оглядел собрание. В его глазах, еще сохранялось прежнее властное выражение, не допускавшее споров. Убедившись, что мысль понята, он продолжил:

— Господь предложил одному из Своих рабов выбор между этой жизнью и тем, что находится рядом с Ним. Раб выбрал то, что рядом с Господом.

Похоже, только Абу Бакр понял скрытый смысл этих слов. На его глазах появились слезы.

Мухаммед повернулся к старому другу:

— Среди вас нет человека, проявившего ко мне больше любви и преданности, чем Абу Бакр. Если бы я избирал одного ближайшего друга, им был бы он, но ислам создал между нами еще более тесное братство.

Затем он обратился к мекканцам:

— Чтите ансаров Медины. Число верующих может увеличиваться, но число тех, кто помог мне в начале, уже не увеличится. Они были моей семьей, у них я нашел дом. Делайте добро тем, кто делает добро им, и не дружите с теми, кто враждебен к ним.

После нескольких советов и просьб он покинул место возле кафедры и вернулся к Аише.

Путь до мечети и обратно сильно утомил его. Ночь прошла беспокойно. Утром он уже не чувствовал себя способным возглавить молитву и распорядился, чтобы вместо него это сделал Абу Бакр.

Это было самым близким к назначению преемника поступком, который он когда-либо совершил. И всё же его намерение было ясно. Когда он мог присутствовать сам, молитвой руководил только он. В его отсутствие это делал кто-нибудь из первых обращённых, оказавшийся поблизости. Теперь он мог поручить заменить себя Омару, Усману или Али. Выделив своего верного соратника, избрав Аишу сиделкой, а её комнату — местом болезни, Мухаммед явно давал понять, что халифат должен перейти к человеку, который с самого возникновения ислама делил с ним и радости, и беды.

В следующие дни лихорадка окончательно приковала Мухаммеда к постели. Когда жар становился невыносимым, он опускал руки в стоявшую рядом чашу с водой и молился:

— О Господь, помоги мне в этом тяжелом состоянии. О Господь, помоги мне.

Иногда он бредил, но большую часть времени понимал происходящее, узнавал старых товарищей, приходивших проститься, и почти не жаловался. Он распорядился немедленно раздать нуждающимся все остававшиеся у него сбережения.

Затем, словно последнее яркое пламя угасающего огня, наступило краткое улучшение. Вновь проявились его необычайная сила воли и привычка не поддаваться слабости.

Он попросил воду и чистую одежду, тщательно омылся и при поддержке Али и Аль-Аббаса снова вошел в мечеть. В этот момент Абу Бакр уже находился в середине молитвы. По собранию прокатился радостный шепот удивления.

Шепот и волнение в мечети заставили Абу Бакра обернуться. Он сразу прекратил молитву, но Мухаммед жестом велел ему продолжать. Когда молитва закончилась, Мухаммед сел на ступень у кафедры и еще раз обратился к людям.

— Я слышал, что слух о моей смерти наполнил вас тревогой. Но разве жил вечно хоть один пророк до меня? Все совершается по воле Бога и имеет назначенный срок, который нельзя ни ускорить, ни отдалить. Я возвращаюсь к Тому, Кто послал меня. Мое последнее повеление вам — сохранять единство, любить, чтить и поддерживать друг друга, укреплять друг друга в вере и постоянстве и творить благочестивые дела. Только это ведет людей к благу; все остальное ведет к гибели.

С усилием он поднялся и, заставив голос почти вернуть прежнюю силу, произнес:

— Я лишь иду впереди вас. Скоро вы последуете за мной. Смерть ожидает каждого, поэтому никто не должен пытаться отвести ее от меня. Моя жизнь была вам на благо — и смерть моя тоже будет на благо.

Некоторое время он внимательно смотрел на людей, заполнивших мечеть. Затем медленно, опираясь на Али, прошел сквозь молчаливые ряды обратно в комнату больного.

Это было его последнее появление перед общиной и последняя публичная речь.

Вернувшись к Аише, он устало лег на ковер и позволил молодой жене раздеть его. Некоторое время он отдыхал, держа ее за руку. Жар был очень сильным, однако Мухаммед не стонал и почти не жаловался. Аиша прикладывала к его горящему лицу влажную ткань. Он улыбнулся, и из его уст начали с трудом выходить отдельные слова:

— О Господь, помоги мне перенести муки смерти… О Гавриил, приблизься ко мне, приблизься.

Он повторил это несколько раз. После паузы силы на мгновение вернулись. С открытыми глазами Мухаммед ясно сказал:

— О Господь, даруй мне прощение и соедини меня с высшим обществом. О Аллах, пусть буду я среди славных спутников в раю.

Тело расслабилось. Голова откинулась на колени Аиши. Рука, которую она держала, перестала пылать жаром.

Несколько мгновений царила полная тишина. Затем Аиша осторожно положила голову мужа на подушку, поправила одежду и закрыла ему глаза. Она тревожно, почти с надеждой всматривалась в знакомое лицо, но его спокойствие не оставляло сомнений: это уже не был обморок или транс.

Сдерживая слезы, Аиша поцеловала Мухаммеда в лоб и вышла во двор, где в тревоге ждали остальные жены.

Плач из женских помещений быстро распространился вокруг мечети. Людей, которые совсем недавно видели своего вождя живым, охватили страх и смятение. Никто, даже Омар, не хотел признавать, что Мухаммед мог умереть. Омар встал перед толпой у входа в жилые комнаты Посланника и громко заявил, что Мухаммед только потерял сознание. Он повторял это все настойчивее, словно убеждал прежде всего самого себя.

Сцена была необыкновенной. Мухаммед никогда не говорил и не показывал, будто отличается по природе от своих последователей. Напротив, он постоянно подчеркивал собственную смертность. Тем не менее люди постепенно стали воспринимать его как человека, стоящего почти за пределами обычной человеческой участи. Слова, сказанные им всего несколько часов назад о скорой смерти, они услышали, но не смогли по-настоящему связать со своим учителем.

Это было психологически понятно. Из нищеты и гонений мекканские и мединские последователи поднялись к господствующему положению в Аравии. Перед ними вставали, казалось, непреодолимые препятствия, и каждый раз Мухаммед находил выход. Они привыкли думать: если возникает беда, достаточно обратиться к нему. Теперь представить, что такого человека больше нельзя спросить или позвать, казалось немыслимым.

Омар особенно остро переживал эту утрату. Когда-то он за один день превратился из яростного противника ислама в одного из его самых страстных защитников. Для него Мухаммед стоял выше всех людей. Поэтому плач жен он объявлял истерикой и утверждал, что они не понимают, кем является их муж.

Обстановка становилась опасной, когда появился Абу Бакр.

После того как Мухаммед утром появился в мечети и выглядел немного лучше, Абу Бакр успокоился и отправился навестить одну из своих жен, жившую летом в пригороде Медины. Получив известие о смерти друга, он немедленно сел на мула и поспешил в город.

Не обращая внимания на толпы и бесконечные вопросы, Абу Бакр вошел в женские помещения и направился прямо в комнату, где лежало тело. Рядом сидела его дочь Аиша. Он ничего ей не сказал, только попросил поднять покрывало.

Несколько мгновений Абу Бакр с печалью смотрел на знакомое лицо, затем опустился рядом и поцеловал широкий лоб.

— Прекрасен ты был при жизни и прекрасен в смерти, — тихо сказал он.

Он коснулся длинных черных волос, откинутых от головы.

— Да, ты умер. Увы, мой друг, мой избранный, дорогой мне больше отца и матери, ты вкусил горечь смерти.

Еще раз поцеловав Мухаммеда, Абу Бакр накрыл лицо и медленно вышел во двор, где продолжали плакать жены.

Только теперь он обратил внимание на шум за стеной. Омар все еще громовым голосом повторял, что Мухаммед находится в трансе. Абу Бакр попытался остановить его, но Омар был слишком возбужден, чтобы услышать.

Для Абу Бакра это был кризис, которого он никогда не представлял. Наконец он поднял руки и сам начал говорить. Услышав знакомый голос, люди постепенно стихли.

Абу Бакр напомнил коранические слова о том, что Мухаммед смертен, как смертны другие люди, и о том, что он всего лишь Посланник, до которого уже уходили другие посланники. Затем спросил: если Мухаммед умер или был убит, неужели последователи отвернутся и покинут его учение?

Он дал словам проникнуть в сознание людей и твердо заключил:

— Пусть тот, кто поклонялся Мухаммеду, знает: Мухаммед умер. Но тот, кто поклоняется Богу, пусть знает: Господь жив и не умирает.

После этих слов наступила тяжелая тишина. Абу Бакр говорил с несомненным авторитетом и цитировал знакомые всем слова Корана. Люди посмотрели на Омара, будто ожидая возражения, но тот стоял в стороне, опустив голову.

Толпа, еще недавно шумевшая и протестовавшая, тихо разошлась. Люди возвращались домой с тяжелым сердцем. Вскоре площадь перед мечетью опустела; остались лишь Омар и Абу Бакр. Затем разошлись и они, слишком подавленные, чтобы говорить.

Несмотря на личное горе, Абу Бакр быстро понял политическую опасность момента. Исламская община могла расколоться. Если немедленно не появится признанный руководитель, возникнут соперничающие группировки.

Именно это уже начиналось. После выступления Абу Бакра мединцы собрались отдельно и стали обсуждать: если Мухаммед действительно умер, почему они должны подчиняться кому-либо из мекканских переселенцев? Может быть, настало время вернуть Медине самостоятельность.

Узнав об этом, Абу Бакр разыскал Омара и вместе с ним поспешил к месту собрания. Они прибыли как раз тогда, когда Саада ибн Обаду собирались провозгласить новым вождем.

Абу Бакр действовал с решительностью, которой мог бы ожидать и сам Мухаммед. Он выразил глубокое уважение к жителям Медины, но объяснил: племена Аравии не признают их верховенства. Единственный род, который имеет реальный шанс удержать

разнородную страну вместе, — племя самого Мухаммеда, курайшиты. Если люди хотят сохранить исламскую общину, этот факт необходимо учитывать.

Он специально добавил, что не выдвигает самого себя и что ему безразлично, кто станет преемником, лишь бы тот принадлежал к курайшитам и был способен удержать общину.

После обсуждения мединцы согласились. Абу Бакр был избран халифом — преемником руководителя исламской общины. Омар поддержал друга и на следующий день публично подтвердил избрание в мечети. Он признал, что ошибался, отрицая смерть Мухаммеда, призвал людей опираться на Коран и заявил:

— Господь поручил ваши дела лучшему среди нас — спутнику Его Посланника, тому самому единственному спутнику, второму из двоих, когда они были одни в пещере. Встаньте и принесите ему присягу.

Люди окружили Абу Бакра и один за другим вкладывали свои руки в его, клянясь в верности первому халифу.

Когда присяга завершилась, Абу Бакр поднялся на кафедру, откуда прежде обращался к людям только Мухаммед. Это был один из решающих моментов истории ислама. Если бы новый руководитель не сумел удержать общину, религия, уже ставшая политической и социальной системой, могла снова распасться на отдельные убеждения и племенные интересы.

Абу Бакр не обладал внешним блеском Мухаммеда. Он был пожилым человеком, которому самому оставалось жить недолго. Его главными качествами были непоколебимая вера в дело и искренность. Именно они дали ему силу в тот день.

Он сказал просто:

— Люди! Я стал вашим главой, хотя не считаю себя лучшим из вас. Если я поступаю правильно — поддерживайте меня; если ошибаюсь — исправляйте. В истине и искренности верность, во лжи — предательство. Повинуйтесь мне лишь до тех пор, пока я повинуюсь Господу и Его Посланнику. Если я ослушаюсь их, вы больше не обязаны повиноваться мне. Вставайте на молитву, и да помилует вас Господь.

Пока происходило избрание, тело Мухаммеда омыли, умастили мускусом и алоэ, завернули в три полотнища и оставили для прощания в комнате Аиши. Людей впускали группами. Каждая группа задерживалась у лица своего вождя, затем уступала место следующей. Это продолжалось весь день: сначала мужчины, затем женщины, после них дети и рабы.

Когда настало время погребения, выяснилось, что никто не знает наверняка, где должна находиться могила Мухаммеда. Одни предлагали похоронить его под кафедрой мечети, другие — там, где он обычно стоял, руководя молитвой. Некоторые считали, что он хотел бы покоиться вместе с другими мусульманами на кладбище.

Абу Бакр разрешил спор, вспомнив слова Мухаммеда о том, что пророка следует хоронить там, где он умер. Никто не смог этому возразить, и решение приняли.

Под комнатой Аиши выкопали глубокую могилу. На дно положили зеленый плащ Мухаммеда. Завернутое в саван тело осторожно опустили Али, Усама и Аль-Фадль. Над ним устроили свод из необожженного кирпича, после чего могилу засыпали гравием и песком.

Так во вторник, 9 июня 632 года, в одиннадцатом году Хиджры, Мухаммед впервые за шестьдесят два бурных года своей жизни обрел окончательный покой.

Сегодня он по-прежнему покоится в той же могиле. Она уже не открыта взорам посетителей. Богато украшенная мечеть окружает некогда скромные помещения гарема. Над самой погребальной камерой воздвигнут великолепный купол. Сюда со всего мира приходят мужчины и женщины, чтобы молиться вблизи места, где жил и умер основатель их веры. Поступая так, они пренебрегают неоднократными предостережениями Мухаммеда: его могила никогда не должна становиться предметом поклонения. Они помогают укреплять легенду о его принадлежности к сонму святых и ангелов. Они оказывают ему дурную услугу.

Уникальное место Мухаммеда в истории религии объясняется тем, что он вдохновил всё совершённое им, не будучи ни святым, ни ангелом и не обладая никакими качествами, кроме человеческих.

Помимо огромной силы личности, ничто в жизни не отличало его от других мусульман — ни титулы, ни богатство, ни иной образ жизни. Мечеть в Медине, как мечети Дамаска, Феса и Дели, столь же прекрасна, как лучшие произведения церковного зодчества в мире, но всё это не имеет ничего общего с Мухаммедом, сыном Абдаллаха и его жены Амины.

Кроме необычайной личности, в повседневной жизни Мухаммед почти ничем не отделял себя от других мусульман: не имел особых титулов, огромного богатства или царского образа жизни. Великолепные мечети позднейшего мира резко отличаются от простоты жизни Мухаммеда, сына Абдаллаха и Амины.

ГЛАВА XXIV

МУХАММЕД ДОМА

Успехи, увенчавшие конец земного пути Мухаммеда, заставляют забывать о домашней, семейной стороне его истории. Начатое им движение, грандиозное воздействие его учения, всемирное значение ислама сегодня заслоняют более близкий портрет этого человека при жизни.

Я редко думаю о Мухаммеде как о Посланнике Божьем, последователи которого составляют седьмую часть населения мира. Редко вспоминаю его как вдохновителя воинов, чьи завоевания превзошли лишь завоевания британских имперских армий. Редко думаю о нём как об авторе удивительной книги законов, богословия и стихов — Корана. Скорее я вижу в нём мальчика, который добился успеха среди своего народа. Я думаю о молодом человеке с идеалом, которого осмеивали и преследовали и который заставил свою семью признать его правоту. Ведь сделанное Мухаммедом мечом и с кафедры было куда меньшим достижением, чем опровержение поговорки о пророке без почёта в своём отечестве и перемена во взглядах родственников. Это нужно помнить, чтобы оценить пустынную «историю успеха». Именно такова эта история. Не совсем, пожалуй, путь из бревенчатой хижины в Белый дом, но нечто похожее. Во всяком случае, история, в которой преобладают личные и семейные обстоятельства.

Прежде всего, сама сцена была тесной. За исключением двух походов в Сирию, вся драма разыгралась на территории не больше штата Коннектикут. Участников было немного, и большинство состояло в родстве. Поначалу дело сводилось в основном к зависти и непониманию. Причём непониманию вполне объяснимому. То, что оно породило такую жестокость и озлобление, прискорбно, но вполне понятно.

До сих пор мы смотрели на всё происходившее в те насыщенные событиями годы начала VII века с точки зрения Мухаммеда. Однако у

любого спора есть две стороны, и позиция курайшитов и жителей Мекки заслуживает рассмотрения.

Перед нами город, который веками становился одним из крупных религиозных и торговых центров Аравии. Соединив торговлю с «церковью», мекканцы обрели благосостояние. Они ели и пили досыта, предавались любви, зарабатывали деньги, наслаждались жизнью до предела. Всё, за что они брались, процветало. Естественно, часть удачи они приписывали идолам, обитавшим в Каабе. Естественно, они не видели причин что-либо менять.

Курайшиты были, пожалуй, самыми состоятельными и уважаемыми членами общины. Они занимали важные должности в управлении, религиозных и общественных учреждениях города. Они же контролировали большинство крупных банковских и торговых предприятий.

Несмотря на географическую изоляцию и тяжёлый климат, Мекка была одним из самых цивилизованных мест в этой части мира. Здесь была любая роскошь — от привозных шелков и льняных тканей до драгоценностей и благовоний. Мекканцы чувствовали себя трижды благословенными. Они не видели ни причины, ни оправдания для нарушения своего благополучия.

И вдруг словно из ниоткуда появился человек средних лет со всевозможными странными идеями. Он происходил из хорошего рода, был чистокровным курайшитом, но среди торговых князей города не имел никакого положения. По существу, он был неудачником. Несмотря на все родственные связи, он никогда не сделал ничего заметного. Он оставался честным, но совершенно непредприимчивым разъездным торговцем.

Первым его безобразием было то, что он женился на богатейшей наследнице Мекки. Вторым — то, что он стал ратовать за преобразования, которые должны были изменить лёгкую и роскошную жизнь этой пустынной общины. Это вызвало протест — сперва умеренный, но усиливавшийся по мере того, как Мухаммед всё настойчивее бросал вызов окружающим. Дяди, двоюродные братья, племянники и свойственники были возмущены. Сперва возмущены, вскоре встревожены. Мухаммед вставал у них на пути, словно

страстный сторонник сухого закона, громко осуждая не только всё, что приносило удовольствие и достаток, но и самих богов, помогавших создавать это счастливое положение. Однако в этом возмущении не было ничего общенационального. Оно было прежде всего личным и местным. По мере развития истории это становится всё яснее. Сторонники отмены рабства и её противники. Алая роза Ланкастеров и Белая роза Йорков.

При Бадре, при Ухуде, во время осады Медины все знали друг друга. Когда Хамза убил Сибу — незадолго до того, как сам погиб за убийство тестя вражеского главнокомандующего, — он мог назвать по имени мать своей жертвы, совершавшую обрезание мекканским женщинам. После разгрома при Ухуде Абу Софьян вызвал Мухаммеда на новый бой в следующем году. Он сделал это так, как мог бы капитан соперничающей футбольной команды. Мухаммед явился в назначенный срок, Абу Софьян — нет. Отсюда насмешки, которые раздражали мекканцев больше, чем проигранное сражение. При осаде Медины Мухаммед воспользовался близким родством воюющих, чтобы посеять смуту во вражеском стане.

Когда Мухаммед наконец впервые вернулся в Мекку, личные обстоятельства снова вышли на первый план. Мекканцы хотели сохранить лицо. Они начинали признавать, что их беспокойный родственник — человек более значительный, чем им казалось, но хотели уступить достойно. Мухаммед прекрасно это понимал и делал всё, чтобы облегчить их покорность. Когда мир был заключён, никто не радовался больше прежних противников. Не осталось злобы, какая разделяет две воевавшие нации. Горячее братание и угощения были огромным вздохом облегчения: семейная ссора закончилась.

Обращение отдалённых племён, йеменцев и оманцев кажется почти вторжением извне в этот домашний спор близких родственников.

Медина тоже была большим домом. Большим домом в маленькой деревне. Мухаммед помогает строить мечеть. Мухаммед устанавливает местные законы, устраивает браки, женится сам. Гарем со всеми женскими ревностями, интригами и провинциальными сплетнями был столь же знаком, как Главная улица маленького

города. И люди, чьи потомки однажды станут править столь значительной частью мира, вовсе не были величественными фигурами. Я вижу их всех; я узнаю в них арабов, с которыми когда-то делил жизнь в Сахаре.

Абу Бакр — друг, веривший другу потому, что тот был его другом. Он довольно робок и совсем не привык жить со дня на день. Возможно, порой он думает, каково было бы состариться миллионером в Мекке.

Омар — вспыльчивый, огромный, воин по ремеслу и по природе. В обращении с неверными он знает лишь одно: обратить или убить.

Осман — фигура несколько туманная. Менее искренний, чем Абу Бакр, менее воинственный, чем Омар, и определённо более дипломатичный, чем оба.

И Али! Честный, некрасивый, лихой солдат. Мухаммед — его герой, сражение — любимое занятие. Его место прежде всего в военном лагере; он совсем не годится ни для совета, ни для двора. И всё же, как и трое других, он однажды станет халифом и будет править странами, о которых ещё несколькими годами раньше никогда не слышал.

И сам Мухаммед не представляется мне ни святым, каким его видят почитатели, ни самозванцем, каким его считают недоброжелатели. Аиша, не питавшая иллюзий насчёт своего мужа, говорила о нём:

«Он был мягок и благороден — просто человек, который часто смеялся и много улыбался».

Эта характеристика отчасти объясняет успех Мухаммеда. Человек, не умевший часто смеяться, не прошёл бы через все эти испытания. Человек, не умевший быть близким простым людям, не вызвал бы такой искренней дружбы, любви Хадиджи и Аиши и, вероятно, других своих женщин. Он не привлекал бы к себе детей. Часто, выступая в мечети, он держал ребёнка на руках. Его нередко видели в оазисе с ребёнком за каждую руку.

«Человек не может жить без постоянного усилия, — говорил он. — Усилие исходит от меня, его осуществление приходит от Бога».

Он никогда не позволял Богу отступить на задний план и никогда не позволял собственному положению вскружить себе голову. Читаем ли мы благожелательных к Мухаммеду авторов или враждебных ему — все сходятся в том, что его жизнь всегда была проникнута патриархальной простотой.

В этом, разумеется, одна из главных сил ислама — в его совершенной простоте. Это одна из причин его необычайного распространения.

Вернись святой Пётр в Рим, он, возможно, был бы озадачен пышным обрядом, яркими облачениями и странной музыкой в храме, носящем его имя. Ладан, изображения и песнопения не напомнили бы ему ничего из того, чему учил его Наставник. Но если бы Мухаммед заглянул в любую мечеть между Лондоном и Занзибаром, он увидел бы те же простые обряды, что в его мединском молитвенном доме из кирпича и пальмовых брёвен.

Мухаммед был прежде всего человеком. Он понимал слабости других людей. Он понимал их страсти и сознавал, что естественное привлекает гораздо прочнее, чем сложное и позолоченное.

Мусульманские миссионеры подходят к обращению людей совсем иначе, чем миссионеры других вероисповеданий. Прежде всего, они не отправляются в путь, специально подготовленные для этой цели. В исламе нет духовного сана, а проповедник одновременно бывает купцом и управителем. Кроме того, здесь есть терпимость, сочувствие и уважение к местным обычаям и предрассудкам, даже к некоторым наиболее безобидным верованиям.

Нет для мусульманина и расового барьера. Чёрный он, белый или жёлтый — неважно. С ним обращаются как с совершенно равным.

Мухаммед осудил и отменил различия касты, класса, цвета кожи и расы.

Величайшее свидетельство демократических установлений ислама — паломничество в Мекку. Здесь европейцы, азиаты и африканцы, носильщики, князья, купцы и воины встречаются в той же скромной одежде, которую носили Мухаммед и его спутники во время последнего паломничества в 632 году. Все едят одинаковую пищу, живут в одинаковых шатрах и пользуются одинаковым обращением,

прибыли ли они из доков Сьерра-Леоне или из дворца низама в Хайдарабаде. Они мусульмане. Этого отличия достаточно. Они следуют примеру основателя своей веры, который правил Аравией, но не стеснялся обедать с рабом или делиться финиками с нищим.

Мог ли человек, не вдохновлённый свыше, создать такое международное братство? Не обращаются ли насмешки противников ислама скорее против них самих? Почему самозванец оставил после себя вероучение, которое продолжает расти с самой его смерти? Сегодня число последователей мусульманской веры ежегодно увеличивается на четверть миллиона! И это без убедительных учеников, проповедующих послание ислама.

У Мухаммеда не было своего Павла. Первыми распространителями его веры были воины. То, насколько прочно они укореняли ислам повсюду, куда приходили, заставляет задуматься: что произошло бы, появись великий арабский миссионер, который проповедовал бы Коран подобно первым христианам? Великих мусульманских пропагандистов в прямом смысле никогда не было. Народам, соприкасавшимся с этой религией, она нравилась, и они её принимали. С другой стороны, ислам никогда не удерживался в стране, в основе своей отличавшейся от его родины. При мусульманах Испания прекрасно управлялась в течение пятисот лет, но, когда христианские короли вернулись со своей Святой инквизицией, мусульманская вера поблекла и умерла. К тому же маловероятно, что Европа приняла бы ислам, потерпи Карл Мартелл поражение при Туре. Эта религия принадлежит простым людям, чьи души близки природе.

Арабы действительно просты. Прост был и Мухаммед. Возражение, будто он усложнил свою жизнь многочисленными жёнами, несправедливо. Он лишь следовал обычаю. Нельзя судить одну страну и одну эпоху по меркам другой страны и другой эпохи. Гарем, как и вся история Мухаммеда, принадлежит к семейному окружению, которое господствует на протяжении всей его жизни. Беда многих биографов Мухаммеда в том, что они без колебаний судят, не оценив обстоятельств. Большинство ничего не знает об

арабах. Житель оазиса, кочевник или портовый грузчик в Бейруте для них просто ещё один араб — обычно грязный араб.

Было бы интересно увидеть биографию святого Павла, написанную мусульманином. Более чем вероятно, что она оказалась бы терпимее большинства сочинений христиан о Мухаммеде.

«О Господь, прости нам наши грехи и ошибки в этом нашем деле, укрепи наши стопы и помоги нам против неверующего народа!» — молился Мухаммед.

Единственным его прибежищем от греха был Бог, и он никогда не терпел лицемерия. Когда люди приходили к нему и, желая произвести впечатление, говорили: «Я не женат», или «Я не ем мяса», или «Я непрерывно молюсь», — он отвечал: «Хвала Аллаху, я пощусь и ем, бодрствую и сплю, и я женат. Тот, кто не достоин следовать моему обычаю, не принадлежит ко мне».

А спросившему, что доставляет ему наибольшее удовольствие, он обезоруживающе ответил: «Из вещей этого мира мне больше всего нравятся маленькие дети, женщины и благовония, но полное счастье я находил лишь в молитве».

Так пусть этот честный человек, сохранивший чувство юмора вопреки испытаниям, покоится до того дня, когда станет известна цена каждому, до того дня, когда —

«Люди выйдут толпами, чтобы увидеть свои деяния,
И тот, кто совершил добра весом с пылинку, увидит его,
И тот, кто совершил зла весом с пылинку, увидит его…
Ибо Богу принадлежит власть над небесами, землёй и всем, что они содержат, и Он властен над всем».

Коран, суры 99 и 5.

ЭПИЛОГ

Хотя история Мухаммеда закончилась тем июньским утром 632 года после Рождества Христова, история ислама не закончилась. Молодые и старые, женщины и мужчины, игравшие ведущие роли при его правлении, продолжали его традиции по собственному разумению. Я говорю «по собственному разумению», потому что в годы сразу после смерти Мухаммеда на смену согласию, отличавшему исламское братство при его жизни, пришли раздоры и интриги. Поистине чудесно, что созданное Мухаммедом не умерло вместе с ним. Это ещё одно свидетельство силы его личности и прочности основанной им веры.

Как уже было показано, первым халифом стал Абу Бакр. Его правление продолжалось не более двух лет, но это были годы укрепления и первых шагов к расширению. Люди ещё были растеряны, лишившись Мухаммеда, на которого привыкли опираться, и принимали всё, что постановлял Абу Бакр. На военном поприще Халид ибн аль-Валид и Амр ибн аль-Ас оправдали надежды на их полководческие дарования. При Абу Бакре они понесли мусульманское знамя в Ирак и Сирию. Босра, Дамаск и другие римские крепости пали перед их блестяще руководимыми армиями.

В 634 году Абу Бакр заболел. Как и в случае Мухаммеда, его смертельную болезнь объясняли разными причинами. Как и у Мухаммеда, главной причиной было переутомление. Аиша ухаживала за отцом так же, как за мужем, окружив его последние минуты той же любовью и заботой.

Понимая, в каком опасном положении оказался ислам после смерти Мухаммеда, Абу Бакр предусмотрительно назначил преемника. Омар довольно неохотно согласился стать вторым халифом. Получив это заверение, Абу Бакр умер. Его похоронили под комнатой Аиши, рядом с другом, с которым он разделил все опасности, лишения и торжества с первых дней Призвания.

Когда Омар принял власть, ему было пятьдесят три года, но выглядел он моложе. Суровый образ жизни сохранил его благородную наружность и мужскую силу. Никто не оспаривал его власти. Сама

Аиша, которой краткое правление отца не оставило времени занять официальное положение в Медине, решила, что безопаснее сотрудничать с новым халифом.

Хотя Омар и не хотел становиться преемником Абу Бакра, получив бразды правления, он уже не ослаблял хватки. Приняв титул «Амир аль-Муминин» — Повелитель верующих, — он велел продолжать осторожную внутреннюю политику Абу Бакра. Он также поощрял распространение ислама завоеваниями. Именно при Омаре началось подлинное строительство мусульманской империи.

Главным образом под командованием Халида и Амра мусульманские армии катились, словно огромные приливные волны, сметая всё на пути. Между 634 и 644 годами было завершено завоевание Сирии; римляне-византийцы потерпели решительное поражение близ Тивериадского озера. Иерусалим и Алеппо, Антиохию и Кесарию осадили и взяли. Морское побережье Малой Азии быстро перешло под власть Медины. Вскоре эта власть простёрлась на север до Аманских гор и на восток до самых дальних пределов Месопотамии. Затем вторглись в Персию, покорили её и заняли. На западе Амр устремился в Египет и взял Мемфис и Александрию. Через несколько месяцев после появления мусульман ещё один гордый народ присягнул пустынным арабам и принял их религию. Одновременно вавилоняне на другом конце Ближнего Востока тоже приняли ислам.

Но, несмотря на победоносное соприкосновение с богатейшими империями мира, халиф сохранял аскетизм и требовал того же от последователей. Однажды он даже сместил Халида, полагая, что тот пристрастился к роскоши и присваивает добычу. Это оказалось неверно: после смерти Халида в 640 году обнаружилось, что всё имущество мусульманского предводителя конницы состояло из боевого коня и оружия. Лишь много позднее арабы забыли своё пустынное происхождение и переняли привольные привычки горожан.

В 644 году Омар был убит персом Фирузом, которого привезли пленником в Медину. Омар молился в мечети, когда тот напал на него сзади и трижды ударил ножом, прежде чем халиф успел защититься.

Раны не сразу привели к смерти. Тем не менее Омар не пожелал определённо назвать преемника. Вместо этого он назначил совет из шести человек, который должен был избрать следующего халифа. Затем он спросил Аишу, позволит ли она похоронить его рядом с двумя друзьями. Аиша согласилась. Поэтому сразу после смерти первого Повелителя верующих положили под её комнатой. Это был последний раз, когда гробницу Посланника открывали.

Шестеро назначенных Омаром советников собрались сразу после похорон. Сначала халифат предложили Али с условием, что он будет править по Корану, традициям Мухаммеда и установлениям Абу Бакра и Омара. Али принял первые два условия, но отверг третье. Тогда предложение отозвали и обратились на тех же условиях к Осману. Менее честный, чем Али, он принял их без возражений. Так в 644 году Осман ибн Аффан, зять Мухаммеда и член мекканского рода Омейядов, которому предстояло править мусульманской империей из Кордовы и Дамаска, стал третьим халифом ислама.

Хотя при Османе империя продолжала расширяться, хотя тогда появился первый арабский флот, был взят Кипр и уничтожен византийский флот, его правление не носило того отпечатка высоких принципов, который отличал предшественников. При жизни Мухаммеда Осман никогда не был выдающейся фигурой. Теперь обнаружилось, что ему недостаёт качеств прежних правителей. Он легко поддавался влиянию и без стеснения заменял военачальников и наместников любимцами, невзирая на их способности. Кроме того, он совершил ошибку: оскорбил Аишу.

Само по себе оскорбление было невелико, но именно такого рода, чтобы пробудить все самые мстительные её инстинкты: Осман уменьшил её содержание до уровня содержания остальных вдов!

Аиша всегда считала себя любимицей Мухаммеда. При её отце и Омаре к ней относились с тем же почтением, что при муже. Последний халиф просил её разрешения быть похороненным под её комнатой. Но после смерти обоих покровителей она понимала, что для сохранения положения может понадобиться вся её изобретательность. Поэтому, когда Осман нанёс косвенный удар, Аиша решила, что он недостоин быть преемником её мужа. Определившись с этим, она могла лишь

искать лучший способ избавиться от врага. Повод и средства значения не имели. Когда Аиша чего-то желала, это исполнялось без оглядки на нравственность. В данном случае Осман всячески ей помогал.

Фаворитизм становился всё более откровенным. Старые друзья Мухаммеда, испытанные воины, честные государственные люди ежедневно приносились в жертву очередной прихоти халифа. Аиша не пропускала ни одного колебания его политики. Она обращала на них внимание старой гвардии. Она не упускала случая разжечь растущее недовольство.

История колебаний и предательств Османа и интриг Аиши слишком длинна, чтобы рассказывать её здесь. Наконец мусульмане настолько возмутились поведением Османа, что потребовали его отречения. Он отказался. Настроение народа стало угрожающим. Вскоре халиф оказался осаждён в собственном доме. Просьбы сменились угрозами.

Осман испугался. Он послал Аише просьбу вмешаться. Она ответила, что сожалеет, но занята: собирается совершить паломничество в Мекку. Прежде чем Осман успел снова обратиться к ней, она уехала. Однако не успела она уйти далеко, как получила известие: мединцы взяли правосудие в свои руки и казнили халифа. Более того, их отвращение к его поведению было столь велико, что тело без церемоний похоронили на общем кладбище.

Реакция Аиши была неожиданной. Она осудила убийц Османа и призвала Омейядов объявить кровную месть. Через несколько дней после смерти человека, которую она косвенно подготовила, она использовала эту смерть, чтобы посеять семена гражданской войны!

Путаницу усиливало то, что теперь на халифат претендовали четверо. Это были Али — приёмный сын, двоюродный брат и зять Мухаммеда; затем Зубайр и Тальха, родственники Аиши, пользовавшиеся её полной поддержкой; наконец, Муавия. Муавия был сыном Абу Софьяна и Хинд. Он также возглавлял Омейядов и в ту пору был наместником Сирии.

Али действовал быстро. Прежде чем кто-либо определился с преемством, он выдвинул себя. Сопротивление было невелико. Муавия находился в Дамаске и не знал, что происходит. Зубайр и

Тальха временно остались без Аиши, наблюдавшей за событиями из Мекки. Остальные вельможи были слишком потрясены убийством Османа, чтобы думать. Поэтому Али сумел провести свою кандидатуру. 18 июля 656 года, в тридцать пятом году хиджры, он был избран четвёртым халифом ислама.

Эта весть крайне огорчила Аишу. Она никогда не забывала и не прощала поведения Али в истории с Сафваном и ожерельем. Она всегда ревновала к уважению, которое Мухаммед питал к нему и как к человеку, и как к зятю. Её всегда раздражало, что он отец единственных оставшихся мужских потомков Мухаммеда. Принять его во главе ислама она не могла. Поэтому она решила любыми средствами устранить его со своего пути. В этом Али, как прежде Осман, сыграл ей на руку.

Али был храбрым солдатом и блестящим стратегом, но не государственным деятелем и не дипломатом. На поле боя он решал мгновенно, в совете был нерешителен. Через несколько недель после его вступления в должность стало очевидно, что любимцы будут влиять на него не меньше, чем на Османа, и что лишь сторонникам линии Фатимы стоит надеяться на важные посты в военном и гражданском управлении мусульманскими владениями. Кроме того, он не проявлял желания наказать убийц Османа. Аиша немедленно воспользовалась этими слабостями, чтобы обличить нового халифа. Она даже намекнула, будто Али причастен к убийству Османа. В этом её поддержал Муавия: отчасти потому, что как глава Омейядов представлял кровную месть, отчасти потому, что сам желал халифата.

Последовавшая история — одна из самых невероятных, когда-либо пришедших из Аравии. При помощи Тальхи и Зубайра Аиша собрала в Мекке армию и двинулась к Басре, у слияния Тигра и Евфрата. Басра была важной крепостью, и её жители разделились в отношении к Али. Их поддержка значительно усилила бы дело Аиши. После её прибытия началась полоса женских интриг, завершившаяся овладением городом.

Тем временем Али, хотя ему и не хотелось применять силу против любимицы своего тестя, не мог допустить открытого мятежа. Он выступил к Басре и попытался уладить дело дипломатически. Но в

обоих лагерях было слишком много горячих голов, слишком много людей, чьи личные честолюбивые надежды стояли на кону, и слишком мало того мусульманского единства, которое воспитал Мухаммед. Поэтому случайная стычка 4 декабря 656 года привела к сражению двух армий.

Аиша лично руководила войсками. Для этого она разместилась в алом паланкине, защищённом кольчугой и укреплённом на спине верблюда. Сражение было долгим и жестоким. Снова и снова превосходное руководство Али заставляло воинов Аиши дрогнуть. Снова и снова голос и пример предводительницы сплачивали их. Битва перекатывалась вокруг верблюда, пока красный паланкин не ощетинился дротиками, стрелами и копьями. Воин за воином погибал у ног животного. Сама Аиша получила лёгкую рану. Наконец одному из врагов удалось подрезать верблюду сухожилия. Это стало сигналом ко всеобщей атаке войска Али. Лишившись того, кто их воодушевлял, люди Аиши дрогнули и побежали. Лишь немногие остались возле неё. При помощи её брата они высвободили её из паланкина и унесли в город. За ними вошли Али и его войска. Али, столь же хороший солдат, сколь плохой государственный деятель, держал людей в руках: не было ни резни, ни даже грабежей. Он явился к Аише так, словно навещал её в прежние дни в гареме при мечети. Она не ответила на дружелюбие. Она встретила Али презрительно и молча. Сказала лишь:

«Ты победил. Прояви снисхождение».

Али так и сделал. Снабдив Аишу верблюдами и охраной, он отправил её в Мекку, а оттуда в Медину.

Однако неприятности Али не закончились. Хотя победа над Аишей дала ему власть над Аравией, Персией и Египтом, Сирией по-прежнему командовал Муавия. Он всё ещё использовал кровную месть как предлог для борьбы с Али и значительно усилился, заручившись поддержкой Амра ибн аль-Аса и его армии. Этот переход на другую сторону тоже имел личную причину: Али сместил Амра с должности наместника Египта, который тот столь блестяще завоевал.

И всё же Али столь же неохотно обнажал меч против этих единоверцев, как прежде нападал на Аишу. Он старался добиться мирного соглашения и лишь убедившись, что Омейяды намерены решить дело войной, выступил в Сирию во главе девяноста тысяч человек.

Положение было странным. С одной стороны — Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда, во главе армии, в которой шли ветераны Бадра, Ухуда и Хайбара. С другой — Муавия, сын заклятого врага Мухаммеда, поддержанный Амром, который тоже водил курайшитов против него. Официальной причиной конфликта объявлялось предполагаемое попустительство Али убийству Османа — одного из его прежних соратников первых дней ислама, в ту пору заклятого врага двух людей, теперь готовых сражаться ради мести за его смерть! По обе стороны — фанатичные мусульмане. Именно в этой кампании произошёл уже описанный эпизод: воины Муавии подняли Кораны на острия копий и тем остановили победоносную атаку людей Али.

Хотя в военном отношении гражданская война завершилась благоприятно для Али, дипломатия Муавии выиграла мир. Путём сложной цепи интриг сына Абу Софьяна объявили законным преемником Османа. Одновременно Амр вторгся в Египет и сверг наместника Али. Казалось, ислам надолго останется разделён между соперничающими претендентами на халифат. Однако прежде чем война возобновилась всерьёз, Али убили.

Группа фанатиков, принадлежавших к секте хариджитов, решила, что раздоры между мусульманами противоречат всем идеалам Мухаммеда и приведут ислам к гибели. Виновниками они сочли Али, Амра и Муавию и поклялись избавить от них Аравию. Два заговора не удались. Муавия был ранен, но не тяжело. По ошибке вместо Амра убили имама, руководившего молитвой в Египте. Лишь Али пал под мечами цареубийц. Его убили в месопотамской Куфе на Евфрате в 660 году, в тридцать девятом году хиджры. Ему было шестьдесят три года. Его похоронили там, где он пал. В его честь возвели великолепную гробницу под роскошной мечетью. Вокруг вырос прекрасный город, известный как Мешхед-Али — Гробница Али. Сегодня это одна из главных шиитских святынь.

Известие об убийстве Али достигло Медины в начале 661 года. Люди были потрясены. Для них Али был последней связью с великими днями жизни Мухаммеда. Реакция Аиши, как всегда, оказалась неожиданной. Что бы она ни чувствовала к смерти врага, она немедленно распорядилась объявить публичный траур. Она собрала мединцев в старом гареме. Здесь, стоя над могилой Мухаммеда, произнесла похвальное слово умершему халифу, перечислив его доблестные дела для ислама. Почти казалось, что назревает новая межмусульманская война. Но ход мыслей Аиши всегда преподносил сюрпризы. Через несколько дней после надгробной речи она признала Муавию пятым халифом, устранив с его пути единственное возможное препятствие к господству над всем исламом.

Это, разумеется, отвечало её интересам. Двое оскорбивших её мужчин были устранены. Она заставила оставшихся жён Мухаммеда отойти в тень. Она показала мусульманам, что с нею приходится считаться. Теперь ей хотелось закончить жизнь своего рода легендарной фигурой, «Матерью всех верующих», неофициальной преемницей Посланника. Лучше всего этому способствовали бы сильная власть и всё расширяющееся мусульманское господство.

Именно так и случилось. С того дня, когда Муавия стал бесспорным халифом, могущество ислама продолжало нарастать. Не прошло и ста лет после хиджры, как мусульманская империя протянулась от юга Франции через Испанию, Северную Африку, Египет, Аравию, Сирию, Месопотамию и Персию до границ Индии, с опорными пунктами в Италии, Греции и странах к югу от Дуная. Готовились дальнейшие завоевания. Вскоре Коран станет священной книгой Северной Индии, частей Китая и тех земель, которые теперь называются Малайскими государствами и Голландской Индией. В Восточной и Западной Африке муэдзины тоже будут созывать народ на молитву словами, впервые произнесёнными Билалом с крыши первой мединской мечети.

Ум Аиши не мог охватить такую географию, но она была довольна. Она знала, что учение её мужа получает должное признание и принимается многими. Сама она жила почти по-прежнему. Она не

пристрастилась к роскоши и, казалось, хотела, чтобы все забыли дни её политических опытов. Она заботилась о людях, помогала милостыней и советами. Причём советы были не только духовными: от торговых и финансовых рекомендаций деловым людям до фасонов одежды и выбора косметики для женщин.

Когда Аиша наконец умерла, ей было шестьдесят четыре года — на два года больше, чем Мухаммеду при смерти, и примерно столько же, сколько Хадидже. Хотя не раз предлагали похоронить её рядом с мужем и отцом, она прямо запретила это, считая неуместным. Поэтому её похоронили на первом мусульманском кладбище Медины, где уже лежало большинство первых обращённых. На похороны пришли все горожане, от высших до низших. Наместник Медины произнёс прощальную речь. В округе соблюдали траур. Это было последнее важное политическое событие в Медине. Отныне центр исламского управления переместится в Дамаск, Багдад, Каир и Кордову. Мекка и Медина станут святынями, священными городами, куда со всего мира будут приходить паломники, чтобы освятиться в местах земной жизни основателя своей веры.

Аиша была почти последней связью с эпохой Мухаммеда. Она была последней из тех, чьи отношения с ним восходили ко времени до хиджры. С её погребением личное начало в управлении исламом исчезло. За пределами мусульманского мира её имя малоизвестно, но нет сомнения, что вместе с Хадиджей она оказала не меньшее влияние, чем кто-либо другой, на возникновение этой религии, сегодня объединяющей седьмую часть населения мира.

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ДРАМЫ МУХАММЕДА В ПУСТЫНЕ

Абдаллах ибн Обей — мединский соперник Мухаммеда.

Абу Бакр — близкий друг Мухаммеда, первый халиф ислама.

Абу Джахль — курайшитский вождь, один из непримиримых противников Мухаммеда.

Абу Софьян — курайшитский вождь, долгое время яростный противник Мухаммеда.

Абу Талеб — дядя Мухаммеда, воспитавший и защищавший его.

Аиша бинт Абу Бакр — любимая жена Мухаммеда.

Аль-Аббас — дядя Мухаммеда, помогавший ему, хотя принял ислам поздно.

Али ибн Абу Талеб — двоюродный брат, воспитанник и зять Мухаммеда.

Билал — первый муэдзин ислама.

Фатима — дочь Мухаммеда и Хадиджи, жена Али.

Хафса бинт Омар — одна из жен Мухаммеда; ей позднее хранился ранний письменный свод Корана.

Хамза — дядя и молочный брат Мухаммеда, один из ранних сторонников ислама.

Хинд — жена Абу Софьяна.

Хадиджа — первая жена Мухаммеда.

Халид ибн аль-Валид — мекканский кавалерийский командир, ставший одним из наиболее известных мусульманских полководцев.

Омар ибн аль-Хаттаб — мекканский воин, ставший ранним сторонником Мухаммеда и вторым халифом.

Осман ибн Аффан — один из ранних сторонников Мухаммеда, третий халиф.

Рукайя — дочь Мухаммеда и Хадиджи, жена Османа.

Умм Кульсум — другая дочь Мухаммеда и Хадиджи, также впоследствии жена Османа.

Зейд ибн Хариса — освобожденный раб и приемный сын Мухаммеда.

Зейнаб — дочь Мухаммеда и Хадиджи, жена Абу аль-Аса.

ЖЕНЫ И НАЛОЖНИЦЫ МУХАММЕДА

(в порядке заключения браков с Мухаммедом)

Хадиджа бинт Хувайлид — умерла раньше Мухаммеда.

Сауда бинт Зама — вдова Сакрана, раннего мусульманина, умершего после переселения в Абиссинию.

Аиша бинт Абу Бакр.

Хафса бинт Омар.

Зейнаб бинт Хузайма — вдова родственника Мухаммеда Обейды; умерла раньше Мухаммеда.

Умм Салама бинт Абу Умайя — вдова Абу Саламы, умершего от ран после Охода.

Зейнаб бинт Джахш — разведенная жена Зейда.

Джувейрия бинт аль-Харис — взята в плен после похода против Бени Мусталик.

Райхана — еврейская наложница, взятая после расправы над Бени Корайза; умерла раньше Мухаммеда.

Умм Хабиба бинт Абу Софьян — вдова Обейдаллаха, раннего обращенного, переселившегося в Абиссинию.

Мария Коптская — наложница, подаренная Мухаммеду правителем Египта.

Сафия — еврейка, взятая после падения Хайбара.

Маймуна бинт аль-Харис — родственница семьи Аль-Аббаса.

СЛОВАРЬ

Абд — слуга, раб. Например, «Абдаллах» означает «слуга Бога».

Абу — отец. Так, «Абу Бакр» означает «отец молодого верблюда».

Аль / эль — определенный артикль «the». Например, «аль-Коран» — «Коран».

Аллаху акбар — Бог велик.

Амир — командир, правитель. От выражения «амир аль-бахр» — «командир моря» — происходит европейский титул «адмирал».

Ас-саляму алейк / ас-саляму алейкум — «мир тебе / мир вам».

Бедуины — кочующие племена пустыни; в качестве определения слово равнозначно «кочевой». «Бедави» означает «обитатели пустыни».

Бейт Аллах — Дом Бога; выражение для храма, мечети или освященного места молитвы.

Ибн / бин — сын. Например, Ибн Сауд — сын Сауда.

Бени / Бану — дети, потомки; часто обозначение племени, например Бени Саад.

Бинт — дочь. Например, Фатима бинт Мухаммед — Фатима, дочь Мухаммеда.

Халиф — преемник; титул правителей мусульманской общины после смерти Мухаммеда.

Джинны — сверхъестественные существа, в представлениях арабов часто связанные с пустыней; могут быть добрыми или злыми.

Хадж — паломничество в Мекку.

Хаджи — человек, совершивший паломничество.

Хиджра — переселение; прежде всего бегство/переселение Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году, от которого ведется мусульманское летоисчисление.

Имам — в данном словаре лицо, возглавляющее молитву.

Иншааллах — если Бог пожелает.

Ислам — религия мусульман; слово означает «покорность воле Бога».

Джихад — мусульманская священная война против немусульман, объявляемая в пору общенародной опасности.

Кааба — святилище в Мекке, бывшее до ислама местом языческих культов и ставшее центром направления мусульманской молитвы.

Кади — судья и правовой чиновник.

Касба — крепость.

Кисва — вышитое черное покрывало Каабы.

Кибла — направление на Мекку, к которому обращаются при молитве.

Коран — священная книга ислама, содержащая религиозные, нравственные и правовые наставления.

Масджид — место земного поклона, мечеть.

Мусульманин — последователь исламской веры. Слово означает «тот, кто предал себя воле Бога».

Муэдзин — служитель, призывающий к молитве пять раз в день.

Наби — пророк, но не предсказатель в значении греческого слова «профетес». В действительности «наби» означает «проповедник».

Рамадан — месяц поста; из-за лунного календаря приходится в разные сезоны.

Самум — горячий пустынный ветер.

Сура — глава Корана.

У арабов нет фамилий. Мужчины, женщины и семьи различают себя, добавляя к личному имени имена отцов или матерей либо называя себя детьми того или иного рода.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Дух ислама» — Амир Али.

«Жизнь Мухаммеда» — сэр Уильям Мьюр.
«Ислам и арабский пророк» — Г. И. Хейраллах.
«Магомет и его преемники» — Вашингтон Ирвинг.
«История арабов» — Филип К. Хитти.
«Очерки жизни Мухаммеда» — Ахмад Хан Бахадур.
«Мухаммед» — Тор Андре.
«Мухаммед и магометанство» — Р. Босуорт Смит.
«Магомет» — Г. М. Дрейкотт.
«Мухаммед» — Р. Ф. Диббл.
«Аиша, возлюбленная Мухаммеда» — Набия Эбботт.
«Паломничество в Мекку и Медину» — сэр Ричард Бёртон.
«Полумесяц и роза» — С. К. Чью.
«Арабское наследие» — коллектив авторов.
«Истоки исламского государства» — Филип К. Хитти.
«Мистические элементы у Мухаммеда» — Дж. К. Арчер.
«Апостол Бога» — Эдвард Гиббон.
«Жизнь Мухаммеда» — Джордж Буш.
«Герои и почитание героев» — Томас Карлейль.
«Люди силы» — А. К. Бенсон и Х. Ф. У. Тэтэм.
«Изречения Мухаммеда» — Абдаллах аль-Мамун ас-Сухраварди.
«Познакомьтесь с арабом» — Джон ван Эсс.
«Мир арабов» — Эдвард Дж. Бинг.
«Жизнь Мухаммада» — Суфи М. Р. Бенгали.
«Жизнь Магомета» — Эмиль Дерменгем.
«Торговая республика Мекка» — Анри Ламменс.
«Мекка, запретный город» — Жан Баруа.
«Магомет» — Этьен Дине.

«Коран» в переводе Дж. М. Родвелла.

«Коран» в переводе Мармадьюка Пиктолла.

«Коран» в переводе Джорджа Сейла.